МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ЖУРНАЛ №4

Издательство
«МГИМО-Университет»
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного института
международных отношений (Университета)
МИД России

Редакционная коллегия:
к.пед.н., проф. Г.И. Гладков (отв. ред.)
д.ф.н., Л.Г. Веденина
к.ф.н., Е.Л. Гладкова
к.ф.н., С.В.Евтеев
д.ф.н., проф. В.А. Иовенко
к.ф.н., И.В. Ляхова
к.ф.н., Г.С. Романова
к.ф.н., А.В. Штанов
к.пед.н., Е.Б. Ястребова
PhD., prof. Niza Fabre (USA)
PhD., prof. Ludmila Smirnova (USA)
д.ф.н., проф. Т.А. Ивушкина (отв. секр.)

Филологические науки в МГИМО: Журнал. – №4 / Отв. редактор Г.И. Гладков. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 178 с.

ISSN 2410-2423

Настоящий журнал предназначен для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов.

Журнал состоит из трёх разделов. Первый раздел содержит статьи о современных вопросах лингвистики и межкультурной коммуникации. Второй раздел содержат статьи по методике преподавания иностранных языков. Третий раздел посвящен проблемам литературоведения и лингвокультурологии.

Журнал выходит 4 раза в год.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-58253 от 05 июня 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1.
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Демидова Д.Г.
Актуализация концепта «семья» как ценностной доминанты британской лингвокультуры в политическом дискурсе (на материале текстов выступлений британских консерваторов) 6

Епифанов Р.А.
Особенности образования аббревиатур в военных арабских текстах в сравнении с русским языком..... 16

Толмачёв Н.А.
К вопросу о варваризации в современном русском языке 33

Федулова М.Н.
Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации..... 47

Чигашева М.А.
Особенности коммуникации на немецком языке 60

Раздел 2.
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Дубина Ю.Р.
О возможностях постановки RP с помощью видеоуроков, интернет-ресурсов и речевых курсов..... 72

Раздорская Н.В.
Экстралингвистические особенности делового общения с японцами.... 82

Раздел 4.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Воронец С.М.
Система основных элементов итальянской гастрономической модели..96
Бредис М.А.
Балтийская паремиология от истоков до современности: подходы к изучению и определению пословиц в латышском и литовском языках 116
Караваева Е.М.
Этнический компонент в рассказах Вуди Аллена 134
Кошелева И.Н.
Кризис культурной идентичности в условиях глобализации в романе Мохсина Хамида “The reluctant fundamentalist” 142
Павлова А.Н., Сиднева С.А.
Колизей как парадигма истории Италии 157
Чернова С.В.
История шутовства.....168

Раздел 1.
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» КАК ЦЕННОСТНОЙ ДОМИНАНТЫ БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ)

Д.Г. Демидова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье анализируется формирование сложных концептов-понятий в политическом дискурсе и основания для их выделения в самостоятельные концептуальные единицы. В фокусе внимания – языковая репрезентация концепта-понятия «hard-working family» в политическом дискурсе Консервативной партии Великобритании и его соотношение с базовой ценностной доминантой «семья» британской лингвокультуры.

Ключевые слова: семья, ценности, политический дискурс, Великобритания.

«Семья» является одним из наиболее важных аксиологических концептов англосаксонской культуры, что нашло отражение в дискурсе Консервативной партии (партии власти с 2010 года), выступающей за традиционные британские ценности.

В современной лингвоконцептологии сложилось много подходов к определению концепта и его структуры. В работах различных исследователей концепт определялся как «оператив-

ная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» (Е.С. Кубрякова), «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания» (А.А. Залевская), «операционная единица мысли», «единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» (С.Г. Воркачев). Наиболее удачным представляется определение, данное В.И. Карасиком: концепты – «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта». В соответствии с этим подходом выделяется трёхкомпонентная структура концепта, включающая в себя понятийную (онтологическую), ценностную (аксиологическую) и образную составляющую.[1]

Одной из проблем при анализе концепта является определение оснований для его вычленения в отдельную концептуальную единицу. Основанием для того, чтобы считать некую лексическую единицу репрезентантом отдельного концепта, может служить его самостоятельное бытование в лингвокультуре в качестве отдельного понятия. Таким новым концептом-понятием, «отпочковавшимся» от более обобщённого концепта, можно считать понятие «hard-working family», введённое в язык политики Лейбористской партией в ходе выборов 2005 года и закрепившееся в политическом дискурсе как лейбористов, так и консерваторов.

По мнению BBC, своему широкому распространению в языке политики это выражение обязано сменой ценностной ориентации британской политики: если в годы М. Тэтчер британская политическая культура была индивидуалистичная, то в начале XXI века это понятие вошло не только в риторику обеих политических партий, но и реализовалось в конкретных политических мерах по изменению налогового законодательства в пользу семейных налогоплательщиков.[2]

---

[1] Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. - С.3-16.

[2] http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/vote_2005/frontpage/4458273.stm

Понятие «hard-working family» состоит из компонентов «семья» и «трудолюбие», однако, как будет в дальнейшем продемонстрировано, эти два компонента не просто связаны подчинительными отношениями определения, а составляют единое понятие. Разберём каждый из этих компонентов по отдельности.

Концепт «семья» (family) является фреймовым концептом, включающим в себя несколько слотов. На материале текстов выступлений представителей Консервативной партии Великобритании за 2014 – 2015 годы был проведён анализ семантических значений лексемы family, прямой номинации соответствующего концепта, в риторике британских консерваторов. В результате были выделены следующие контекстуальные оппозиции:

1. Метафора «народ – семья»:

And if this family of nations broke up, something very powerful and very precious the world over would go out forever.[3]

But our future as a family of nations within a nation state can be better secured.[4]

2. отношения «общество – семья» (метафоризация семьи как направления социальной политики):

1) …the millions of people who work hard, provide for their families and pay their taxes for the public services we need[5].

2) If crime hits the poorest hardest – and it does – then it follows that is the poor who have most to gain from falls in crime. If you are poor in London, you are more likely to send your kids to a school where the air is polluted. If you are poor, your kids are 40 per cent more likely to die or be seriously injured in a road traffic accident.[6]

3) Now, the Prime Minister and I promise to be part of that strong voice here, because we know that working people here in the south-west have exactly the same aspirations as those everywhere else in the country: to be able to get a good job, to buy your first home, to make sure your children get a great education, to make sure your family has great healthcare, to have a decent retirement, and perhaps to leave something at the end of it to your children.[7]

[3] https://www.gov.uk/government/speeches/the-importance-of-scotland-to-the-uk-david-camerons-speech

[4] http://www.conservativehome.com/parliament/2015/10/ruth-davidsons-party-conference-speech-in-full.html

[5] George Osborne. Speech at Conservative party conference 2015.

[6] Boris Johnson. Speech at Conservative party conference 2015.

На последнем примере проиллюстрирована актуализация значения «семья как направление социальной политики» в окружении лексем, являющихся номинациями направлений политики или принадлежащих к их семантическому полю (retirement, healthcare, education). На протяжённости текста устанавливается ассоциативная связь между концептами «семья» и «политика» с помощью соположения лексем, относящихся к их семантическим полям (get job – buy your first home, children – education, family – healthcare). В результате происходит метафоризация, а точнее, метонимизация концепта «семья» для обозначения всей социальной политики как направления.

3. отношения «семья – государство»:

It's clear to Conservatives that an affordable, secure supply of energy that our hardworking families and businesses can rely on now and in the future is the backbone of a thriving economy.[8]

For very many hardworking families across the country times remain difficult, which is why we've cut income tax for 25 million people, frozen fuel duty and reformed welfare to reward those who work hard and play by the rules.[9]

Monetary policy is at its most effective when you have fiscal credibility. That credibility provides a bedrock of economic security for families.[10]

Лексико-семантический вариант слова «family» со значением «ячейка общества» доминирует в риторике британских консерваторов. Это значение актуализируется в сочетании с прилагательным hard-working в закрепившемся понятии «hard-working family» (the government is committed to supporting hardworking families and backing business;[11] government [is] on the side of hard-working families in Britain, and government on the

---

[7] https://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-weve-got-a-plan-to-back-the-working-people-of-the-south-west

[8] Amber Rudd speech to Conservative party conference 2015, https://www.politicshome.com/energy-and-environment/articles/news/amber-rudd-speech-conservative-party-conference

[9] https://www.gov.uk/government/speeches/royal-institute-of-chartered-surveyors-invest-in-northern-ireland-lunch

[10] https://www.gov.uk/government/speeches/chancellors-speech-at-the-cbis-2015-annual-dinner

[11] https://www.gov.uk/government/news/finance-bill-2015-brings-in-new-tax-changes

side of those people like you who help so many of our families stay together every single day[12]) и в семантическом представлении плана содержания концепта соотносится со слотом «организационная единица, неделимое целое». Заложенное в этом значении понимание семьи как хозяйства, экономической единицы (household) соотносится с другими лексическими единицами со значением общности, которые используются для номинации электората в политическом дискурсе, например, communities или nation (в обращении к шотландским избирателям). Анализ выступлений премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона за 2014 – 2015 года показал, что в 9% случаев лексема «family» употреблялась в составе словосочетания «hard-working family».

Ещё одним слотом концепта «семья», реализуемым в дискурсе британских консерваторов, является слот «семейные ценности». Актуализация лексических значений, связанных с этим слотом концепта, осуществляется как в рамках соответствующего тематического контекста – обсуждения соответствующих политических вопросов, связанных с политикой в области семьи, так и вне его:

1) That's why we have already invested over £30 million here in education and today I can announce that we will be doubling our current commitment to £20 million a year for the next 3 years to help Syrian children in public schools.[13]

2) One hundred years ago, young men across this continent packed their kit bag, kissed their sweethearts goodbye and prepared to go to war. I think of the millions of mothers and fathers who would have stood on their front door-step, waving their sons off, not knowing if they would ever see them again.[14]

Высокая значимость ценностной составляющей концепта «семья» для британской лингвокультуры также маркирована частотным употреблением лексики, связанной с именованием родственных отношений (mother, father, son, parents, marriage etc.), домом и традиционным укладом (home, household, house, roof, tradition), тёплых чувств (love, sympathy, comfort) и актуализирующей соответствующие концепты в сознании слушателя. Указанные лексические единицы ассоциативно соотносятся с

[12] https://www.gov.uk/government/speeches/david-cameron-on-families
[13] https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-statement-in-lebanon
[14] https://www.gov.uk/government/speeches/pms-words-at-st-symphorien-cemetery

заботой о родных и близких, эмпатией к слабым и нуждающимся, приверженностью справедливости, коллективной взаимопомощью, консерватизмом – чертами национального характера, которые носители лингвокультуры при саморепрезентации ассоциируют с традиционными ценностями англосаксонской культуры, основанной на христианстве. Политики портретируют собирательный образ британского избирателя, который ставит выше не индивидуальный успех, а благосостояние семьи, этнокультурной общности, нации.

В понятие «hard-working family» заложены не только морально-этические, но и экономические ценности, которые сконцентрированы в компоненте «hard-working».

Лексема «hard-working», репрезентирующая концепт «трудолюбие», только начинает получать словарное оформление, однако Oxford English Dictionary до сих пор не выделяет её в отдельную словарную статью, кроме того, нет единой орфографической нормы оформления (hard-working или hardworking).

Концепт «трудолюбие» имеет особую значимость для риторики Консервативной партии Великобритании. Партийные съезды Консервативной партии в 2013 и 2015 году проходили под лозунгом «For hardworking people». Лексема «hardworking» и сочетание слов «work» и «hard» употребляются в 99% выступлений премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона в 2014 – 2015 годах. Апелляция к концепту также осуществляется при помощи многочисленных лексических репрезентантов этого качества (прил. aspiring, striving, working, dedicated, diligent, enterprising), а также лексем, входящих в семантическое поле концепта «труд» (сущ. work, job, labour, business, effort, progress, strain, development, глаг. do, deliver, sacrifice, build).

Рассмотрим примеры употребления понятия «hard-working family»:

1) That is exactly why we are pressing ahead with these reforms - so that not a moment is lost in getting on with the task - going further than ever before to help with childcare costs, helping hardworking families and giving people the opportunity to get into work.[15]

2) There are those who have said it was impossible to control public spending, improve public services, reduce the deficit and

[15] https://www.gov.uk/government/news/government-brings-forward-plans-to-double-free-childcare-for-working-families

still cut income taxes for hard working families on low and middle incomes. Today we have settled that argument: it is possible and we're doing it.[16]

Оба примера демонстрируют, что понятие «hard-working family» представляется ораторами как одна из ценностно-смысловых доминант дискурса. Стилистическим оформлением в тексте для выстраивания в один ряд концептов, несущих сильную ценностно-смысловую нагрузку для аудитории, являются параллельные конструкции.

Сообразно подходу, предложенному В.И. Карасиком, в рамках концепта-понятия «hard-working family» выделяются понятийная, ценностная и образная составляющие. Понятийная (онтологическая) составляющая сообразуется с представлением о трудолюбивой семье как о социальной общности наряду с community или county, которая имеет общие социально-экономические интересы. Аксиологический компонент концепта реализуется при помощи контекста в ритуальных жанрах политического дискурса. Образность проявляется в самостоятельном бытовании понятия в политическом дискурсе, имеющего чёткое смысловое наполнение. «Hard-working family» – это социальная общность, основанная на близких родственных связях, скреплённая как внутренними, так и внешними, общенациональными ценностями, являющаяся экономической единицей и имеющая собственные политические интересы. Таким образом, на современном этапе развития британского политического дискурса базовые концепты объединяются в новые концепты-понятия и, как было показано на примере понятия «hard-working family», приобретают самостоятельное значение.

Список литературы

1. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Москва, 2004. – С. 3-10.
2. Антология концептов. Под ред. Карасика В.И., Стернина И.А.. Том 1. Волгоград, 2005. – 352 с.
3. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты

[16] https://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-george-osbornes-autumn-statement-2014-speech

метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79-95.
4. Исаева Л. А., Буданова С. Г. Лингвоконцептология текста: базовые понятия и методические основы // Культурная жизнь Юга России. – 12. – № 1.
5. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград, 2001. – С.3-16.
6. Левенкова, Е.Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании // Известия Самарского научного центра РАН. Тематический выпуск. – Самара, 2009. Т. 11. № 4 (30). – С.226 – 231.
7. Лыткина, О.И. К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. Москва, 2010. – №2.
8. Amber Rudd speech to Conservative party conference// Politics Home [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.politicshome.com/energy-and-environment/articles/news/amber-rudd-speech-conservative-party-conference
9. Ruth Davidson's Party conference speech in full // Conservative Home: Britain's leading Conservative blog for news, comment, analysis and campaigns, edited by Paul Goodman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conservativehome.com/parliament/2015/10/ruth-davidsons-party-conference-speech-in-full.html.
10. UK Government website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk.
11. B. Wheeler. Who are 'Britain's hardworking families'? // BBC.CO.UK: BBC Official Website. UK, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/vote_2005/front-page/4458273.stm.

Об авторе
Дарья Григорьевна Демидова – аспирантка кафедры английского языка № 3 МГИМО (У) МИД России, email: viva.la.gloria90@gmail.com.

CONCEPT "FAMILY" AS A DOMINATING VALUE OF THE BRITISH LINGUISTIC CULTURE AND ITS ACTIVATION IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON SPEECHES TRANSCRIPTS OF THE BRITISH CONSERVATIVES)

D.G. Demidova

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia, 76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyses formation of complex notion concepts in political discourse and prerequisites for their identification as separate con-*

cept units. Dealing with "hard-working family" as an example of such a notion concept it focuses on the means of language which is represented by in Britain's Conservative party discourse and on its juxtaposition to the broader value concept of "family".

Key Words: family, values, political discourse, Great Britain.

References

1. M.M. Angelova. "Kontsept" v sovremennoy lingvokulturologii [Concept in modern linguistic culturology] – Aktualniye problemy lingvistiki I lingvodidaktiki, collected papers, issue 3, Moscow, 2004, pp. 3-10.
2. Antologiya kontseptov. Pod red. Karasika V.I, Sternina I.A. [Antology of concepts, edited by Karasik V.I and Sternin I.A.], Volume 1, Volgograd, 2005, 352 pp.
3. Vorkachev S.G. Metodologicheskiye osnovaniya lingvokontseptologii [Methodological foundations of linguistic conceptology], Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika, Iss.3, Voronezh, 2002, pp. 79-95.
4. Isayeva L.A., Budanova S.G. Lingvokontseptologiya texta: bazoviye poniatiya i metodologicheskiye osnovi [Linguistic conceptuality of text: basic notions and methodological foundations], Kulturnaya zhizn' Yuga Rossii, iss. 12, No. 1.
5. Karasik V.I. O kategoriyakh lingvokulturologii [On categories of linguistic culturology], Yasikovaya lichnost': problem kommunikativnoy deyatelnosti. Collected papers, Volgograd, 2001, pp. 3-16.
6. Levenkova Ye.P. Kontseptosfera politicheskogo diskursa Velikobritanii [Conceptuality of British political discourse], Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, special issue. Samara, 2009. Volume 11, No 4 (30), pp. 226 – 231.
7. Lytkina O.I. K voprosu o tipologii kontseptov v sovremennoy lingvistike [On typological classification of concepts in modern linguistics], Vestnik MGTU im. M.A. Sholokhova. Fililogicheskiye nauki. Moscow, 2010, No. 2.
8. Amber Rudd speech to Conservative party conference// Politics Home [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.politicshome.com/energy-and-environment/articles/news/amber-rudd-speech-conservative-party-conference
9. Ruth Davidson's Party conference speech in full // Conservative Home: Britain's leading Conservative blog for news, comment, analysis and campaigns, edited by Paul Goodman, URL: http://www.conservativehome.com/parliament/2015/10/ruth-davidsons-party-conference-speech-in-full.html.
10. UK Government website, URL: https://www.gov.uk.
11. B. Wheeler. Who are 'Britain's hardworking families'? // BBC.CO.UK: BBC Official Website. UK, 2015, URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/vote_2005/frontpage/4458273.stm.

About the author

Daria G. Demidova – a postgraduate student of English Department № 3 MGIMO (U), email: viva.la.gloria90@gmail.com.

* * *

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В ВОЕННЫХ АРАБСКИХ ТЕКСТАХ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Р.А. Епифанов

Посольство Российской Федерации в Иорданском Хашимитском королевстве Иордания, Амман, район Джабаль-Амман, 3-й круг, ул. Захран, д.22.

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей образования аббревиатур и условных обозначений в военных арабских текстах в сравнении с русским языком.

Начало статьи посвящено процессам зарождения, повсеместного внедрения и популяризации использования аббревиатур в военных документах арабских стран, где отмечаются общие закономерности, характерные для аббревиатур в арабских военных текстах по сравнению с русским языком, в частности, использование при их формировании существительных, прилагательных и наречий, а также опускание диакритических знаков, определённых артиклей и соединительных частиц.

Затем последовательно рассматриваются общие принципы, особенности и исключения, характерные для образования условных обозначений терминов, состоящих из одного, двух, трёх и более слов. В качестве примеров приводятся аббревиатуры, образованные, в частности, за счёт использования первой буквы, нескольких первых идущих подряд букв, одной или нескольких начальных букв, одной или нескольких средних букв, первой и одной из средних букв, начальной, средней и оконечной буквы, средней и оконечной буквы, последней буквы и последней части слова, первой и последней буквы, одной буквы из всего слова, условного символа или отсутствующей в слове буквы.

Отдельное внимание посвящено использованию в арабских и русских терминах иностранных аббревиатур, которые транслитерированы с другого языка, в частности с английского.

В конце статьи делается вывод о том, что процессы образования аббревиатур и условных обозначений в военных арабских текстах характеризуются большим многообразием и разносторонностью используемых для этого способов по сравнению с русскими

аналогами и необходимости дальнейшего изучения данного направления лексикографии в перспективе.

Ключевые слова: военные аббревиатуры, военные условные обозначения, военный перевод, арабский язык, русский язык, военные документы, военные термины.

Повсеместное внедрение и использование в боевых документах вооружённых сил ведущих стран мира различных аббревиатур и условных обозначений приходится на период Первой мировой войны. Это было обусловлено массовым военным строительством и как следствие резким ростом документооборота в армиях воюющих держав. Этот процесс также коснулся Российской империи и Турции, в состав которой на тот момент входили арабские страны Машрика и Персидского залива. Современные государства Магриба тогда являлись колониями различных европейских держав, и делопроизводство в вооружённых силах, располагавшихся на их территории, велось на языке метрополии.

В частности, в период Первой мировой войны в турецкой армии использовались медальоны, на которых указывался номер роты, батальона и полка военнослужащего. При этом для обозначения названий подразделений использовались условные сокращения в виде одной из букв слова. В частности, для обозначения турецкого слова «рота» (كلب) использовалась последняя буква «кяф», для слова «батальон» (روباط первая буква «та», для слова «полк» (يالا) последняя буква «йа». Несмотря на обретение в последующем независимости от турок, многие военные османские традиции сохранялись на первых порах в вооружённых силах новоиспечённых государственных образований, в том числе касающиеся применяемой лексики и её условных обозначений.

Повсеместное использование условных сокращений в документах в период Первой мировой войны продемонстрировало их востребованность в военной сфере. В этой связи они стали составной и неизменной частью военной лексики. В последую-

щие годы количество сокращений и аббревиатур только росло и увеличивалось в контексте появления новых типов и видов вооружений, структурных подразделений и родов войск.

Принцип образования устойчивых и повсеместно используемых аббревиатур в военных арабских текстах имеет как ряд отличий, так и схожестей по сравнению с русским языком. Аббревиатуры в арабских военных текстах, как и в русских документах, есть у существительных, прилагательных и наречий.

Общей особенностью арабских военных текстов является опускание при формировании условных обозначений и аббревиатур определённых артиклей, предлогов, соединительной частицы ل и диакритических знаков, в т.ч. шадд. Например, «бронебойный» (م خ - تاعّردمللقراخ) [2. С. 466], «и так далее» (и т.д.) (خلا – هرخآ يلإو) [1. С. 569]. Вместе с тем следует отметить и исключения, например: «машина на километр» (رتمولكيلةبرع - ك ل ع) [3. С. 155], «вертолет» (لهلا – رتبوكيلهه). Кроме того, буква «алиф» вне зависимости от огласовки обозначается обезличено, например, «направление» (ا - هاجتإ) [1. С. 567].

Аналогичные параллели можно проследить в русских военных условных обозначениях, где также опускаются предлоги, например, «безопасность и оперативная работа» − БОР [5]. В то же время есть и свои исключения, «бронетанковые и механизированные войска» − БТ и МВ, «космическое вооружение и техника» − КвиТ [5].

Арабские военные аббревиатуры, как и русские условные обозначения могут писаться как слитно, так и раздельно. В арабских аббревиатурах словосочетаний, состоящих из двух и более слов, пробелы между буквами или группами букв играют роль границ между соответствующими словами. Вместе с тем активно практикуется и слитное написание, что обусловлено тенденцией к упрощению. Если в арабских текстах пробелы обозначают границы между буквами, то в русских военных текстах пробелы внутри аббревиатур используются для разделения словосочетаний. Например, «Военный Университет Министерства обороны» − ВУ МО.

Исключительной особенностью русских военных аббревиатур является использование для их обозначения заглавных, строчных или комбинации заглавных и строчных букв, которые как явление отсутствуют в арабском языке.

Особенности образования условных обозначений терминов, состоящих из одного слова.

Образование условных обозначений терминов, состоящих из одного слова, происходит в арабских военных текстах по следующим принципам:

- первая буква слова обозначает всё слово. Подобный принцип, в частности, активно используется для обозначения воинских формирований. Например, «рота» (سريةة – س) [2. С. 283], «батальон» (كتيبةة – ك) [3. С. 34];

- для обозначения слова используются несколько первых идущих подряд букв слова. Подобный принцип также встречается как в арабском, так и русском языках. Отличительными особенностями его применения в том и ином случае является количество задействованных букв:

* первые две буквы слова обозначают всё слово. Например, «обучение» (تدريب – دت) [1. С. 570]. Подобный принцип используется и в русских военных аббревиатурах, например, «эшелон» − «эш» [5];

* первые три буквы слова обозначают всё слово. Подобный принцип в арабском языке весьма характерен для условного обозначения ряда месяцев. Например, апрель (أبريل – ابر) [2. С. 459], август (أغسطس - أغس) [2. С. 460]. Тем не менее, круг применения данного принципа не ограничен сугубо календарными терминами, например «тактический» (تكتيكي – تكت) [3. С. 333]. Подобный принцип используется и в русских военных аббревиатурах, например, «арсенал» − «арс», «образец» − «обр» [5].

* первые четыре буквы обозначают всё слово. Например, «партизанский отряд» (الفدائيّون – فدء) [1. С. 580]. Следует отметить, что в некоторых случаях в аббревиатурах, образованных по данному принципу, появляются дополнительные буквы, которые могут отсутствовать в самом слове. Например, «сантиметр» (سنتمتر – سنتي) [2. С. 469], или «вертолёт» (هليكوبتر – هيل). Данное явление интересно с той точки зрения, что возникновение дополнительной буквы обусловлено облегчением произношения аббревиатуры, несмотря на то, что лишний буквенный знак усложняет её написание.

- одна из начальных букв слова обозначает всё слово. Например, «эвакуация» (إخلاء – خ) [1. С. 572];

- группа начальных букв слова обозначает всё слово. Например, «телефон» (تلفون - تلف) [1. С. 570]. Данный принцип используется и в русских военных текстах. Например, «батарея» − батр, «телефонный» − ТЛФ, «телеграфный» − ТЛГ [5];

- одна из средних букв формирует аббревиатуру. Например, «тыл» (خ – خؤم ّرق) [2. С. 465];

- группа средних букв слова формирует аббревиатуру. Например, «движение» (رح – رح ّكت) [3. С. 80];

- для обозначения слова берётся первая и одна из средних букв. Данный принцип находит своё применение, как в русском, так и арабском языках. Например, «сантиметр» − «см» (رتمتنس – مس) [2. С. 468]. При этом редким исключением выглядит один из вариантов аббревиатуры, используемой для обозначения слова «миллиметр» − «мм» (م م – رتمي ّلم) [3. С. 161], где аббревиатура написана раздельно, а не слитно. Следует отметить, что у данного условного обозначения также существует такой же слитно написанный вариант (мм) [3. С. 161].

В русских военных текстах данное правило находит применение в условных обозначениях существительных, образованных сложносуффиксальным способом или путём сложения двух основ. Например, «быстродействие» − БД, «радиопротиводействие» − РПД [5].

Кроме того, в русском языке аббревиатура может быть создана из групп слов, представляющих собой первые буквы двух основ. Например, «главнокомандующий» − главком [5]. Кроме того, условное обозначение может быть сформировано из первой буквы первой основы и группы начальных букв второй основы. Например, «радиодонесение» − РДО, рдо [5];

- для обозначения слова берётся начальная, средняя и оконечная буквы. Например, «разведка» (عطس – عالطتسإ) [1. С. 575]. Подобный принцип присутствует и в русских военных текстах. Например, «аэрофотослужба» − АФС, «калибр» − клб [5];

- для обозначения слова берутся средняя и оконечные буквы. Например, «разведка» (عط – عالطتسإ) [2. С. 474];

- последняя буква обозначает всё слово. Подобный принцип в арабском языке весьма характерен для условного обозначения ряда месяцев, Например, «реджеб» (ب - بجر) [3. С. 279]. Тем не менее, он применяется и в других словах, например «часы» (ت – تاعاس) [2. С. 461];

- для обозначения слова используется конечная часть слова. Например, «средний» (طسو – طّسوتم) [1. С. 593];

- для обозначения слова берутся первая и последняя буквы (не считая тамарбуту). Например, «корпус» (قف - قلىف) или «дивизия» (قف - ةقرف) [1. С. 581];

- из всего слова опускается только одна буква (как правило, гласная). Например, «войска» (دنج - دونج) [1. С. 572];

- для обозначения слова используется условный символ. Например, для обозначения слова «перекрёсток» используется соответствующий символ «х», символизирующий пересечение или перекрестие. Таким образом, словосочетание «перекрёсток дорог» (قرطلا عطاقت) в тексте будет обозначено как «× رط» [2. С. 474];

- для обозначения слова берётся буква, которая в составе слова отсутствует. Например, «убитый» (ص – لوتقم) [3. С. 345]. В данной ситуации подобная практика мотивирована стремлением скрыть от непосвящённых истинное значение аббревиатуры, так как вопрос о потерях всегда имел высокую чувствительность.

Особенности образования условных обозначений терминов, состоящих из двух слов.

Образование условных обозначений терминов, состоящих из двух слов, происходит в арабских военных текстах по следующим принципам:

- первая буква первого слова обозначает всё словосочетание. Например, «фокусное расстояние» (ب – يرؤب دعب) [2. С. 460];

- группа букв первого слова обозначает всё словосочетание. Например, «подтверждение получения (приказа, документа и т.п.)» (دفا - لوصولاب ةدافإ) [2. С. 460], «железная дорога» (ةّكس ايدحلا – كس) [3. С. 91];

- первые буквы слов, образующих словосочетание, обозначают всё словосочетание. Подобный принцип активно и повсеместно используется как в арабском, так и русском языках. Единственное отличие арабских аббревиатур, как отмечалось выше, заключается в том, что они могут писаться как слитно, так и раздельно. В первом случае пробел указывает на то, что аббревиатура сокращает не одно слово, а словосочетание. Вто-

рой случай обусловлен упрощением написания с целью экономии времени. Русские варианты пишутся либо слитно, либо через точку:

* условное обозначение пишется раздельно. Например, «нашей эры» (н.э.) (م ب - دالميلا دعب) [1. С. 570], «до нашей эры» (до н.э.) (م ق - دالميلا لبق) [1. С. 582];

* аббревиатура пишется слитно. Например, «джумада альула (5-й месяц мусульманского лунного календаря)» (ىلوألا ىدامج - اج) [3. С. 85]. Подобный принцип наблюдается и в русских военных текстах, в частности «пограничный округ» − «ПО» [5].

При этом арабские аббревиатуры ряда слов имеют как слитное, так и раздельное написание. Например, «бронеавтомобиль» (م س ،مس – ةعّردم ةراّيس) [1. С. 575];

- первая буква первого слова и одна из начальных второго слова обозначают словосочетание. Например, «фугасный» (ف ش - راجفنإلا ديدش) [2. С. 470];

- одна из начальных букв первого слова и первая буква второго слова обозначают словосочетание. Например, «батарея полевой артиллерии» (م ط - ناديملا ةّيراطب) [3. С. 36];

- группа начальных букв первого слова и группа начальных букв второго слова формируют раздельно написанную аббревиатуру. Например, «радиотелеграф» (س ال غلت - يكلس ال فارغلت) [2. С. 462]. Данный принцип− применяется и в русском языке, где аббревиатура пишется слитно. Например, «военно-инженерная академия» − ВИАК, «главное командование» − Главкомат [5]. В последнем случае наблюдается добавление буквы для того, чтобы отличать данную аббревиатуру от аббревиатуры «главком» (главнокомандующий) [5];

- группа начальных букв первого слова и группа срединных букв второго слова формируют аббревиатуру. Например, «военно-диспетчерская служба на путях сообщений» (كّرحتلا ةبقارم - رح رم) [1. С. 587];

- первая буква первого слова и группа букв второго слова обозначают словосочетание. Например, «тактическая разведка» (كتا – يكيتكت عالطتسإ) [1. С. 567], где для обозначения второго слова использована не одна первая, а две первых буквы второго слова. Отдельного рассмотрения заслуживает аббревиатура «стратегическая разведка»(رتسا – يجيتارتسإ عالطتسإ) [1. С. 568], где происходит васлирование одинаковых первых букв

обоих слов. В результате второй «алиф» опускается, а для обозначения второго слова используются последующие три буквы.

Образованные по данному принципу аббревиатуры могут иметь как слитное, так и раздельное написание, например, «пехотный взвод» (فصيلة المشاة – فمش), «пехотный полк» (جوف المشاة - ف م ش) [2. С. 477].

Подобный принцип практикуется в русских военных текстах, где первая буква первого слова и группа букв второго слова образуют аббревиатуру. Данное правило находит применение в словосочетаниях, в которых присутствуют существительные, образованные сложносуффиксальным способом или путём сложения двух основ. Соответственно, группа букв второго слова состоит из первой и одной из срединных букв, с которых начинаются основы. Например, «атомная электростанция» − АЭС [5].

В то же время данный принцип применяется и к другим существительным. В этих случаях группа букв второго слова представлена его первыми буквами. Количественный состав группы может варьироваться от 2 до 3 букв. Например, «военная академия» − ВАК, «береговая охрана» − БОХР [5];

- средняя буква первого слова и первая буква второго слова формируют аббревиатуру. Например, «зрительная связь» (روظنم ش - روظنم ريشأت) [3. С. 294];

- группа букв первого слова и одна из букв второго слова формируют аббревиатуру, которая может быть написана как слитно, так и раздельно. При этом второе слово может быть представлено первой, одной из начальных или последней буквой. Например, «боевое донесение» (فقت – فقومل ا ريرقت) [2. С. 462], «и так далее» (и т.д.) (خلا – مرخآ يلإو) [2. С. 460], «проволочный телеграф» (س غلت - يكلس فارغلت) [2. С. 462], «тактическая разведка» (تعطس – يكتيكت عالطتسإ) [2. С. 468].

Подобный принцип практикуется в русских военных текстах, где группа букв первого слова и первая буква второго слова образуют аббревиатуру. Данное правило находит применение в словосочетаниях, в которых присутствуют прилагательные, образованные сложносуффиксальным способом или путём сложения двух основ. Соответственно группа букв первого слова состоит из первой и одной из срединных букв, с которых начинаются основы. Например, «автозаправочная станция» − АЗС, «аэрозолеобразующий состав» − АОС [5].

В то же время данный принцип используется и в отношении других прилагательных. Например, «артиллерийский институт» − АртИ, «психологическая борьба» − ПсБ [5];

- для обозначения первого слова используется группа букв, а второе слово пишется целиком. Например, «время Ч» (ةعاس رفـص - رفـص تـعس) [2. С. 468];

- при формировании аббревиатуры словосочетания для обозначения первого слова используется первая буква этого слова, а второе слово пишется целиком. Например, «стрелковое оружие» (ةحلسأ ةرـيغص ا - ةرـيغص) [3. С. 203], «автодорожная станция снабжения» (قيرطلا سأر - قيرطـ ر) [3. С. 327].

Вместе с тем, у прилагательных допускается опускание тамарбуты или конечной буквы «йа». Например, «береговая оборона» (لـحاس د - يلـحاس عافـد) [3. С. 190];

- первое слово пишется целиком, а для обозначения второго слова используется его первая буква, одна из начальных букв или группа начальных букв. Например, «ротный писарь» (نيمأ زاهج - ىكلسلا زاهج) [1. С. 569], «радиостанция» (ةّيرسلا - س نيما) [1. С. 572]. Данный принцип применим и в русских текстах. Например, «дом заключения» − ДОМЗАК [5];

- первая буква второго слова, несущего ключевую смысловую нагрузку словосочетания, используется для обозначения всего словосочетания. Данная особенность характерна только для арабского языка. В качестве примеров можно привести такие термины, как «служба госбезопасности» (ا – نمألا ةمدخ) и «продвижение вперёд» (ا – ماملألا يلإ مّدقت) [1. С. 567];

- второе слово пишется целиком, а первое слово опускается. Например, «время «Ч» (ةعاس رفـص – رفـص) [3. С. 64]. При этом для обозначения словосочетания может быть использовано однокоренное слово, имеющее схожее значение. Например, «прожектор» (فاشك – ةفشاك راونأ) [2. С. 481]. Интересной особенностью является условное обозначение для документального грифа «действительно (с такого-то времени)» (نم - نم ارابتعإ) [3. С. 490], где роль условного обозначения играет непосредственно предлог при опущенном первом слове;

- использование знака «слеш» при образовании аббревиатур. Знак «слеш» (/) используется в арабских текстах при образовании условных обозначений для словосочетаний, которые в русском языке переводятся прилагательными, в которых при-

ставки имеют значение отрицания или противоположности. Речь идёт о таких прилагательных, как «противотанковый», «противопехотный», «противовоздушный», «противохимический». В данном случае при образовании используется первая или начальная буква первого слова (в некоторых случаях слово دض может писаться целиком), затем следует знак «слеш», затем первая буква второго слова. Например, «противотанковый» (د/ض) (ضدّ الدبّابات -. Следует отметить, что данные аббревиатуры также могут писаться без знака «слеш». Например, «противотанковый» - (د م) (مضاد للدبّابات [3. С. 260].

Кроме того, знак «слеш» применяется при образовании словосочетаний, используемых для обозначения метрических единиц измерения скалярной и векторной скорости. Например, «футов в секунду» (قدم في الثانية - قد/ث، قدم/ثانية) или «футов в минуту» (قدم في الدقيقة - قد/ق) [1. С. 582].

В русских военных текстах данный знак в первую очередь используется при образовании условных обозначений существительных, полученных сложносуффиксальным способом или путём сложения двух основ, или обычных словосочетаний. Например, «боекомплект» – «б/к», «боевая часть» − «б/ч». Стоит отметить, что данные аббревиатуры, как и рассмотренные выше арабские условные образования, также могут писаться без знака «слеш». Например, «боекомплект» – «бк», «боевая часть» − «бч» [5].

Знак «слеш» в русских текстах также применяется для образования аббревиатуры воинского звания «подполковник» − «п/п-к».

Следует отметить, что один и тот же русский термин может иметь аббревиатуры, образованные по разным принципам. Например, «главное командование» − «Главкомат» или ГК [5].

Особенности образования условных обозначений терминов, состоящих из трёх и более слов.

Образование условных обозначений терминов, состоящих из трёх и более слов, происходит в арабских военных текстах по следующим принципам:

- первая буква первого слова используется для образования аббревиатуры, обозначающей всё словосочетание. Например, «фокусное расстояние объектива в дюймах» (ب دع البؤري للعدسة بالبوصات – ب) [2. С. 460];

- первые буквы слов, образующих словосочетание, формируют условное обозначение. Подобный принцип активно и повсеместно используется как в арабском, так и русском языках. Например, в арабском – «управление РХБЗ»(إدارة الحرب الكيميائية - ك ح ا) [1. С. 568], в русском – «ракетные войска стратегического назначения» (РВСН) [5].

Условные обозначения, состоящие из первых букв, в русском и арабском языках могут быть как слитными, так и комбинированными. При этом арабские аббревиатуры могут быть полностью раздельно написанными. Пример раздельного написания аббревиатуры, состоящей из первых букв, в арабском языке – «начальник генерального штаба» (رئيس هيئة الأركان العامة - ر ه ح) [1. С. 574]. Пример комбинированного написания – «начальник штаба ВВС» (رئيس هيئة الأركان العامة للقوات الجوية - ر ه جق) [1. С. 574]. Пример слитного написания – «отдельная пограничная рота» (سرية الحدود المستقلة - سحم) [1. С. 575]. Пример слитного написания аббревиатуры, состоящей из первых букв, в русском языке – «вертикального взлёта и посадки» (ВВП), и комбинированного – «центральный научно-исследовательский испытательный институт инженерных войск» (ЦНИИИ ИВ) [5];

- одно из слов словосочетания не подвергается сокращению, а сохраняется в аббревиатуре в исходном виде. Для обозначения остальных слов словосочетания используются их первые буквы. Например, «стрелковые боеприпасы» (ذخيرة أسلحة الرماية - ذ أ ص) [2. С. 466].

- первые буквы нескольких слов из словосочетания обозначают всё словосочетание, часть слов опускается. В арабском языке это особенно характерно для терминов, используемых для обозначения подразделений. При этом в состав аббревиатуры включаются только начальные буквы слов, обозначающих назначение подразделения, а его наименование опускается. Например, «отдел поставок и снабжения» (قسم الإمداد والتموين - ا ت) [2. С. 459]. На этом примере видно, что в состав аббревиатуры вошли начальные буквы слов «поставок и снабжения», а слово «отдел» было опущено.

Вместе с тем, следует отметить, что данный принцип применим и к другим терминам. Например, «меры противовоздушной гражданской обороны» (إجراءات الحماية المضادة للغازات الجوية - ا ج) [2. С. 460].

Данный принцип применяется и в русских военных текстах при обозначении соответствующих подразделений, например, «всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем» (ВЧК) или других терминов − «запасные части, инструменты и принадлежности» (ЗИП), «передовой поисковый командный пункт» (ПКП) [5].

- аббревиатура формируется за счёт включения в неё по одной первой или иной, как правило, начальной букве от каждого из слов. Например, «связь взаимодействия с авиацией поддержки» (إتصال التعاون الجوّي - ت ع ج) [3. С. 294];

- формирование аббревиатуры происходит за счёт включения в неё по одной любой букве от части слов словосочетания. Например, «полевой отряд по переливанию крови» (وحدة نقل الدم الميدانية – م م د) [1. С. 573];

- первая буква первого слова и последнее слово словосочетания используются для образования слитно написанной аббревиатуры. Например, «легкораненый» (جريح قادر على السير - جسير) [1. С. 571];

- для обозначения словосочетания используются первые или начальные буквы одних слов и группы букв других слов. Например, «штаб корпуса» (أركان حرب الفيلق - ا ح ق), «штаб дивизии»ا ح ف) (أركان حرب الفرقة - [1. С. 568]. Подобная практика объясняется тем, что в арабском языке «корпус» и «дивизия» пишутся с одной и той же буквы. Поэтому использование только первой буквы последнего слова в данных словосочетаниях приведёт к путанице, которая будет усилена за счёт перекликания с ещё одной аббревиатурой – «штаб полка» (أركان حرب الفوج - ا ح ف) [2. С. 459].

Подобный принцип практикуется в русских военных текстах в словосочетаниях, в которых присутствуют прилагательные или существительные, образованные сложносуффиксальным способом или путём сложения двух основ. Соответственно, аббревиатура в данном случае состоит из первых букв слов и группы или групп букв одного из прилагательных, с которых начинаются основы данного слова. Порядок букв в аббревиатуре и расположения слов в словосочетании может меняться. Например, «артиллерийская железнодорожная батарея» − БАЖД, «Балтийская военно-морская база» − БВМБ, «военный инженерный институт радиоэлектроники» − ВИИРЭ [5].

При этом в группу букв не обязательно будут входить только первые буквы основ. В некоторых случаях помимо первой буквы могут быть использованы и последующие начальные буквы. Например, «Приволжско-Уральский военный округ» − ПурВО [5].

Интересная особенность отмечается у аббревиатуры термина «противовоздушная и противохимическая оборона» (ПВХО) [5], где приставки первого и второго слова одинаковы. В этой связи у второго слова опускается первая буква приставки и используется только первая буква основы.

Вместе с тем, стоит отметить, что не всегда для обозначения прилагательного, образованного сложносуффиксальным способом или путём сложения двух основ, используются именно первые буквы его основ. В некоторых случаях образование аббревиатуры происходит по принципу использования только первой буквы слова. Например, «Беломорская военная флотилия» − БВФ [5].

Данный принцип в русских текстах также используется в отношении других прилагательных. В этом случае группа букв слова состоит из его первых или начальных букв. Количество букв в группе может варьироваться от двух до трёх символов, которые могут идти не по порядку. Например, «взаимный обмен информацией» − ВЗОИ, «воздушный пункт управления» − ВзПУ, «Военный автомобильный университет» − ВАвтУ, «высшие офицерские классы» − ВСОК [5].

Как правило, образованные по данному принципу арабские аббревиатуры являются раздельно написанными. Однако встречаются и слитно написанные условные сокращения. Например, «отдельная батарея лёгкой артиллерии» (طبارية خفيفة مستقلة – مخطب) [1. С. 569].

В некоторых случаях в аббревиатурах для обозначения слова используется буква, которой нет в этом слове. Например, «полк связи авиационной поддержки» (كتيبة المخابرات للأسناد الجوّي – كمخاهج) [1. С. 583]. Данная особенность характерна для иракских аббревиатур.

В данной категории также следует отметить группу словосочетаний, в которых некоторые слова опускаются и не включаются в каком бы то ни было виде в состав аббревиатуры. Например, «железнодорожная станция снабжения горючим» (سأر

سكّة الحديد للبترول - ر سك بت) [2. С. 467]. Подобная практика существует и в русских военных текстах. Например, «войска внутренней службы» − ВНУС, «служба военных сообщений» − ВОСО [5].

Также стоит отметить варианты, когда порядок слов в словосочетании не соответствует порядку букв в аббревиатуре. Например, «полк лёгкой зенитной артиллерии»(كتيبة مدفعيّة خفيفة مضادّة للطائرات – كمطخ) [2. С. 481].

В данной категории следует выделить группу условных сокращений, в которых одно или два слова не подвергаются сокращению, а сохраняются в исходном виде (у прилагательных в женском роде тамарбута и конечная буква «йа» могут опускаться, существительные во множественном числе могут быть представлены формой единственного числа). Например, «ремонтная летучка» (جماعة النجدة الخفيفة - جم ن خفيف) [3. С. 146]. При этом одно из слов словосочетания может быть опущено. Например, «взвод бронетранспортеров» (فصيلة الحمّالات المدرّعة - ف حمّالات) [3. С. 53].

Следует отметить отдельные русские аббревиатуры, которые фактически не привязаны к исходному словосочетанию, а скорее носят описательный характер. Например, «Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати» − «Главлит» [5], где вторая часть аббревиатуры образована от слова «литература», которого нет в термине. Несмотря на это, условное обозначение чётко указывает на то, что данное подразделение занимается именно контролирующими функциями, связанными с литературой.

- словосочетания с числительными. Если в составе словосочетания присутствует написанное прописью числительное, в аббревиатуре оно может быть заменено на соответствующую цифру. Как правило, подобные случаи характерны для обозначения воинских формирований или временных измерений. Например, «вторая полевая армия»(الجيش الثاني الميداني - ج ٢ ميد) [2. С. 464], «миль в два часа» ((ميل في الساعتين - مفس ٢ [2. С. 489]. В то же время в условных обозначениях воинских званий могут применяться как цифры, так и числительные, написанные прописью. Например, «младший лейтенант» (ملازم ثانٍ - م ث، م ٢) [2. С. 484], «старший лейтенант» (ملازم أوّل - ملازم ١، ملازم ا) [2. С. 483-484; 4. С. 11];

- для обозначения словосочетания используется целиком одно из входящих в него слов, несущее ключевую смысловую нагрузку словосочетания, остальные слова опускаются. Например, «управление государственной безопасности» (إدارة أمن الدّولة – أمن) [1. С. 569].

Аббревиатуры, транслитерированные с других языков.

В русских и арабских военных текстах используются аббревиатуры, которые являются транслитерацией иностранных условных обозначений. В частности, применяемая в русском языке аббревиатура ВИП для обозначения словосочетания «очень важная персона» является транслитерацией английской аббревиатуры VIP, используемой для обозначения соответствующего термина «Very Important Person».

Аналогичная практика существует и в арабском языке. Например, для обозначения термина «ракетная система залпового огня» может использоваться словосочетание نظام الميرزل, где последнее слово представляет собой транслитерированную английскую аббревиатуру MLRS (Multy Launch Rocket System).

Анализ вышеизложенного позволяет сделать вывод о том, что процессы образования аббревиатур и условных обозначений в военных арабских текстах характеризуются большим многообразием и разносторонностью используемых для этого способов по сравнению с русскими аналогами. Русские военные аббревиатуры в целом формируются за счёт использования первых букв слова или основ слова, что упрощает практическому работнику их понимание. На этом фоне арабские условные обозначения могут быть образованы за счёт любой буквы или комбинации букв, что требует от читателя знания соответствующих реалий для правильного и корректного перевода.

Тенденция широкого применения условных обозначений в арабских военных текстах, несомненно, сохранится на перспективу. В контексте развития военного строительства в странах Персидского залива, Ближнего востока и Северной Африки следует ожидать появления новых аббревиатур. В этой связи актуализируется необходимость изучения особенностей образования и отслеживания новых аббревиатур, используемых в военных арабских текстах, в том числе за счёт создания и обновления тематической информационно-справочной литературы в виде словарей и сборников.

Список литературы

1. Данилов И.С., Рыжков В.И., Анисимов М.Г. Арабско-русский и русско-арабский военный словарь. М.: Воениздат, 1965. − С. 567-594.
2. Епифанов Р.А. Арабско-русский военный словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013. − С. 458-494.
3. Епифанов Р.А. Русско-арабский военный словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013.
4. Епифанов Р.А., Стариков А.В. Воинские звания и знаки различия в вооруженных силах арабских государств. М.: МГИМО-Университет, 2014.
5. http://www.kfss.ru/content/sokrashcheniya-i-abbreviatury-vs-sssr-i-rf (дата обращения - 07.10.2015).

Об авторе

Епифанов Роман Александрович – атташе посольства России в Иорданском Хашимитском королевстве, Иордания, Амман, район Джабаль-Амман, 3-й круг, ул. Захран, д.22; e-mail: ra122006@yandex.ru.

CHARACTERISTICS OF ACRONYM`S FORMATION IN ARABIC MILITARY TEXTS IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN LANGUAGE

R.A. Epifanov

Embassy of the Russian Federation in Jordan, Amman, (22) Zahran St. 3rd Circle, Jabal Amman.

Abstract: *The article covers review of characteristics of acronyms and symbols` formation in Arabic military texts in comparison with the Russian language.*

The beginning of the article deals with processes of origin, general adoption and popularization of acronyms used in Arabic military documents where common rules, which are typical for Arabic military acronyms in comparison with the Russian language, are noted, in particular, the usage of nouns, adjectives and adverbs while forming acronyms as well as dropping diacritics, definite articles and connecting particles.

After that general principles, characteristics and exceptions which are typical for formation of one-word, two-word and three-word term`s symbols are covered. The article gives examples of acronyms which are formed, in particular, using the first letter, several first letters, one or several first letters, one or several middle letters, the first and one of middle letters, the first, middle and the last letter, middle and the last letter, the last letter and the last part of the word, the first and the last letter, one letter of the whole word, a conventional symbol or an absent letter.

Special attention is paid to the usage of foreign acronyms in Arabic and Russian terms which are transliterated from other languages, in particular, from the English language.

At the end of the article we come to the conclusion that acronyms and symbols` formation in Arabic military documents are characterized by a great variety and diversity of methods in comparison with Russian analogs. It calls for further studies of this lexicographic area in perspective.

Key Words: military acronyms, military symbols, military translation, Arabic language, Russian language, military documents, military terms.

References

1. Danilov I.S., Rijkov V.I., Anisimov M.G. Arabsko-russkiy i russko-arabskiy voenniy slovar [Arabic-Russian and Russian-Arabic military dictionary]. M.: Voenizdat, 1965. – Page 567-594.
2. Epifanov R.A. Arabsko-russkiy voenniy slovar [Arabic-Russian military dictionary]. M.: «MGIMO-Universitet», 2013. – Page 458-494.
3. Epifanov R.A. Russko-arabskiy voenniy slovar [Russian-Arabic military dictionary]. M.: «MGIMO-Universitet», 2013.
4. Epifanov R.A., Starikov A.V. Voinskiye zvaniya i znaki razlichiya v vooru-jennih silah arabskih gosudarstv [Military ranks and insignia of Arabic military forces]. M.: «MGIMO-Universitet», 2014.
5. http://www.kfss.ru/content/sokrashcheniya-i-abbreviatury-vs-sssr-i-rf (data obrashcheniia [date of the address] - 07.10.2015).

About the author

Roman Epifanov – Attaché, Embassy of the Russian Federation in Jordan, Amman, (22) Zahran St. 3rd Circle, Jabal Amman, ra122006@yandex.ru.

* * *

К ВОПРОСУ О ВАРВАРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Толмачёв

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

В статье рассмотрены некоторые проблемы варваризации (использования заимствованных слов и их роли) в русском языке на протяжении многих веков его развития. Значительное внимание уделено проблеме их имплементации, закрепления и исчезновения на различных этапах языкового развития с особым упором на современную эпоху.

Ключевые слова: варваризация, иноязычные заимствования, иностранные слова, жаргон, религиозные термины, научные термины.

В русском языке, как и в любом другом, имеется огромное количество заимствованных (иностранных) слов, например, в корейском их свыше 60%, в английском языке – более половины. В одном романе имеется такое высказывание француза об английском языке: *«английский язык великолепен, ведь в нём половина слов – французские»*. При этом инородные слова входили в любой язык на всём протяжении его существования.

Процесс заимствования и ассимиляции иноязычных слов лингвисты называют варваризацией, и он, как правило, исторически обоснован; так, при появлении новых реалий и понятий, обычно возникает потребность в новых словах. При этом,

возможно, потому что слово «варваризация» имеет также значения: «одичание», «обращение в некультурное, варварское состояние», некоторые лингвисты под варваризацией понимают снижение уровня языка. Варваризмами же называют обычно заимствованные слова или выражения, **несвойственные** нормам данного языка. Следует, однако, отметить, что все заимствованные слова изначально были несвойственными языку-реципиенту. Тем не менее их можно разделить на две группы. Одни слова прочно вошли в язык, усвоились, ассимилировались, стали в нём неотъемлемой составляющей и потеряли свою чужеродность, другие же, сохранив иноязычный оттенок, ощущаются как иностранные и называются варваризмами, хотя в действительности варваризмами должны бы именоваться все инородные слова.

Следует обратить внимание на то, что слово «варвар» означает не только *чужак* (причём обязательно человек, не принадлежащий к греческой либо римской культуре), но и, в первую очередь, *дикарь*, и, следовательно, варваризмы – это, строго говоря, заимствования из диких, нецивилизованных языков. На самом же деле, в большинстве случаев и в большинстве языков мира обычно заимствуются слова, обозначающие отсутствующие в них реалии, а таковые могут приходить как из менее развитых языков, например, *ананас, банан*, так и из языков, в которых терминология в тех или иных сферах науки и техники более развита. Именно такая схема и является наиболее распространённой, и, естественно, она ведёт не к снижению, а, напротив, к повышению уровня языка.

Известно, что русский язык относится к славянской группе индоевропейской семьи языков, и значительная часть его основного словарного запаса имеет общие корни с санскритом. Эти же слова в несколько трансформированном виде входят и в другие индоевропейские (арийские) языки, включая, например, латынь, персидский, немецкий, греческий и прочие. К словам, которые идут от общего индоевропейского корня, относятся, например, такие как русское слово *«мать»*, которое на латыни звучит *матер*, на санскрите – *матар*, по-немецки *муттер*, по-литовски – *моте*, по-гречески *мэтэр*. К этому же языку восходят такие слова как: *бронза, вода, волк, гусь, дочь, дуб, лосось, луна, медь, мёд, новый, ночь, овца, снег, сын, шить* и др.

Потом, когда праиндоевропейский язык разделился на несколько древних праязыков (древнеславянский, древнегерманский, санскрит и прочие), от которых пошли и многие современные языки, процесс их взаимодействия и взаимовлияния продолжился. Множество слов было заимствовано русским языком из славянских, новых индоевропейских и других (особенно тюркских) языков в более поздние исторические периоды, и на самом деле иностранными являются такие простые и всем с детства известные слова, как *балда* или *лошадь*. Например, когда в Россию завезли *табак*, никто не стал изобретать термин для именования «дьявольского зелья». Не стали придумывать новых слов для обозначения *шашлыка, бифштекса, бамбука, пальмы, розы, тигра, барса* и сотен (скорее даже тысяч) других зарубежных реалий, которые мы восприняли с их исконными названиями.

В этой связи можно вспомнить, что Пушкин писал о варваризмах *«панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет»*. Список варваризмов из области портновского искусства можно продолжить: это *пиджак* (*англ*. pea-jacket), *брюки* (*голл*. broek), *трусы* (*англ*. trousers), *блузка* (*англ*. blouse), *юбка* (*польск*. jupa) и т.д. Я уж не говорю о *бермудах, блейзерах, боди, бриджах, жабо, жакетах, кардиганах, легинсах, слаксах* и прочих. Из русских слов, обозначающих предметы одежды, можно быстро припомнить только *рубашку* и *платье*. Даже исконно русский *сарафан* обозначается словом, пришедшим из персидского языка.

К научным или техническим терминам методы транскрибирования и транслитерации применяются вплоть до настоящего времени. Тем не менее, порой, особенно в конце XVIII – начале XIX веков, делались попытки создания новых слов, адекватных переводимым. Особенно отличался в этом отношении Тредиаковский, и среди его неологизмов, наряду с неуклюжими словами *недействие (inertie – инерция), назнаменование (emblеme – эмблема) и* неточными *всенародный (epidemique – эпидемический), внезапный (panique – панический)*, мы можем встретить весьма забавно звучащие: *сила капелек (essense – эссенция), предверженная вещь (objet – объект), жар исступления (enthousiasme – энтузиазм), телесное мановение (geste – жест)*. Не менее забавными выглядели предлагаемые «Письмовником»

Николая Курганова слова *телокривия* вместо *жесты, жилобой* вместо *пульс* и *задослаб* вместо *клистир*. Даль предлагал заменить иностранное слово *атмосфера* на русские *колоземица* или *мироколица*.

По этим ревнителям русского языка Пушкин прошёлся в главе восьмой «Евгения Онегина», описывая Татьяну: *«Она казалась верный снимок Du comte il faut... (Шишков, прости: Не знаю, как перевести)*. Если великий поэт не знал, то и другим простительно, и слово *комильфо* вошло в русский язык.

Процесс варваризации непрерывен. Обычно он следует за научным, торговым, культурным обменом и связанной с этим необходимостью новых терминов для обозначения появляющихся в ходе подобных контактов новых реалий. В то же время в истории каждого языка есть переломные периоды, обычно обусловленные серьёзными социальными изменениями, когда наблюдается массовый приток иностранных слов. В истории нашей страны можно выделить несколько таких периодов.

В X веке после крещения Руси к нам пришли такие греческие слова, как *ангел, апостол, архиерей* и так далее вплоть до *экзарха*. После монголо-татарского нашествия появились тюркские *амбар, арба, аршин, балаган, бакалея, базар, башмак, болван, караул, кутерьма, лошадь, чулан, чулок, ясак* и др. В эпоху петровско-екатерининских реформ появилось множество немецких и голландских, а позднее и французских слов, таких как *ассамблея, берг-коллегия, гюйс, кунштюк, лоцман, шкипер, яхта*. Этот период растянулся практически на весь XVIII век, и о «французско-нижегородском» языке тогдашней «тусовки» мы можем судить по литературе той эпохи, например, по отрывку из пьесы Сумарокова «Пустая ссора»:

*- Вы так мне **флатируете**, что уж невозможно.*

*- Вы мне не поверите, что я вас **адорирую**.*

*- Я этого, сударь, не **меритирую**.*

*- Я думаю, что вы довольно **ремаркированы** быть могли, чтоб я **опре де** вас всегда в **конфузии**.*

*- Что вы **дистре**, так это может быть от чего другого… Я все, кроме вас, **мепризирую**.*

*- Я этой **пансе** не имею, чтоб я и впрямь в ваших глазах **емабль** была.*

*- **Треземабль**, сударыня, вы как день в моих глазах.*

*- И я вас очень **естимую**, да для того-то я и за вас нейду; когда б вы и многие **калите** имели, мне б вас больше **естимовать** было уж нельзя.*

*- Против этого спорить нельзя; однако ежели б вы меня из **одаратера** сделали своим **амантом**, то б это было **пардонабельно**.*

*- **Пардонабельно** любить мужа! Ха! ха! ха! Вы ли, полно, это говорите; я б не чаяла, чтоб вы так **нерезонабельны** были.*

Современному читателю, если он не знает французского языка, для должного понимания этого отрывка необходимы разъяснения, что *флатируете* идёт от французского *flatter*, означающего *льстить, угождать, адорирую* – от *adorer (обожать), меритирую* – от *mériter (заслуживать), ремаркированы* – от *remarqué (заметный, привлекающий внимание), опре де вас* – от *auprès de vous (возле вас), конфузия* – от *confusion (смущение, замешательство), дистре* – от *distrait (рассеянный), мепризирую* – от *mépriser (презирать), пансе* – от *penser (думать), емабль* – от *aimable (достойный любви), треземабль* – от *très (очень), естимую* – от *estimer – ценить, калите* – от *qualité (качество), одаратер* – от *adorateur (поклонник, обожатель), амант* – от *amant (возлюбленный), пардонабельно* – от *pardonnable (простительно), нерезонабельны* – от *raisonnable – разумный*.

Впрочем, значительная часть варваризмов той эпохи впоследствии вышла из употребления, поскольку, как видно из предшествующего текста, эти заимствования были дублёрами русских синонимов, и их употребление не вызывалось необходимостью. Поэтому они не прижились и в большинстве своём непонятны современному читателю.

Множество латинских и греческих слов появилось в русском языке в XIX веке, что было связано с карамзинско-пушкинским золотым веком российской словесности и с техническим прогрессом периода после буржуазных реформ 1860-х годов. В отличие от предыдущих варваризмов, они, обозначая отсутствовавшие ранее реалии и явления, вошли в активную часть словарей русского языка.

Следующие две волны отмечены в первый послеоктябрьский (советский) и в постперестроечный (примерно с начала 1990-х годов до наших дней) периоды отечественной истории.

В рассказе Зощенко «Обезьяний язык» высмеивается наплыв иностранных слов в первый из этих периодов и показана беседа, отрывки из которой приводятся ниже: *«Это заседание* ***пленарное*** *будет али как? ... Сегодня сильно* ***пленарное*** *и* ***кворум*** *такой подобрался — только держись. Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно* ***перманентно*** *к этим собраниям. Так, знаете ли,* ***индустрия*** *из пустого в порожнее…* ***Конкретно фактически****… Особенно, если после речей* ***подсекция*** *заварится* ***минимально****.* ***Дискуссии*** *и крику тогда не оберёшься... Да это* ***президиум*** *вышедши. Очень острый мужчина. И* ***оратор*** *первейший»*. Известный сатирик заключает сочинение словами: *«Трудно, товарищи, говорить по-русски!»*.

По поводу неверного, чрезмерного или неуместного употребления варваризмов есть множество высказываний. Например, Лев Толстой в письме Н. Н. Страхову заявил: *«Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розог*».

Белинский незадолго до смерти писал: *«Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противна здравому смыслу и здравому вкусу... Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус»*. (Впрочем, известный критик весьма едко прошёлся и по некоторым попыткам русифицировать иноязычные слова, заменив *тротуар – топталищем, эгоизм – ячеством, факт – бытом, инстинкт – побудкой, бриллианты – сверкальцами, бильярд – шаротыком, архипелаг – многоостровием, фигуру – извитием, индивидуума – неделимым, философию – любомудрием* и т.п.).

Ленин в газете «Правда» писал в 1924 году: *«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочёты или недостатки или пробелы? Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык»*. В данном случае, как и в ряде других, вождь дал неверные указа-

ния. Слово «дефект» прочно вошло в русский язык, не дублируя «недочёты или недостатки или пробелы». Оно стало чётким термином, означающим *врождённый недостаток* либо *производственный* или *конструктивный изъян*. От него образованы и два соответствующих прилагательных «дефективный» и «дефектный», которые тоже нельзя заменить русскими синонимами. Вряд ли вместо *дефектная ведомость* можно сказать *недостаточная* или *пробельная ведомость*, а называя человека *дефективным*, никто не подразумевает *недочётный*.

Сам классик марксизма тоже не был последователен в отношении борьбы с засильем варваризмов и вполне мог написать: *«анализ принципиальных тенденций ортодоксии»*. К этому выражению вполне можно отнести краткую и остроумную сентенцию Юлиана Тувима: *«Употребление иностранных слов – дело случая. Иногда посчастливится сказать правильно»*.

Наверно, есть смысл подробнее остановиться на последнем (постперестроечном) периоде, который нам более близок и знаком, тем более, что в нём представлены все языковые явления, связанные с варваризацией. На рубеже тысячелетий русская речь пополнилась многими иностранными словами, например, такими, как ставшие актуальными: *консенсус, стагнация, деструктивный, имидж, гендер, киднепинг, киллер, браузер*. Вместе с экономическими новациями вошли такие заимствования, как: *тендер* (официальное предложение выполнить обязательство), *бартер* (товарный обмен), *транш* (финансовая часть, серия), *трансферт* (финансовый перевод), *оферта* (официальное предложение заключить сделку). Эти и многие другие слова такие, как *аватар, аутотренинг, блендер, блог, браузер, бутик, гастарбайтер, дайвинг, дисплей* и далее вплоть до *памперса* и *юзера* заполнили лакуны в русском языке, став терминами для обозначения новых вещей и понятий, а их использование в современной российской жизни абсолютно закономерно и связано с прогрессом. То же относится и к слову *селфи* и к образованному по правилам русского языка составному слову *лифтолук*. Попробуйте изложить только русскими словами фразу: *«на сайте юзера размещены несколько селфи и лифтолук»*. Она увеличится в два-три раза, и всё равно вы не обойдётесь без таких иностранных слов, как «фотография», «лифт» и др. И вообще не представляю, как передать только по-русски встреченную не-

давно в интернете фразу: *«мой твиттер и инстаграм синхронизируются с аккаунтом в фейсбуке»*.

В наши дни с развитием компьютеризации крайне необходимыми стали и узкопрофессиональные слова, в первую очередь в области информатики и компьютерных технологий. Весьма разумно то, что мы не стали переводить (калькировать) английские слова *site* и *file* как «местонахождение» или *«папка»*, а просто транскрибировали их, и теперь спокойно оперируем *сайтами* и *файлами*. При этом, мы оказались в более выгодном положении, чем англоязычные пользователи компьютерами. Ведь то же слово *site* имеет в языке происхождения не менее 15 значений, таких как *место, площадка, местонахождение, местоположение, позиция, стройплощадка, площадь, интернет-страница, узел сети, вычислительная установка, вычислительная система, вычислительный центр, раскопки, место раскопок, стоянка древнего человека* и т.д. А если добавить омонимы *cite* и *sight*, число значений возрастет ещё в пару раз. В русском же языке термин «сайт» имеет лишь одно значение – чёткое, ясное и краткое.

Некоторые из вошедших ранее в русский язык заимствований приобрели новые значения, например, *иконка (значок на экране компьютера), интервью (собеседование при приёме на работу), клиника (сумасшествие)*. Следует отметить, что многие из подобных заимствований на российской почве преобразовались и порой приобрели иной смысл, чем на родине.

Масса других иностранных слов, на первый взгляд, просто дублирует уже имеющиеся названия или обозначения. Такие пары, как: *андеграунд – подполье; арест – задержание; индивид – особь; инсталляция – установка; кабель – провод; лимит – предел; монумент – памятник; мотив – причина; отель – гостиница; ритуал – обряд; суицид – самоубийство; толерантность – терпимость; тур – поездка; шопинг – покупки; шофёр – водитель, деструктивный – разрушительный* и множество других издавна существуют в русском языке, а их число непрерывно растёт. В некоторых материалах интернета приводится от 200 до 300 подобных пар.

Причин этого неоднозначного явления несколько. Во-первых, все авторы испытывают необходимость в синонимии во избежание повторов одного и того же слова в близких по тексту

предложениях. Известно, что борьба с этим считается одной из главных задач редактора. Во-вторых, кому-то хочется блеснуть красивым словечком, показав своё знание иностранных языков. Но иногда просто приходится вместо обычных русских слов использовать иностранные синонимы, поскольку так принято в научном обиходе. Можно привести пример наукообразного вывода: *«Условием выживания биологической особи является её усвоение навыков перемещения по криволинейной замкнутой траектории»*, означающего лишь: *«Хочешь жить – умей вертеться»*.

Есть даже анекдот, как некий аспирант написал диссертацию на тему: *«На фига козе баян»*, и сам предмет научного исследования не вызвал ни малейших нареканий. Однако от соискателя учёной степени потребовали дать опусу более наукообразный титул, и чтобы его допустили к защите, пришлось назвать диссертацию так: *«Сингулярные аспекты проблемы анализа ингибиторного эффекта гармонических акустических вибраций на репродуктивную функцию мелкого рогатого скота»*. Поскольку большинство из использованных здесь иностранных слов давно и хорошо известны, считаю необходимым разъяснить значения лишь двух из них. Слово *ингибиторный* идёт от английского *inhibitory*, что означает – *препятствующий; задерживающий, тормозящий*; и таким образом *inhibitory effect* – это *эффект подавления (прекращение какого-то действия после обнаружения его отрицательных последствий)*. Слово *сингулярный* (от английского *single – единственный*) означает отдельный, единичный.

Известно, что филологи, в том числе и русисты, особенно любят придавать своим сочинениям наукообразный вид, используя множество иностранных слов, чему способствует и то, что они, как правило, хорошо владеют иностранными языками, поэтому им легче вводить создаваемые ими новые термины, чем представителям других наук, обычно пользующимся лишь устоявшимися терминами.

Есть и другая, более важная причина. В действительности многие из таких пар синонимичны лишь отчасти. Например, хотя *лифт* и *эскалатор* поднимают людей, эти слова заменить словом *подъёмник* нельзя, *воин-интернационалист* – это не *международник*, а *журналист-международник* – не *интернацио-*

налист. Не так давно состоялось очередное выступление ещё одного ревнителя русского языка. Предлагалось заменить, например, слово *«армия»* русским *«войско»* и критиковалось использование слова *«батальон»*. При этом рекомендаций по замене второго термина почему-то не оказалось, хотя можно было бы предложить *ватага, гурьба* или *орава*.

Немало курьёзов связано также с трансформацией варваризмов в современном обиходе. Например, слово *менеджер* изменило своё значение настолько, что стало одним из основных при обозначении множества профессий. Известно, что согласно англо-русским словарям слово *manager* означает *администратор, управляющий, заведующий,* то есть прилагается к руководителям высшего или старшего ранга какой-либо организации, например, *managing director* означает *директор-распорядитель*, а в Англии – *генеральный директор*. В настоящее время этот термин стал означать просто *исполнитель*, причём, в отличие от должности *специалист* включает и обслуживающий персонал. В частности, не стало продавцов, они теперь – *менеджеры по продажам* (в лучшем случае – *продавцы-консультанты*). Исчезли уборщицы (уборщики) – они теперь *менеджеры по клинингу*. Например, в продвинутых туалетах Макдональдса можно увидеть *График дежурства менеджеров*, хотя на более отсталых в отношении политкорректности вокзалах по-прежнему висит *График уборки туалетов*.

Мы в этом не уникальны, а, напротив, близки ко многим азиатским странам. Известен случай, как в одном из советских загранучреждений в Индии пытались найти истопника в котельную. Дали объявления в газеты, предложили хорошее по местным меркам жалованье, но на объявления никто не откликался. Когда один из руководителей загранучреждения рассказал об этом своему индийскому партнёру, тот немедленно дал мудрый совет с учётом местной специфики. Он сказал, что предложенную зарплату можно уменьшить и вдвое, но должность надо назвать *менеджер по горячему водоснабжению*, и тогда отбою от претендентов не будет. Вроде бы, так и поступили.

Как отмечалось выше, иностранные слова не только появляются в языке, но и исчезают. При этом на смену им порой приходят чисто русские слова, например, *самолёт* пришёл на смену *аэроплану, вертолёт – геликоптеру, подводная лодка* почти

вытеснила *субмарину, грузовой автомобиль* стал г*рузовиком, митральеза – пулемётом, думпкар – самосвалом, форвард – нападающим*, а *голкипер – вратарём*. В данных случаях сработала методика Шишкова-Тредиаковского, но на более разумной основе. Впрочем, *футболу* в русском языке в этом отношении повезло, и он не превратился в *piłku nożnu*, как у поляков, *копанку* – у украинцев, *nogomet* – у хорватов, *labdarúgás* – у венгров или в *ποδόσφαιρο*, как у греков.

Бывает же, что иностранные слова заменяются не русскими соответствиями, а иностранными эквивалентами, то есть одни варваризмы заменяются другими. Этому есть много причин. Например, для обеспечения принципа языковой лаконичности, или краткости, наряду с *электронной почтой* появилось слово *и-мейл* (а на жаргоне просто *мыло*), на смену э*лектронно-вычислительной машине* пришёл *компьютер (комп)*, э*кран визуального отображения информации* стал *дисплеем* и т.д.

Нередки случаи, когда иностранные слова, давно вошедшие в русский язык, со временем приобретают негативную коннотацию (получив оскорбительное значение или став обсценными) и сменяются иными варваризмами. Подобная история произошла со всем известным словом *жид*, которое со второй половины XIX века стало считаться бранным, оскорбительным, и для обозначения значительной части населения, живущей за чертой оседлости, стали использовать только слово *еврей*. Совсем недавно прежние *негры* стали *афроамериканцами*, а этнографы, говорящие и пишущие о трёх основных расах, оказались в сложной ситуации, невольно оскорбляя значительную часть населения нашей планеты. Медицинский термин *педераст* стал восприниматься как матерный, а в язык вошли красивые эвфемизмы этого «неприлично звучащего» слова такие, как *голубой*, а затем *гей* (первое значение этого слова в английском языке – *весёлый*, но теперь в словарях оно приводится с пометкой *устаревшее*, а основным значением стало – *гомосексуальный*). Трансформация произошла и со словами, используемыми для обозначения представительниц самой древней профессии. Слово *проститутка* стало обсценным, и теперь для обозначения «работниц сексуального фронта» используется красивое имя *«путана»* (в переводе с итальянского *puttana* означает *«шлюха, потаскуха»*), и это

простое и грубое с точки зрения жителей Апеннин имя ныне с гордостью носят бывшие гетеры.

Множество варваризмов вошло не только в литературный язык, но и в современный молодёжный сленг. *«Процесс пошёл»* в 60-е и 80-е годы прошлого века, ставшие временем массового изучения иностранных языков. В эти же годы к нам пришло молодёжное движение хиппи, и в речь молодёжи проникло много иностранных (особенно английских) слов: *герла* – девушка, *трузера* – брюки, штаны, *шузняк, шузы* – любая обувь, *сейшн* – вечеринка, *крезанутый* – сумасшедший, *фазер* – отец и т.п. Такие слова, как *people, girl* в форме *пиплы, герла* и многие другие включены и в словари молодёжного сленга. Процесс этот не завершился, и в конце прошлого тысячелетия в словарях появилось новые жаргонные слова, например, слово *«килять»* от *kill*, означающее удалять что-либо, например: *покилять шоткаты с десктопа; надо винду килять и заново ставить*; либо убивать: *если в кваке лесенками любоваться – покиляют моментом*. В молодёжном жаргоне, как и в литературном языке идёт активный процесс его обновления, пополнения заимствованными словами, а также замены и вытеснения одних варваризмов другими.

Как видим, варваризация существовала всегда и везде. Во все времена и у всех народов появлялась необходимость обозначать новые реалии, и, как правило, люди просто принимали их вместе с имеющимися названиями, не стараясь придумывать слова для обозначения впервые появившихся у них предметов, товаров, животных, плодов, явлений и прочего. Независимо от отношения к ней со стороны лингвистов, писателей, публицистов и других лиц, пытающихся воздействовать на языковую политику и языковое строительство, она остаётся, продолжает существовать, развиваться, пополнять и обогащать языки в соответствии с общими законами их развития. В массе нахлынувших в язык заимствований, естественно, присутствует и множество слов-паразитов, наличие которых не вызывается необходимостью, однако подавляющее большинство таких слов со временем исчезают, переставая засорять язык. А то, что необходимо – остаётся. Можно полагать, что ни одно общество не может существовать без заимствований извне, и это правило относится к любой сфере, не только к языковой.

Список литературы

1. Библія или Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ. СПб.: Сѵнодальная типографія, 1910.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. – М.: Российское библейское общество, 1993.
3. Воротников Ю.Л. Слова и время. – М.: Наука, 2003.
4. Макаров В.И., Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы. – М.: Былина, 1993.
5. Мокиенко В.М. Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2001.
6. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Международные отношения, 1994.
7. Словарь иностранных слов. – 7-е изд., или перераб. – М.: Русский язык, 1980.
8. Толстой Л.Н. Что такое искусство? – М.: Современник, 1985.
9. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. – Л.: Лениздат, 1962.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4-х т. – М.: Прогресс, 1986-1987.
11. Чуковский К.И. Живой как жизнь: Рассказы о русском языке. – М.: Время, 2014.
12. Шанский Н.М. В мире слов. – М.: Просвещение, 1985.
13. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии: около 800 фразеологизмов. – М.: Русский язык, 1985.

Об авторе

Толмачёв Николай Александрович – востоковед, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Член Союза писателей России. Область научных интересов – регионоведение ЮВА и АТР, переводоведение, общая и прикладная лингвистика.E-mail: arctica@list.ru.

APPROACH TO THE MATTER OF BARBARIZATION IN MODERN RUSSIAN

N.A. Tolmachev

Moscow State Institute of International Relations (University) 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article discusses some of the matters of barbarization (use of loan words and their role) in the Russian language for many centuries of its development. Considerable attention is paid to the problem of implementa-*

tion, consolidation and disappearance of the loan words at various stages of language development, with emphasis on the modern era.

Key Words: barbarization, foreign words, loan words, jargon, religious terms, scientific terms.

References

1. Bibliya ili Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhago i Novago Zaveta v russkom perevode [The Bible. Books of the Old and New Covenant in Russian translation]. Sankt Petersburgh: Sinodalnaya tipografiya, 1910.
2. Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavyanskom yazike [The Bible. Books of the Old and New Covenant in Church Slavonic] – Moscow: Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo, 1993.
3. Chukovskiy K.I. Zhivoy kak zhizn [Alive like life itself]. – Moscow: Vremya, 2014.
4. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar russkogo yazika [The Etymological Dictionary of the Russian language]. – In 4 t. – Moscow: Progress, 1986-1987.
5. Makarov V.I., Matveyeva N.P. Ot Romula do nashikh dney [From Romula's times to the present]. – Moscow: Bilina, 1993.
6. Mokiyenko V.M. Nikitina T.G. Bolshoy slovar russkogo zhargona [The Dictionary of Russian Jargon]. – Sankt Petersburgh: Norint, 2001.
7. Rozental D.E., Golub I.B., Telenkova M.A. Sovremenniy russkiy yazik [The Russian modern language]. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya, 1994.
8. Shanskiy N.M. V mire slov [In the world of words]. – Moscow: Prosveshcheniye, 1985.
9. Slovar inostrannikh slov [A dictionary of foreign words]. – 7th ed. – Moscow: Russkiy yazik, 1980.
10. Tolstoy L.N. Chto takoye iskusstvo? [What is art?]– Moscow: Sovremennik, 1985.
11. Uspenskiy L.V. Slovo o slovakh. Ti i tvoe imya [A Word about words. You and your name] – Leningrad: Lenizdat, 1962.
12. Vorotnikov Yu.L. Slova I vremya [Words and time]. – Moscow: Nauka, 2003.
13. Yarantsev R.I. Slovar-spravochnik po russkoy frazeologii [Reference book on Russian phraseology]. – Moscow: Russkiy yazik, 1985.

About the author

Nikolay A. Tolmachev – Orientalist, Ph.D., Ass. Professor, Chair of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages at MGIMO (University). Member of the Writers' Union of Russia. Research interests: regional studies of Southeast Asia and the Asia-Pacific Region, translation, general and applied linguistics.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН: УРОВНИ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М.Н. Федулова

ФГОУ ВПО «Военный университет (г. Москва), ул. Б.Садовая д.14.

В статье раскрываются категории и термины юридического дискурса, рассматриваемого как сфера и как форма социокоммуникативной реализации предмета юриспруденции. Последняя трактуется как одна из лингвоинтенсивных специальностей в силу того, что важнейшим условием и продуктом в этой сфере научной и социальной деятельности является текст в его обусловленности устойчивыми понятийными, жанрово-стилистическими и языковыми критериями. Экстралингвистические факторы придают юридическому дискурсу важное социальное значение, которое, с одной стороны, находится под влиянием изменений в социуме, а с другой, – юридический дискурс сам может порождать социально значимые последствия. Изменение или коррекция этих социально значимых последствий является одной из значимых функций данного дискурса.

Юридический дискурс, являясь частью общей системы социального контроля, имеет внутреннюю дифференцированную структуру, анализ которой позволяет автору утверждать, что в юридическом дискурсе письменная форма передачи информации является первичной по отношению к устной форме, так как основные пропозиции научного текста складываются в начале в письменной форме и лишь потом «озвучиваются» в форме научных докладов и сообщений.

Основу юридического дискурса составляют межинституциональные дискурсы, объединяющие различные социальные группы в единое общество с общей культурой, общими нормами, ценностями. Юридический дискурс основывается на ценностях и принципах нескольких культурных институтов, наиболее значимыми из которых являются экономика, религия, политика. Общность ценностей, составляющих основу различных видов дискурсов, может обеспечить эффективное взаимодействие общества при условии их конкретной физической и/или стоимостной реализации. Физическая или стоимостная реализация того или иного предмета, явления, действия или

бездействия оказывает непосредственное влияние на отношения в обществе. Автор подчёркивает и важность актуализации дискурса, которая возможна только в условиях коммуникации и исключительной релевантности дискурса для коммуникации. Автор считает, что любой дискурс, в том числе и юридический, имеет право на существование лишь при условии материальной реализации концептуализирующихся в нём ценностей. Другими словами, важна предметная потенциализация концепта в составе дискурса.

Ключевые слова: институциональный дискурс, юридический дискурс, функции дискурса, коммуникативная актуализация дискурса, предметная потенциализация дискурса, право, релевантность дискурса, прогнозируемость, концепт.

Изучению юридического дискурса посвящено значительное количество работ, в том числе статей и диссертаций, которые можно условно разделить на несколько групп: изучение концептуальной базы юридического дискурса, связанное в основном со спецификой терминообразования и терминоупотребления, параметрами концептуализации понятий; описание отдельных жанровых форм юридического дискурса, связанное с установлением речевой ситуации, детализацией социальных ролей участников, перечислением типовых интенций и соответствующих им речевых форм; общие характеристики дискурса, его структура, история формирования и перспективы развития. Если обращать внимание на частотность и научную активность в изучении юридического дискурса в указанных направлениях, то следует признать, что внимание различных научных школ обращено, в первую очередь, на изучение концептуальной базы дискурса. Автор статьи уже обращался к этой теме. При направленности на концепт основной задачей становится выявление дискурсивной и метаязыковой функций лексических единиц, и, следовательно, параметров смыслового наполнения информационного поля текста.

Юридический дискурс противопоставляется общеязыковому. Впрочем, под юридическим дискурсом как и под общеязыковым понимается, прежде всего, весь спектр высказываний, как

устных, так и письменных, совершённых в определённых сферах, в определённый исторический период времени. Связь двух видов дискурсивности – один из наиболее изучаемых вопросов современной лингвистики. И в том, и в другом случае во внимание принимаются экстралингвистические факторы. «Исследование юридического дискурса лежит на пересечении разных дисциплин, что можно объяснить направленностью исследований на анализ формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в конкретных ситуациях. Интерпретируя юридический дискурс в его целостности, вместе с тем недостаточно обращать внимание лишь на чисто языковые моменты, поскольку при таком подходе цель и суть дискурса останутся невыявленными. Понимание юридического дискурса предполагает знание фона, конкретной ситуации, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов и сюжетных схем, а также излюбленных логических переходов, характерных для исторической и социальной эпохи» [6, С.154].

Большое значение имеет фактор актуализации дискурса, что можно представить только в коммуникативных условиях. Другими словами, уместно говорить о коммуникативной актуализации дискурса, а также исключительной релевантности дискурса для коммуникации. Дискурс представляет собой важнейшую основу опыта общения.

Юридический дискурс относится к статусно-ориентированному или институциональному общению, в котором «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определённых групп людей» [1, С.291]. Применительно к юридическому дискурсу распределение ролевых характеристик означает, что за каждым исполнителем роли закреплены строго определённые функции, эти функции ограничены внутренними нормами данного дискурса, закреплены в сценариях поведения и законодательно. В юридическом дискурсе взаимодействуют профессиональные и непрофессиональные участники, т.е. непосредственные представители института правосудия, наделённые соответствующими правами, и граждане, которым на время присваивается определённый статус, или ролевая характеристика: свидетель, истец, эксперт, присяжные. Профессиональные участники дискурса должны обладать специальными институ-

циональными знаниями, которые предполагают способности оперирования информацией, нормами, лингвистическими знаками. Если обратиться к основным признакам институционального дискурса, которые перечислены в работах В.И. Карасика, можно отметить его следующие характеристики, применимые и к юридической его разновидности: хронотоп представляет такие показатели как «здесь» и «сейчас», так как юридическая ситуация всегда существует объективно как во времени, так и в пространстве. Показатели «здесь» и «сейчас» наиболее характерны не только для правового диалога, для которого актуальным является доказательство истины или доказательство заблуждения, но и для монологического высказывания, любого юридического документа [2].

Границы разновидностей институционального общения весьма условны, постоянно происходит быстрое изменение жанров, обусловленное, прежде всего, активной экспансией цифровых средств коммуникации в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения становится доминантным в ранее довольно строгих формах дискурса. В результате названных процессов могут изменяться чёткие грани между персональным и институциональным дискурсом, что является причиной формирования личностного восприятия ранее весьма отстранённых форм юридической деятельности. Юридический дискурс всё чаще и больше «встраивается» в другие распространённые формы институционального общения: управленческий дискурс, политический дискурс, инновационный дискурс и многие другие.

Дискурс регламентирует культурную норму общения. Юридический дискурс обусловлен определёнными историческими кодами, отражающими культуру и социальные условия жизни общества; он направлен на формулирование норм, правовое регулирование и контроль общественных отношений. Информационные процессы юридического дискурса связываются с регулированием социальных отношений между индивидами, установлением субъектов этих отношений, а также и с полномочиями, свободами и ответственностью субъектов юридического дискурса.

Всякий дискурс участвует в регуляции социальных отношений, социально упорядочивает интенции участников коммуникации. Юридический дискурс из всех видов дискурса наиболее социален, приближен к эксплицитной стороне выражения. Он регулируется укоренившимися в определённых общественных условиях правилами, «эпистемическими практиками», представлениями о «допустимом и недопустимом», «возможным и необходимом», «полезном и вредном». «Он направлен не просто на точное описание положения дел, например, обстоятельств совершённого преступления, условий осуществления события, или требующей нормализации ситуации, или установлению зависимости между фактами в соответствии с категориально-понятийным аппаратом, а также и на реализацию таких стратегий, как диагностика события, установление тождества между событием и фактом, разделение судебного решения между различными инстанциями» [3]. Участники правового общения констатируют, разъясняют, делают выводы и осуждают, но и одновременно реализуют комплекс действий по коррекции, реконструированию, исправлению действительности в соответствии с установленными нормами и конвенциями. Это свидетельствует о важнейшей функции юридического дискурса – нормирования и регулирования социальной реальности, социальных отношений между индивидами, выполнения ими предназначенных им социумом функций. «Суть права как социального образования заключается в его созидательном регулятивном начале, обеспечивающем упорядочение общественных отношений через сконструированную устойчивую структуру правовых институтов. Особенности права как регулятивного явления определяют функции юридического дискурса и особенности действий его участников», − замечает И.П. Палашевская [5, С. 535].

Юридический дискурс подлежит внутренней дифференциации в социальной практике. Дж.М. Конли и В.М. О'Барр – авторы исследования по этнографии юридического дискурса в англо-американском культурном континууме [7], выделяют следующие типы юридического дискурса: 1) письменный дискурс судей, юристов и учёных о законе и правовой доктрине; 2) устная речь в учреждениях права. Первый тип, обозначаемый ими как официальный дискурс права (official discourse of law), используется в качестве прецедента и имеет принципиальное

значение для развития и уточнения правовой доктрины. Второй тип не может фиксироваться с большой точностью и отличается от первого некоторой обрывочностью и фрагментарностью. Однако их объединяет обращение к таким понятиям, как справедливость, равенство, правосудие [7, P.2 – 3]. Таким образом, авторы утверждают, что именно письменный дискурс, который, если исходить из ситуации прецедентного права, развивает правовое поле и правовую мысль, в отличие от устной формы, которая осуществляется между профессионалами и клиентами.

Имея политические и общественно-культурные основания, юридический дискурс формируется внутри определённой системы социального контроля, которая строится на основе самостоятельных социальных институтов, таких как образование, семья или религия. Право регулирует поля уже сформировавшихся социальных отношений, значений и смыслов, оно использует те из них, которые максимально эффективны в качестве инструментов контроля, например, шариатское право в мусульманских странах или гражданская система права в демократических странах. Организация связи, непрерывного взаимодействия в системе социального контроля, обеспечиваемое юридическим дискурсом, имеет отношение к ценностям культурных институтов. Например, риск возможного наказания – лишения жизни, свободы, собственности – основывается на представлении о ценности свободы или того, что можно потерять в результате наказания. Представления формируются и закрепляются как ценности в процессе воспитания, образования, аккультурации, например, школьного или профессионального образования, жизненного опыта.

Из этого следует, что юридический дискурс имеет проницаемые границы; он формируется и функционирует одновременно в нескольких разновидностях, например, в виде судебного дискурса, законотворческого дискурса, законоприменительного дискурса. Каждая разновидность юридического дискурса формируется и функционирует в специфических условиях, и особенности многих из них получили освещение в научной литературе.

Для активного функционирования юридического дискурса важна его связь с культурой и ценностями, но при этом важно понимать, что он не только формирует и укрепляет уже сложив-

шиеся представления о моральных категориях, в соответствии с которыми осуществляются наказание или поощрение, но и отталкивается от уже имеющихся в обществе установлений. Например, для утверждения долженствования или необходимости в дискурсе используются уже сформированные в ходе религиозной или образовательно-воспитательной практики представления о моральных категориях для того, чтобы на их основе строить системы дефиниций, доказательства, разъяснения, диагностики. «Юридические нормы являются частью нормы культуры, составной частью которой является язык. Вместе с тем, общество само отбирает культурные нормы, после чего они оказываются включёнными в право, сохраняются и составляют единое социальное целое. Правовая культура личности, культура языковой коммуникации, будучи компонентом правовой культуры общества и зависимой от неё величиной, отражает степень и характер её развития, так или иначе обеспечивающего социализацию личности и правомерную деятельность индивида, соответствующую прогрессивному развитию общества и культуры в сфере права, благодаря чему происходит постоянное правовое обогащение, как самой личности, так и общества» [6, С. 150 – 151].

Таким образом, следует признать, что юридический дискурс формируется и существует на основе межинституциональных дискурсов, интегрирующих членов различных социальных групп в единый социум с общей культурой, общими нормами, общими ценностями, он основывается на ценностях и принципах нескольких культурных институтов, наиболее значимыми из них являются экономика, религия, политика. В этом смысле его появление носит не стихийный характер, он формируется в результате сознательной деятельности общественных институтов и взаимодействует с этими институтами. Данный дискурс проявляет устойчивые механизмы для разграничения легитимного и нелегитимного, «необходимого», «возможного» и «достаточного», для поддержки социального контроля в основных общественных институтах. Доказательством этого являются неоспоримые факты фиксации правовых норм в порождающих юридический дискурс иных институтах: «не убий», «не укради», «не лги», «не пожелай жены ближнего» и др. Названные нормы характерны практически для всех культурных институтов и про-

чно укоренены в политической, экономической, религиозной, образовательно-воспитательной культурах. Эта связь права с другими институтами и условиями их формирования и функционирования подтверждает тезис о его социально-исторической обусловленности, о котором пишет и Е.В. Кучумова: «Для того чтобы понять правовое развитие в целом как составную часть прогресса мировой культуры, необходим такой угол зрения на право, который позволил бы соотнести правовой феномен с конкретным историческим временем и регионом, национальной и религиозной спецификой той или иной человеческой общности. В этом контексте необходимо не столько изучение внутренней структуры права, сколько выяснение закономерного места последнего в общем контексте правового измерения человечества на основе анализа общего и особенного в социокультурных, политических, специально юридических характеристиках национального права» [4, С.166 – 167].

На основании различных исследований учёные предлагают выделять следующие функции юридического дискурса: 1) регулятивная, заключается в сохранении и учреждении норм и ценностей, к которым апеллируют общающиеся как общей основе их отношений; 2) перформативная, учреждающая приемлемые формы коммуникативной практики, способы коммуникативной адресации (т.е. нормы коммуникативного поведения); 3) информативная – точнее здесь следует сказать, что дискурс выступает как генератор смыслов, основа концептуализации предметной стороны общения, и одновременно как основа интерпретации. Юридический дискурс задействован в правовых информационных потоках во всех существующих в данном обществе дискурсах (коммуникативных практиках). В этом можно видеть общеязыковое значение юридического дискурса.

Помимо названных основных функций, можно выделить и более частные, неразрывно связанные с остальными. Так, например, в рамках информативной функции реализуются: a) функция интерпретации, которая состоит в объяснении, развитии смыслов коммуникативных действий для различных участников действия, профессионалов и профанов, на основе кодифицированных текстов (документов); b) функция хранения, заключающаяся в формировании «институциональной памяти»; c) кодовая функция, состоящая в создании специального

информационного поля и обслуживающего его специального языка, эффективного для реализации основных целей и задач дискурса. С перформативной функцией тесно связаны: a) функция презентации, или ритуальная, цель которой – постоянное формирование привлекательности для общества как основных институтов права, так и его агентов, но прежде всего – поддержание непреложного авторитета самих норм; b) стратегическая функция, заключающаяся в выборе нормативно обусловленных коммуникативных стратегий и тактик взаимодействия при достижении коммуникативных целей.

В разных институциональных дискурсах социальная действительность конструируется разными информационно-когнитивными системами. Не менее важной характеристикой юридического дискурса является определение основных когнитивных полей, которые так важны при определении границ дискурса, его ядра и периферии. Как пишет Е.А. Кожемякин, объект включает в себя три «онтологические сферы»: 1) объекты «фактуальные» (относящиеся к действительному положению дел, индивидуальным и коллективным действиям), 2) объекты «поведенческие» (относящиеся к действиям и отношениям), 3) «абстрактные» объекты (относящиеся к отвлечённым категориям, позволяющим совершать когнитивные операции с «фактуальными» и «поведенческими» объектами – то есть классифицировать, обобщать, оценивать положения дел и действия) [3]. К онтологической сфере относятся предметы материального мира, вещи, которые могут выступать в качестве объекта права, и в качестве объектов человеческой деятельности, которая каким-либо образом связывается с правовыми категориями. Для юридического дискурса характерно представление о «вещах» как о предметах, на которые может быть распространено влияние субъекта. Важно, к каким предметам «обращается» дискурс, имея в качестве основы некоторую концептуальную точку отсчёта.

В юридическом, как, впрочем, и в экономическом, и в политическом дискурсах, предметы физического мира трактуются как участвующие в системе ценностных отношений, нередко им приписывается вполне конкретная ценностная стоимость, что является одной из форм социального взаимодействия, поскольку в качестве объектов права они устанавливаются только в связи с их отношением к человеческой деятельности, а также

в связи с их использованием в ценностно нагруженной социальной практике. Нельзя представлять дискурс как сферу голых, не привязанных к реальности концептов. Важна предметная потенциализация дискурса.

«Поведенческие» объекты обозначают действия, поступки, ситуации и отношения индивидов и групп индивидов в качестве объектов права. Как и в случае с материальными объектами, не стоит говорить о наделении их исключительным и обязательным статусом объекта права любых действий и отношений. Однако следует констатировать, что этим статусом обладают те из них, которые имеют или могут иметь ценностное содержание, а также те, которые обусловлены законами природы и возможностями индивида. Правовой статус может быть закреплен за возможными, потенциальными, ожидаемыми действиями и отношениями.

В этой связи отметим такое важное свойство юридического дискурса, как прогнозируемость: ожидаемые действия связываются с текущим социальным статусом субъекта, с выполнением индивидом определённых социальных ролей. Социальное определение и социальная определяемость (узнаваемость) субъекта обязательно порождает целостную систему ожиданий в отношении его поступков, нарушение которых может трактоваться как противоправные действия. Иными словами, юридический дискурс содержит систему социальной идентификации индивида и его возможных действий, при этом ожидаемые действия трактуются исходя из его социальной идентичности. В этом очевидна связь юридического дискурса с социологическим: конвенциональное знание о социальных характеристиках и обусловленных ими конкретными действиями индивида, очевидно, «инвестировано» в право социологией.

К ключевым концептам юридического дискурса относятся «право», «закон», «справедливость», «достоинство», «вина», «нарушение», «мораль», «честь», «приговор», «наказание» и другие. С помощью «абстрактных» объектов субъект юридического дискурса может обобщать и отождествлять объекты, идеализировать их, фиксировать их существенные свойства, а также определять их потенциальную осуществимость. Ценностное содержание «вещей» и действий определяется абстракциями юридического дискурса, что в некоторой степени отличает его от

одних типов и сближает с другими типами дискурса: например, для политического дискурса характерна скорее контекстуальная и прагматическая (зависящая от конкретной «расстановки» политических сил и конкретных политических интересов) обусловленность содержания его объектов, в то время, как онтология религиозного дискурса, как и юридического, основывается на абстрактных представлениях.

В то же время, несмотря на то, что абстрактные объекты юридического дискурса конституируют как «фактуальные», так и «поведенческие» объекты и «наполняют» их определённым содержанием, сами юридические абстракции не всегда имеют однозначное, неамбивалентное содержание и обладают, скорее, конвенциональным, нежели абсолютным характером.

Таким образом, юридический дискурс представляется как особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект / объект, адресат / адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции. В совокупности с экстралингвистическими факторами юридический дискурс может рассматриваться как элемент социальной жизни, полностью порождённый и регулируемый социальной действительностью и приводящий к социально значимым последствиям. Изменение или коррекция этих социально значимых последствий является одной из значимых функций данного дискурса.

Список литературы

1. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 157-170.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсной формы бытия культуры: диссертация ...доктора философских наук: 24.00.01 / Кожемякин Евгений Александрович; [Место защиты: ГОУВПО «Белгородский государственный университет»]. Белгород, 2010. 403 с.
4. Кучумова Е.В. Формирование правового дискурса в российской культуре конца XX века: Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01: Санкт-Петербург, 2003 186 с.

5. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность / И.В. Палашевская. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
6. Федулова М.Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. М.: Военный университет, 2010. 173 с.
7. Conley J.M., O'Barr W.M. Rules versus Relationships: the Ethnography of Legal Discourse. Chicago, London: University of Chicago Press, 1990. 222 p.

Об авторе
Федулова Мария Николаевна – докторант, Военный университет МО РФ, mfedulova@mail.ru.

LEGAL DISCOURSE AS A SOCIAL, CULTURAL AND LINGUISTIC PHENOMENON: THE LEVELS OF SCIENTIFIC INTERPRETATION

M.N. Fedulova

Military University, Bolshaya-Sadovaya str., 14, Moscow, 123001, Russia.

Abstract: *The article is about the categories and terms of legal discourse, which is considered the area and the form of social and communicative realization of the subject of jurisprudence. From the viewpoint of linguistic science, jurisprudence is being interpreted as an intensive specialty where a text with its resistant conceptual, genre-stylistic and linguistic criteria is an important term and product of scientific and social activity. Extralinguistic factors give an important social meaning to legal discourse, which, on one hand, is being influenced under the social changes and, on the other hand, legal discourse can produce social effects itself. Change (and correction of these socially significant effects) is considered as one of the important functions of legal discourse.*

Legal discourse as a part of a common system of the social control has an internal differential structure, the analysis of which lets the author confirm that the written form of information transfer in legal discourse is primary with regard to the verbal form because the main propositions of scientific text, firstly, are formed in written form and then are verbalized in reports and messages.

The institutional discourses, unifying different social groups into common society with common culture, regulations and values are the base of the legal discourse. The legal discourse is based on values and principles of several main cultural areas: economics, religion, and politics. Common values, the core in the base of different kinds of discourse, can provide effective interaction of a society, provided that it has its particular physical and cost expression. Material or cost realization of any subject, appearance, and activity / inactivity directly influences social relations. The author points out the importance of discourse

actualization, which is possible under the condition of the communication and unique discourse relevance for the communication. The author assumes that any discourse as well as legal discourse may exist as long as there is the cost realization of its conceptualizing values. In other words, the subject (substantive) potential of a concept plays an important role in discourse.

Key Words: institutional discourse, legal discourse, the functions of discourse, communicative actualization of discourse, subject (substantive) potential of discourse, law, relevance of discourse, predictability, concept.

References

1. Karasik V.I. Ritual'nyj diskurs // Zhanry rechi: Sbornik nauchnyh statej. [Ritual discourse // Speech Genres] Saratov: Izd-vo GosUNC «Kolledzh», 2002. S. 157-170.
2. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts and discourse]. Moskva: Gnozis, 2004. 390 s.
3. Kozhemjakin E.A. Konceptual'no-metodologicheskoe obosnovanie diskursnoj formy bytija kul'tury [Conceptual and methodological substantiation of the dicoursive form of culture] : dissertacija ...doktora filosofskih nauk: 24.00.01 / Kozhemjakin Evgenij Aleksandrovich; [Mesto zashhity: GOUVPO «Belgorodskij gosudarstvennyj universitet»]. Belgorod, 2010. 403 s.
4. Kuchumova E.V. Formirovanie pravovogo diskursa v rossijskoj kul'ture konca XX veka [Formation of the legal discourse in the Russian culture at the end of the XX century]: Dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01: Sankt-Peterburg, 2003. 186 s.
5. Palashevskaja I.V. Sudebnyj diskurs: funkcii, struktura, narrativnost' [Legal discourse: functions, structure and narrativity]/ I.V. Palashevskaja. Volgograd: Paradigma, 2012. 346 s.
6. Fedulova M.N. Pragma-semanticheskie aspekty konceptualizacii leksicheskih edinic v juridicheskom diskurse: na materiale anglijskogo i russkogo jazykov [Pragma-semantic aspects of conceptualization of the lexical units in the legal discourse]: c dis. ... kandidata filologicheskih nauk: 10.02.19. M.: Voennyj universitet, 2010. 173 s.
7. Conley J.M., O'Barr W.M. Rules versus Relationships: the Ethnography of Legal Discourse. Chicago, London: University of Chicago Press, 1990. 222 p.

About the author

Maria N. Fedulova – Candidate to Doctor of Philology, Military University, email: mfedulova@mail.ru.

* * *

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В данной статье рассматриваются особенности процесса межкультурной коммуникации в немецком языковом пространстве. Межкультурная коммуникация понимается в этом случае как интерактивный процесс, участниками которого являются представители разных культур на микроуровне, то есть как межличностное взаимодействие. В этом случае также возникает межкультурный компонент и связан он может быть с разницей в возрасте, профессиональной подготовке, манере поведения, выборе языковых средств в процессе общения и т.д. На этом фоне эксплицитно или имплицитно проявляется некая чужеродность участников коммуникации, которая оказывает влияние на успех или провал этого процесса. Автор выделяет языковые и неязыковые факторы, вызывающие коммуникативное отчуждение в рамках немецкой лингвокультуры. Сюда относятся полинациональность немецкого языка как средства общения на территории нескольких стран, его функционирование в виде различных диалектов, заимствования из английского языка, а также социально-экономическое неравенство, сложившееся после объединения Германии. Многие случаи межкультурных недоразумений обусловлены историческими причинами и носят экстралингвистический характер. Существующие различия находят своё отражение в немецком языке, обогащая дискурсивное пространство новыми словами и словосочетаниями. В этих лексических единицах отражаются признаки "чужого", которые воспринимаются как отклонение от нормы и приводят к распространению предрассудков. На примере анализа ситуации, сложившейся в немецком языковом пространстве, автор приходит к выводу, что культурная вариативность может вызвать межкультурные недоразумения даже в рамках одной лингвокультуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, полинациональность, лингвокультура, немецкий язык, культурная вариативность, гельвецизмы, заимствования, объединение Германии.

Исследование теоретических и практических аспектов межкультурной коммуникации (МКК) носит в настоящее время актуальный характер. Особое внимание уделяется частным случаям взаимодействия различных культур. В последнее время, благодаря тщательной разработке теоретической и терминологической базы данного научного направления, изменилось и понимание термина «межкультурная коммуникация». Существуют различные дефиниции и подходы к исследованию этого феномена. В общем виде МКК понимается как интерактивный процесс на макроуровне и микроуровне. В первом случае участниками коммуникации являются представители разных культур и МКК понимается как общение между различными этногруппами и нациями. Во втором случае общение происходит между представителями одной культуры и МКК представляет собой межличностное взаимодействие [2]. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает рассмотрение МКК в узком смысле. В этом случае также возникает межкультурный компонент и связан он может быть с разницей в возрасте, профессиональной подготовке, манере поведения, выборе языковых средств в процессе общения и т.д. Безусловно, на этом фоне эксплицитно или имплицитно проявляется некая чужеродность участников коммуникации, которая может влиять на успех или провал этого процесса. Частью культуры является язык, поэтому как знаки культуры можно понимать и языковые значения, имеющие расхождения даже в рамках одной культуры [1]. Отличной иллюстрацией данного утверждения является ситуация, сложившаяся в немецком языковом пространстве.

Необходимо учитывать, что немецкий язык относится к числу неоднородных, так называемых полинациональных языков. Он функционирует на базе трёх основных национальных вариантов – немецкого языка ФРГ, швейцарского и австрийского вариантов немецкого литературного языка. Колебания в национальных вариантах, возникающие на различных уровнях, могут

вызывать частичные нарушения коммуникации между представителями этих субкультур.

Вариант, распространённый на территории Германии, представляет собой вариант литературного немецкого языка, языка официального общения, иными словами, некий стандарт − он понятен в любых немецкоязычных регионах. В австрийском и швейцарском вариантах фонетические и лексические особенности могут не соответствовать литературной норме и создавать тем самым барьеры для межнационального общения. Так, австрицизмы *Jänner* и *Feber* отличаются от немецких названий месяцев *Januar* и *Februar*, так же как и обозначения некоторых продуктов питания. В магазинах и на рынке немцы, например, не найдут привычные *Kartoffeln, Tomaten, Quark, Aprikosen, grüne Bohnen, Mais, Pfifferlinge*, вместо них в Австрии продают *Erdäpfel, Paradaiser, Topfen, Marillen, Fisolen, Kukuruz, Eierschwammerl*. Немцы складывают покупки в Tüte, а австрийцы - в *Sakerl*. В венских кофейнях клиента могут одарить довольно презрительным взглядом, если он закажет *Kaffee*. Такого напитка там просто нет, зато всегда можно найти огромное количество его разновидностей – *den kleinen Braunen, Melange, den Schwarzen, den Verlängerten, Einspänner, den Kapuziner, den Franziskaner* и др. Известен случай, когда посетительнице из Германии показали, где находится туалет, когда она попросила *Spiegel*, подразумевая журнал, а не зеркало. Точно так же на вопрос *Haben Sie keine Frankfurter?* вместо газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung* официант, возможно, принесёт сосиски (*Frankfurter* oder *Wiener Würstchen*). По-разному понимается и маленькое слово *da*. На севере Германии оно имеет значение dort *"там"*, а на юге Германии, в Австрии и Швейцарии понимается как hier *"здесь"*.

Различна и терминология в области политики и административного управления. Главный законодательный орган называется в Германии *Bundestag*, а в Австрии – *Nationalrat*, фракция в парламенте Германии – *Fraktion*, в парламенте Австрии – *Klub*, председатель фракции в бундестаге – *Fraktionsvorsitzender/Fraktionsvorsitzende*, в Национальном совете – *Klubobmann/Klubobfrau*, глава правительства федеральной земли (оба государства состоят из федеральных земель) – *Ministerpräsident/ Ministerpräsidentin u Landeshauptmann/ Landeshauptfrau* соответственно.

В Швейцарии нужно быть ещё более внимательным. Немецкий язык, функционирующий на территории этой страны, изобилует странными, с точки зрения немцев, словами. Лексические единицы, употребляемые в швейцарском варианте немецкого языка, принято называть *гельвецизмами*. Многие из них по понятным причинам пришли из французского языка, например, *das Labavo (Waschbecken), die Papeterie (Schreibwarenhandlung) u der Pneu (Autoreifen)*. То, что немцы называют *Peperoni*, значит для швейцарцев *Peperoncini*. А слово *Peperoni* имеет совсем другое значение, а именно *Paprika*. И *Zucchini* в Швейцарии совсем не *Zucchini*, а *Zucchetti*. На дорогах также непросто бывает сориентироваться, так как нигде нельзя *parken*, только *parkieren*. Кроме того, на красный свет нужно останавливаться не перед *Ampeln*, а перед *Rotlichtern*. Участниками движения становятся *Velos, Töffs, Töfflis, Camios, Cars, Tram,* то есть *Fahrräder, Motorräder, Mofas, Lastwagen, Reisebusse, Straßenbahn*. Делая заказ в кафе, придётся постараться найти в меню *Hühnerfleisch*, если не знать, что для швейцарцев это *Poulet*. Завтрак швейцарцы называют не *Frühstück*, а *Morgenessen*, мороженое – *не Eis*, а *Glace*, взбитые сливки для них – не *Schlagsahne*, а *Schlagrahm*, любимое немцами варенье – оказывается не *Marmelade*, а *Konfitüre*. Под *Konfitüre* жители Германии понимают варенье только из одного сорта фруктов, как правило, с кусочками этих фруктов, а *Marmelade* значит для них любое варенье, приготовленное из любых ингредиентов.

Безусловно, все приведённые примеры только в крайнем случае могут вызвать нарушение коммуникации между представителями Германии, Австрии и Швейцарии. Однако следует учитывать, что и австрийский, и швейцарский варианты широко распространены в странах своего употребления. Несмотря на то, что государственным языком является литературный немецкий, статус данных вариантов намного прочнее, так как австрицизмы и гельвецизмы широко используются в средствах массовой информации и в разговорной речи.

Следующий фактор языкового характера, который может быть связан с неудачной коммуникацией, имеет исторические причины. Речь идёт о наличии огромного количества диалектов в немецком языковом пространстве – швабский, саксонский, нижненемецкий, кельнский, берлинский, гамбургский, баварский

и др. Практически каждый регион Германии имеет свой диалект (*Mundart*). И различия между ними, фонетические, лексические или грамматические, довольно большие. Баварский диалект звучит для фризов, как китайский язык, и наоборот. Если мекленбуржец и шваб будут общаться на своих диалектах, то им сложно будет понять друг друга. Следует отметить, что диалекты довольно широко распространены, хотя и употребляются преимущественно в устном общении. Иногда дети знакомятся с литературным немецким языком только в школе. Исключением является нижненемецкий диалект. В последнее время уделяется большое внимание сохранению этого диалекта, который можно считать феноменом культуры. В Гамбурге есть театр, где все пьесы ставят на платтдойч, на этом диалекте издаются местные газеты. Интересен тот факт, что свой вклад в этот процесс вносят и этнические немцы, предки которых пользовались этим диалектом как средством общения и на своей исторической родине, в Германии, и на своей новой родине, в России, после переселения два века тому назад. В Австрии и Швейцарии также можно найти много диалектов. Самым сложным для понимания считается так называемый *Schwizerdütsch* или *Schwyzerdütsch*. Этот термин представляет собой обозначение группы говоров, между которыми, в действительности, нет лингвистического единства. Многие из них имеют больше родственных связей с диалектами за пределами Швейцарии, нежели внутри группы. *Schwizerdütsch* используется как в устном, так и в письменном общении, например, для неофициальной переписки. Характерной иллюстрацией языковой ситуации в Швейцарии, может быть следующий пример: в университете студенты слушают лекции на литературном немецком языке, а после занятий обсуждают тему лекции с преподавателем и однокурсниками на местном диалекте.

Значительную сумятицу в немецкую лингвокультуру вносит широкое распространение английского языка. Это явление даже получило название “англомания”. Многие заимствования, безусловно, употребляются оправданно, так как в немецком языке либо отсутствует соответствующая лексическая единица для обозначения актуального понятия, либо англоязычный термин является настолько однозначным и общепринятым, что нет необходимости подбирать ему эквивалент и тем самым

осложнять восприятие информации. Это касается, прежде всего, сфер профессионального общения, например, информационных технологий, бизнеса, политики. В этом случае термины *die Primary, das Rating, die Lobby, die First-Lady, der Global Player, die Pipeline, der Deal, die E-Mail, das Business, die Hedgefonds, der Job* и др. понятны носителям немецкого языка. Это говорит о подвижности той части лексики, которая обозначает понятия и реалии, характерные для различных общественных систем. По мере изменений в социальной жизни, особенно в условиях глобализации, эти понятия могут заимствоваться другими общественными системами, а вместе с ними заимствуется и обозначение. Язык, а скорее всего, его лексическая система, несмотря на всю свою мобильность, не успевает реагировать на все эти изменения, так и входят в обиход иностранные термины. Процесс заимствования, несомненно, способствует обогащению словарного состава любого языка, многие англицизмы пришли в немецкий язык неслучайно и характеризуются определённым семантическим наполнением. Вместе с тем их широкое употребление может приводить к нарушению процесса коммуникации между носителями одного языка [3].

Самые парадоксальные случаи недоразумений в рамках одной лингвокультуры, которые носят совсем не языковой характер, можно проиллюстрировать на примере объединённой Германии, переживающей, по утверждению самих немцев, парадокс "разъединения после объединения" (Trennung durch Vereinigung) [4]. Особенно актуальным представляется анализ этой ситуации в настоящий момент, так как немцы в 2015 году отмечали двадцать пятую годовщину своего воссоединения. В 1990 году Гельмут Коль, на волне всеобщего эмоционального подъёма и духовного единения, обещал своим согражданам, старым и новым, «цветущие ландшафты» по всей стране: „Durch eine gemeinsame Anstrengung wird es uns gelingen, Mecklenburg-Vorpommern und Sachsen-Anhalt, Brandenburg, Sachsen und Thüringen schon bald wieder in *blühende Landschaften* zu verwandeln, in denen es sich zu leben und zu arbeiten lohnt." Через год он повторяет то же самое: „Und ich bin mehr denn je davon überzeugt, dass wir in den nächsten drei bis vier Jahren in den neuen Bundesländern *blühende Landschaften* gestalten werden …" Однако этого не случилось. Словосочетание «цветущие лан-

дшафты» *(blühende Landschaften)* приобрело со временем символическое значение экономического краха и демографических проблем на территории новых федеральных земель.

Спустя четверть века после исторического воссоединения социологи рисуют преимущественно положительную картину: большинство немцев и в западной, и в восточной части, воспринимают себя как единую нацию, тем не менее, очевидно и то, что существовавшая когда-то Берлинская стена превратилась из географической границы в ментальную. Эта ситуация наглядно демонстрирует важнейшие положения теории МКК, а именно модель межкультурной адаптации или аккультурации. В первый период после объединения немцы на западе и востоке Германии испытывали фазу «медового месяца», когда они могли в полной мере наслаждаться предоставленной свободой, их объединяло общее чувство одержанной победы. Однако вскоре обе культурные системы перешли в другую фазу и пережили так называемый «культурный шок». Восточные немцы осознали, что все их предыдущие достижения нивелированы, и им, независимо от возраста, статуса, социального положения, приходится начинать всё сначала. Жизнь западных немцев тоже изменилась, им пришлось потуже затянуть пояса и оплачивать это единство из своего кармана, потому что правительство ввело для них дополнительный налог – внос солидарности *(Solidaritätszuschlag)*. В итоге, недовольны оказались все, что и сказалось на процессе коммуникации между представителями данной культуры.

Сегодня немецкие исследователи отмечают одну важную особенность общения между западными и восточными немцами, когда представители одной культуры (восточной) чувствуют себя неуверенно в контактах со своими соотечественниками (западными немцами), так как оказались в роли просителя. А западные немцы заняли, в свою очередь, позу щедрого и великодушного благодетеля, испытывая при этом определённое превосходство [6]. Существующее до сих пор социально-политическое неравенство также вызывает коммуникативное отчуждение. Уровень безработицы в восточных землях в два раза выше, чем в западных, а уровень оплаты труда ниже и составляет только две трети от среднего уровня зарплат на западе. То же самое относится и к размеру пенсий. Демографическая ситуация в новых землях близка к критической – сразу после объединения на-

блюдался массовый отток трудоспособного населения в западную часть страны, вследствие чего резко увеличился средний возраст и упал уровень рождаемости. Нет никакой тайны в том, что восточные немцы среднего возраста как наиболее активная часть населения по-прежнему покидают новые земли, так как не видят для себя перспектив на родине, причём образование они получают на востоке. Сами немцы обозначают этот процесс термином *Kompetenzabfluss*. До сих пор не стали нормой браки между жителями западной и восточной частей страны. Сегодня они составляют 1,6% от всех заключенных браков. Из 500 самых богатых немцев только 20 живут по восточную сторону бывшей границы, 14 из них – в западной части Берлина. В Германии проживает 17 тысяч миллионеров, на востоке страны нет ни одного. В списке 20 самых процветающих городов Германии только один (Йена) находится на её востоке. Ситуация с элитой также даёт восточным немцам больше поводов для пессимизма, чем для оптимизма, несмотря на то, что два самых важных государственных поста в Германии занимают выходцы с востока – Ангела Меркель (канцлер) и Йоахим Гаук (президент). В составе правительства при Г. Коле, сразу после объединения, было три представителя востока, в настоящее время, кроме Меркель, – один – министр по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи Мануэла Швезиг. По данным журнала Stern, среди 180 членов правлений крупнейших немецких концернов нашлось лишь два восточных немца. Среди 37 генералов и адмиралов в руководстве бундесвера восточных немцев нет, зато половина военнослужащих, проходящих службу в Афганистане и в Косово, – именно с востока. Похожая ситуация наблюдается и в науке: меньше трёх процентов руководителей научных институтов родом из восточной Германии.

Интересно также отметить, что западные и восточные немцы пользуются в повседневном общении разными коммуникативными стратегиями. На востоке чаще применяют обобщающие местоимения wir или *man*, даже если речь идёт об одном человеке, тогда как на западе большую сферу употребления в аналогичных ситуациях имеет местоимение *ich*. В бытовом общении, например, в магазине, восточный немец будет прибегать к фразе *ich möchte*, западный – к фразе *ich brauche*, которая выражает большую степень уверенности в своих намерениях и же-

ланиях. Объясняется это экстралингвистическим причинами. В восточной части Германии немцы в течение сорока лет воспитывались в духе коллективизма, тогда как на западе культивировался индивидуализм.

Конечно, процесс межкультурной адаптации имеет не только отрицательные черты. Тем не менее, успехи не так заметны, как проблемы недопонимания, особенно в повседневном общении. Возможно, что на современном этапе или в ближайшем будущем немцы смогут перейти от фазы культурного шока к периоду восстановления и поиска новых поведенческих стратегий. А пока существующие различия находят своё отражение в немецком языке, обогащая дискурсивное пространство новыми словами и словосочетаниями – *Mauer in den Köpfen, Ossi, Jammer-Ossi, Wessi, Besser-Wessi, alte Bundesländer, neue Bundesländer, Ostalgie*. Все эти обозначения представляют собой результат негативной стереотипизации, выразившейся в образовании этнических предрассудков, то есть тех особенностей, которые отличаются от общепринятого в данном языковом сообществе понимания о норме. В указанных единицах отражаются признаки «чужого» и воспринимаются как отклонение от нормы, что приводит к распространению предрассудков. А сам процесс объединения, в некоторых случаях его обозначают термином *Beitritt*, можно рассматривать с точки зрения оппозиции *Dominanzkultur – Nischenkultur*.

В заключении хотелось бы отметить, что представленный анализ наглядно опровергает утверждение немецкого лингвиста Ф. Хинненкампа, по мнению которого общая культурная принадлежность облегчает процесс коммуникации [5]. Культурная вариативность, имеющая в своей основе языковые или неязыковые факторы, также может вызывать межкультурные недоразумения даже в рамках одной лингвокультуры.

Список литературы

1. Евтеев С.В. Феномены культуры в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 292-295.
2. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.

3. Чигашева М.А. Факторы, нарушающие коммуникацию в немецком языковом пространстве // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 4. – С. 176-181.
4. Greiffenhagen, M.,S.: Zwei politische Kulturen? Wissenschaftliche und politische Unsicherheiten im Umgang mit der deutschen Vereinigung. In: Wehling, H.-G. (Hrsg.): Deutschland Ost – Deutschland West. Opladen 2002. – S.11-34.
5. Hinnenkamp,Volker: Interkulturelle Kommunikation. Heidelberg: Groos, 1994. – 156 S.
6. Moeller, M. L., Maaz H.-J. Die Einheit beginnt zu zweit – Ein deutsch-deutsches Zwiegespräch, Rowohlt Berlin. 1991. 174 S.

Об авторе
Чигашева Марина Анатольевна – к.филол.н., доцент кафедры немецкого языка, и.о. заведующего кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России. Email: mchigasheva@mail.ru.

COMMUNICATION PECULAIRITIES IN THE GERMAN LANGUAGE

M.A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article examines the peculiarities of intercultural communication in the German language space. In this case intercultural communication is understood as an interactive process, in which representatives of different cultures at the micro level, i.e. interpersonal interaction, participate. There is also an intercultural component that may be associated with differences in age, vocational training, pattern of conduct, the choice of language means in the process of communication, etc. Against this background, a certain foreignness of communication participants can be manifested explicitly or implicitly that influences the success or failure of this process. The author identifies the linguistic and nonlinguistic factors that cause communicative alienation within the German linguistic culture. It includes multinational character of the German language as a means of communication in the territory of several countries, its functioning in a variety of dialects, borrowings from the English language, as well as socio-economic inequalities that developed after the unification of Germany. Many cases of cross-cultural misunderstandings are due to historical reasons and have extralinguistic character. The differences, reflected in the German language, enrich the discursive space with new words and phrases. The signs of "foreign" are recognized in these lexical units and are perceived as a deviation from the norm, resulting in the spread of prejudices. Having analyzed the situation in the German language space, the author concludes*

that cultural variation can cause cross-cultural misunderstandings even within the same linguistic culture.

Key Words: intercultural communication, multinational character, linguistic culture, German language, cultural variation, helvetism, borrowings, unification of Germany.

References

1. Evteev S.V. Fenomeny kul'tury v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii [Cultural Phenomena within the Framework of Interlingual Communication], Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 2. – P. 292-295.
2. Kulikova L.V. Mezhkul'turnaja kommunikacija: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoj i nemeckoj lingvokul'tur: monografija. [Intercultural Communication: Theory and Practice. Based on Russian and German Language Cultures: Monography]. – Krasnojarsk: RIO KGPU, 2004. – 196 P.
3. Chigasheva M.A. Faktory, narushajushhie kommunikaciju v nemeckom jazykovom prostranstve [Factors that Complicate Communication in the German-Speaking World], Vestnik TvGU. Serija «Filologija». – 2015. – № 4. – P. 176-181.
4. Greiffenhagen, M.,S.: Zwei politische Kulturen? Wissenschaftliche und politische Unsicherheiten im Umgang mit der deutschen Vereinigung. In: Wehling, H.-G. (Hrsg.): Deutschland Ost – Deutschland West. Opladen 2002. – S.11-34.
5. Hinnenkamp,Volker: Interkulturelle Kommunikation. Heidelberg: Groos, 1994. – 156 S.
6. Moeller, M. L., Maaz H.-J. Die Einheit beginnt zu zweit – Ein deutsch-deutsches Zwiegespräch, Rowohlt Berlin. 1991. 174 S.

About the author

Marina A. Chigasheva – PhD in Linguistics, Associate Professor and Head of the Department of German Languages, MGIMO University.
Email: mchigasheva@mail.ru.

* * *

Раздел 2.
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОСТАНОВКИ RP С ПОМОЩЬЮ ВИДЕОУРОКОВ, ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И РЕЧЕВЫХ КУРСОВ

Ю. Р. Дубина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье анализируются возможности использования ряда Интернет-ресурсов, видеоуроков и презентаций для постановки акцента RP. Предметом анализа стали рекомендации профессоров, преподавателей сценической речи и других специалистов.

Привлекаемый для исследования материал показывает, что в настоящее время существует огромное количество источников, предоставляющих информацию о том, как люди, изучающие английский язык, могут научиться говорить на языке привилегированного класса Великобритании. Эта информация содержит как общие советы, так и пошаговые инструкции по постановке правильной речи.

Ключевые слова: RP, высшие классы Великобритании, язык, речь, Standard English, обучение, видеоуроки и видеоматериалы.

«People have to buy and display their badges and flags of identity. With accents, they only have to open their mouths»
David Crystal

Несмотря на происходящие в мире демократические изменения и процессы глобализации, аристократия остаётся неотъемлемой частью традиций и классовой структуры британского

общества. Конечно, отношение к ней в обществе значительно изменилось за последние 20-30 лет, но молодое поколение Королевской семьи даёт надежду для британцев увидеть обновлённую и идущую в ногу со временем аристократию.

Британская аристократия на протяжении веков культивировала язык, который до сих пор сохраняет статус «правильного» и «образцового». При общении с представителем высших классов сразу обращает на себя внимание, во-первых, отсутствие в речи слов-паразитов типа «как бы», ясность и одновременно изысканность речи; во-вторых, умение чётко и лаконично формулировать свои мысли, что, несомненно, является результатом качественного образования, полученного в лучших университетах страны [3]. Хотя престижные аристократические школы и университеты открыты для представителей средних и рабочих классов, они по сути остаются для многих недоступными, ибо не каждый может себе позволить в них обучаться.

Интересно отметить, однако, что в настоящее время наблюдается в обществе тенденция, когда, несмотря на привилегированный статус RP, представители высших классов намеренно приобретают другой акцент. Кристин Хаббард (Christine Hubbard), преподаватель сценической речи в Лондоне, получает около двух запросов в месяц от людей, которые бы хотели научиться говорить с другим акцентом для использования его на работе или при поиске работы. По её мнению, традиционный акцент RP постепенно выходит из моды [4]. Эту точку зрения находим и в газете «Spectator», в которой отмечается, что принадлежность к высшим классам − это губительный фактор (kiss of death), и не только в политике. В 2014 году крупная международная интернет-компания по исследованиям рынка YouGov провела опрос, в котором на вопрос «К какому классу вы относитесь?» 46% опрашиваемых ответили, что они являются представителями рабочих классов, 49% − средних классов и только 1% − высших классов [5]. Среди представителей высших классов демонстрировать свою принадлежность к элите становится немодным. Единственным исключением сегодня, по нашему мнению, является семья принца Уильяма и Кейт Миддлтон. Они как молодые представители Королевской семьи действительно вызывают нескрываемый интерес среди населения страны.

Тем не менее, стоит отметить, что речь высших классов не перестаёт вызывать интерес для учёных. Лингвисты изучают словарь и произношение аристократов, а обычные люди стремятся выучить язык «высших классов».

Язык высшего общества впервые получил своё собственное название в 1869 году. Понятие Received Pronunciation (RP) было введено лингвистом А.Дж.Эллисом (A.J.Ellis), однако широкое распространение оно получило после того, как английский фонетист Дэниэл Джоунс (Daniel Jones) включил его во второе издание Словаря Английского Произношения в 1924 году. Сегодня у термина RP существует множество синонимов: Standard English, BBC English, Queen's English, Oxford English и другие [8]. При этом стоит отметить, что это не абсолютные синонимы: каждое из них имеет свои особенности и различия.

Хотя недавние исследования показали, что всего 2% населения Соединённого Королевства говорят на этом варианте, RP до сих пор остаётся эталоном правильного английского языка. По мнению антрополога Кейт Фокс (Kate Fox), важнейшими показателями языка высших классов являются терминология и произношение, причём произношение играет особую роль [1, 73]. В привилегированной школе до сих пор учат правильному классическому языку, ибо речь для англичанина – своего рода визитная карточка. Одно произношение открывает двери в высшее общество, другое – накрепко их закрывает. По мнению многих экспертов, пока в Англии акцент значит больше, чем цвет кожи. В своей книге «Наблюдая за англичанами» Кейт Фокс отмечает, что человек, говорящий с акцентом высших слоёв общества и использующий их терминологию, считается представителем высшего класса, даже если он получает небольшую зарплату и живёт в маленьком доме или вообще не имеет ни работы ни крыши над головой [1, 82].

Интересно, что сегодня существует огромное множество самоучителей, курсов и видеоуроков для всех желающих приобрести акцент RP. Нами составлен список существующих ресурсов, проанализированы рекомендации и предложения ведущих специалистов, а также сделана попытка выяснить, насколько эффективны подобные материалы и курсы для изучающих английский язык. В основном к подобным методикам прибегают люди, которым умение говорить на RP необходимо по различ-

ным причинам. Это, например, актёры, получившие роли персонажей − представителей высших классов, или люди, которые попадают в высшие слои в силу жизненных обстоятельств, что, разумеется, происходит крайне редко и в особых случаях. Ярчайшим примером такого «приобретённого статуса» является герцогиня Кембриджская Кейт Миддлтон.

1. Дэвид Лей (David Ley), профессор кафедры драмы в университете Альберты, предлагает 3-х-минутный мастер-класс по постановке Standard English. В своём видеоуроке он даёт рекомендации и описание позиций губ и языка для правильной артикуляции звуков [6].

2. Андреа Кабан (Andrea Caban), преподаватель сценической речи, в своей видеопрезентации утверждает, что RP – очень важный акцент для актёров, поскольку он широко используется в жанре драмы. Она также делится различного рода рекомендациями по постановке RP. Например, если зажать указательный палец между верхними и нижними зубами, можно услышать, как звучит RP. Кроме того, преподаватель проводит сравнение между RP и американским вариантом произношения английского языка [7].

3. Пенни Дайер (Penny Dyer), ведущий преподаватель сценической речи, работавшая с актрисой Хелен Миррен (Helen Mirren) для съёмок фильма «Королева», а также с такими не менее известными актрисами современности как Риз Уизерспун (Reese Witherspoon), Николь Кидман (Nicole Kidman) и Кейт Бланшет (Cate Blanchett) и Гвинет Стронг (Gwyneth Strong), английской актрисой, известной своими ролями в сериалах «Чисто английское убийство», «Дуракам везёт» и многими другими, совместно с Гвинет Стронг выпустила CD-диск с уроком по постановке сценической речи продолжительностью 60 минут. Аудиокнига содержит краткую историю RP, примеры, методические рекомендации, а также объяснения особенностей фонетики, ритма и т.д. со множеством примеров, которые слушатель имеет возможность попрактиковать сам [2].

4. Шу Рейнер (Shoo Rayner), детский писатель и иллюстратор, в своём видео из рубрики «Learn British Culture» учит зрителей, как говорить на языке высших классов. Вначале он повествует об истории слова «posh», рассказывает о его происхождении, и о том, как оно приобрело значения «богатый», «до-

рогой» и «высший класс». Затем, снабжая монолог яркими примерами, писатель даёт свои рекомендации о том, как должны работать мускулы лица для того, чтобы правильно произносить конкретные звуки и слова [9].

5. Элисон Питман (Alison Pitman), профессиональный закадровый переводчик, утверждает, что её родным акцентом является RP. Она заявляет, что компании и бренды ежедневно используют её голос, чтобы продвигать свои товары и услуги, поскольку они нуждаются в традиционном британском акценте, который вызывает ассоциации с такими понятиями как «классика», «высший класс», «интеллект». Как утверждает Э. Питман, она не является постановщиком акцента, диалекта, преподавателем сценической речи или лингвистом, но она может показать людям, что они могут говорить, как она. Э. Питман предлагает практический материал, с помощью которого можно научиться говорить на RP. Обучение возможно в двух вариантах: онлайн или загрузив курс к себе на компьютер. Результат обучения непосредственно зависит от индивидуальных особенностей человека, от того, насколько быстро он воспринимает материал, но на постановку RP требуется приблизительно 12 недель [10].

6. Видеопрезентация Элисон Питман «RP. British Accents Training» в двух частях подробно излагает технику тренировки того или иного звука или слова и приводит множество примеров, что делает презентацию доступной для понимания и применения [11; 12].

7. Джейд Джодл (Jade Joddle), преподаватель сценической речи, в своих видеоуроках отмечает, что при постановке RP речь должна быть, во-первых, более медленной; во-вторых, в ней должно присутствовать как можно больше слов с эмоциональной окраской (absolutely, the most beautiful, the greatest, etc.). Он также указывает на положение губ, которые должны двигаться минимально в процессе речи [13]. В другом видео даны специальные упражнения для тренировки звуков и отмечается, что если повторять их дважды в день, то через 4-6 недель можно добиться результата [14].

8. Интернет-портал WikiHow предлагает инструкцию, включающую 5 шагов по изучению RP. Во-первых, рекомендуется выучить Международный фонетический алфавит (МФА) английского языка, чтобы знать, какой звук обозначает тот или

иной символ и как он произносится. Во-вторых, необходимо пользоваться Оксфордским словарём для продвинутых учащихся, чтобы пользоваться транскрипцией слов и иметь возможность слушать их произношение. В-третьих, необходимо практиковать произношение отдельно взятых слов. В-четвёртых, авторы статьи утверждают, что нужно слушать аудиоматериалы с произношением RP, и если вначале это даётся не совсем легко, можно обращаться к помощи субтитров. И, наконец, в заключительном пятом пункте предлагается найти носителя языка, говорящего на RP, чтобы поучиться произношению у него [15].

9. Онлайн курсы являются наиболее востребованными в современном обществе. Например, сайт www.antimoon.com представляет собой самоучитель правильного произношения онлайн, который можно также получить и на CD-диске. Бесплатный интернет-курс был разработан в университете Стерлинг, в центральной Шотландии.

10. Школы актёрского мастерства не являются исключением и приглашают всех желающих научиться говорить на RP. Одной из наиболее известных считается London Language and Drama School. Школа английского языка в центральном Лондоне под названием Bloomsbury International предлагает курсы для всех желающих.

Мы привели лишь небольшой список материалов, существующих сегодня в сети Интернет для обучения произношению высших классов Великобритании. Фактически, подобных видео, аудио и других ресурсов гораздо больше, и их число не уменьшается, напротив, растёт, поскольку интерес к RP и речи высших классов только возрастает. Надо отметить, что интерес этот существует не только в кругах исследователей-лингвистов, но и обычных людей, изучающих английский язык.

Однако главный вопрос, который мы ставили перед собой при рассмотрении данной темы, заключался не столько в количестве источников и ресурсов, предоставляющих свои идеи по обучению RP, а в том, возможно ли приобрести RP следуя всем вышеизложенным рекомендациям и насколько эффективны предлагаемые сегодня ресурсы.

Мы попытались ответить на поставленные вопросы путём анализа и опросов. В результате пришли к выводу, что мнения на этот счёт существенно различаются. Например, логопед,

Джейн Миллер считает, что взрослому иностранцу, решившему приобрести новый акцент, придётся приложить немало времени и усилий. При этом несколько облегчит задачу наличие музыкального слуха. Андреа Кабан, преподаватель сценической речи, также утверждает, что любой человек может тренировать артикуляционный аппарат, слух, зрение, мозг и дух для того, чтобы получить акцент, который пожелает.

Что же касается эффективности различных видео, аудио и других материалов, то, на наш взгляд, некоторые из них действительно являются довольно полезными, и подобные надёжные и качественные материалы рекомендуем брать на вооружение в учебном процессе со студентами. Особенно это касается материалов, предоставляемых ведущими специалистами и людьми, разбирающимися в данной проблеме. Но, к сожалению, немалую долю интернет пространства занимают советы и рекомендации дилетантов.

Анализ материала показывает, что научиться говорить на RP можно. Одним из самых ярких примеров является герцогиня кембриджская Кейт Миддлтон, которая, как известно, является представителем средних классов. По утверждениям жителей Великобритании, речь Кейт Миддлтон звучит даже более аристократично, чем речь Уильяма. Убедиться в этом можно, проанализировав их интервью [16], которое свидетельствует о том, насколько усовершенствовалась речь Кейт Миддлон за последнее время, по мнению специалистов.

В сюжете Стивена Смита (Stephen Smith) для программы Джереми Пэксмана (Jeremy Paxman) «Newsnight» на канале BBC находим примеры переключения англичан с родного акцента на RP. В этом сюжете директор курсов по постановке речи в Лондоне Эмма Серлин (Emma Serlin) анализирует речь знаменитого футболиста Дэвида Бэкхема в начале 2000-х годов и его же речь в 2010 году. По мнению эксперта, речь Дэвида кардинально изменилась. Э. Серлин проводит подробный анализ его выступлений и приводит в своём заключении детали и особенности, которые прослеживаются в более позднем интервью Дэвида Бэкхема. К ним относятся произнесение слова «something», изменившееся произнесение согласных в конце слов, а также артикуляция звуков. Во втором интервью, по её мнению, его произношение намного благозвучнее и производит

более приятное впечатление. По мнению Э. Серлин, в этом и состоит цель курсов: научить человека говорить правильно и производить своей речью приятное впечатление [17].

Несомненно, приобретение необходимого акцента требует больших усилий, стараний и времени, однако при выполнении всех рекомендаций и упражнений результат не заставит себя долго ждать. Несмотря на то, что разные ресурсы требуют разное количество времени для обучения RP, мы считаем, что невозможно установить одинаковые сроки абсолютно для всех, поскольку процесс обучения зависит и от индивидуальных особенностей человека.

Список литературы

1. Fox, Kate. Watching the English. London. Hodder ad Stoughton Ltd. 2004. 424p.
2. Dyer, Penny, Strong, Gwyneth. Access Accents: Received Pronunciation (RP) - An Accent Training Resource for Actors (Audiobook). Bloomsbury Publishing. 2007.
3. Posh and Posher. Part 1. – http://www.youtube.com/watch?v=KpThUUa3AeA
4. Growing numbers taking lessons to sound «less posh» – http://www.newstalk.com/Growing-numbers-taking-lessons-to-sound-less-posh
5. Britain's upper class is now too snobbish to speak its name – http://new.spectator.co.uk/2014/01/the-class-thats-too-snobbish-to-speak-its-name/
6. Three minutes to a proper British accent with U of A Prof David Ley. – https://www.youtube.com/watch?v=ldAKIzq7bvs
7. Andrea Caban. How to Do a British Accent – http://www.howcast.com/videos/500460-How-to-Do-a-British-Accent-Accent-Training
8. Received pronunciation. British Library. Learning sounds familiar? – http://www.bl.uk/learning/langlit/sounds/case-studies/received-pronunciation/
9. Shoo Rayner. Learn to speak in a classy British Accent. – http://www.youtube.com/watch?v=lDTAz4wWz5g
10. «Learning British Accent». About Alison Pitman. – http://www.learning-britishaccent.com/about-alison/
11. Alison Pitman. RP. British Accent Training. Part One. – http://www.youtube.com/watch?v=TNu3q5ODgqs
12. Alison Pitman. RP. British Accent Training. Part Two. – http://www.youtube.com/watch?v=hUg9sS9IDRI
13. Jade Joddle. How to speak Posh English. – http://www.youtube.com/watch?v=BLyPhCR4S1M
14. Jade Joddle. How to do posh English accent. – http://www.youtube.com/watch?v=VYlUrakrdiY

15. How to learn Received Pronunciation.−http://www.wikihow.com/Learn-Received-Pronunciation
16. Интервью принца Уйльяма и герцогини Кембриджской Кейт. http://www.youtube.com/watch?v=Bn-eglpPKh8
17. Stephen Smith. Why people change the way they speak. BBC programme «Newshight». − http://www.bbc.com/news/uk-22183566

Об авторе
Дубина Юлия Рифатовна – аспирантка кафедры английского языка №3 МГИМО, преподаватель кафедры английского языка №4 МГИМО. Сфера научных интересов: язык высших классов Великобритании, социолингвистика, переводоведение, грамматика английского языка.

THE POSSIBILITIES OF LEARNING THE UPPER-CLASS ACCENT THROUGH THE USE OF VIDEO-LESSONS, INTERNET RESOURCES AND SPEECH COURSES

Y.R. Dubina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This paper elaborates on the possibilities of using various Internet resources, video-lessons and presentations for learning RP, which is considered to be the accent of the British Upper-Classes. The analysis is focused on the recommendations of professors, voice coaches and other specialists.*

The analyzed material demonstrates that nowadays there is a big amount of resources providing information which shows how people learning English can start speaking the language of the elite society, the language of the aristocracy. This information contains step-by-step guides of learning RP and general recommendations and methods how effectively learn to speak like the Queen.

Key Words: RP, British Upper-Class language, speech, Standard English, learning, video and audio materials.

References

1. Fox, Kate. Watching the English. London. Hodder and Stoughton Ltd. 2004. 424p.
2. Dyer, Penny, Strong, Gwyneth. Access Accents: Received Pronunciation (RP) - An Accent Training Resource for Actors (Audiobook). Bloomsbury Publishing. 2007.
3. Posh and Posher. Part 1. −http://www.youtube.com/watch?v=KpThUUa3AeA

4. Growing numbers taking lessons to sound «less posh» − http://www.newstalk.com/Growing-numbers-taking-lessons-to-sound-less-posh
5. Britain's upper class is now to snobbish to speak its name. − http://new.spectator.co.uk/2014/01/the-class-thats-too-snobbish-to-speak-its-name/
6. Three minutes to a proper British accent with U of A Prof David Ley. − https://www.youtube.com/watch?v=ldAKIzq7bvs
7. Andrea Caban. How to Do a British Accent − http://www.howcast.com/videos/500460-How-to-Do-a-British-Accent-Accent-Training
8. Received pronunciation. British Library. Learning sounds familiar? − http://www.bl.uk/learning/langlit/sounds/case-studies/received-pronunciation/
9. Shoo Rayner. Learn to speak in a classy British Accent. − http://www.youtube.com/watch?v=lDTAz4wWz5g
10. «Learning British Accent». About Alison Pitman. − http://www.learningbritishaccent.com/about-alison/
11. Alison Pitman. RP. British Accent Training. Part One.− http://www.youtube.com/watch?v=TNu3q5ODgqs
12. Alison Pitman. RP. British Accent Training. Part Two. − http://www.youtube.com/watch?v=hUg9sS9IDRI
13. Jade Joddle. How to speak Posh English. − http://www.youtube.com/watch?v=BLyPhCR4S1M
14. Jade Joddle. How to do posh English accent. − http://www.youtube.com/watch?v=VYlUrakrdiY
15. How to learn Received Pronunciation.−http://www.wikihow.com/Learn-Received-Pronunciation
16. http://www.youtube.com/watch?v=Bn-eglpPKh8
17. Stephen Smith. Why people change the way they speak. BBC programme «Newshight». http://www.bbc.com/news/uk-22183566

About the author

Y.R. Dubina – a postgraduate student at English Department N3 at MGIMO, English teacher at English Department N4 at MGIMO. Research interests: the language of the upper classes of Great Britain, sociolinguistics, translation and interpretation studies, grammar of the English language.

* * *

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ С ЯПОНЦАМИ

Н.В. Раздорская

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Успешная межкультурная коммуникация с японцами невозможна без учёта того, как мыслят и подходят к решению деловых вопросов в Японии. Человека в процессе общения характеризуют манеры и соблюдение традиционных норм поведения, и если при безупречном владении японским языком не соблюдать общепринятых правил, все дальнейшие усилия по установлению дружеских отношений могут оказаться нерезультативными. Наряду с изучением собственно языкового аспекта будущий специалист должен ознакомиться и с национально-культурными особенностями ведения деловых переговоров с представителями Японии, что будет способствовать выбору адекватной тактики речевого поведения в последующей практической деятельности.

Ключевые слова: национально-культурные особенности, коммуникация, тактика речевого поведения, коммуникативная интенция, деловое общение, японские фирмы, профессиональные компетенции, учебный процесс, результативность.

Для успешного осуществления и активизации внешнеполитической деятельности государства всё большую значимость приобретает подготовка специалистов, владеющих иностранными языками и обладающих соответствующими профессиональными компетенциями. Расширяющиеся контакты в обла-

сти экономического сотрудничества между Россией и Японией диктуют необходимость более детального подхода к изучению делового общения [1, 57] с японцами с учётом национально-культурных особенностей коммуникации в процессе обучения японскому языку.

Последнее время сфера исследований, связанных с проблемой межкультурной коммуникации, была существенно расширена за счёт анализа компонентов, находящихся на стыке наук. На занятиях по японскому языку всё чаще стали уделять внимание вопросам социолингвистики [7; 3; 10], культурологии [2; 3], лингвострановедения [2; 4], ставшими неотъемлемой частью учебного процесса [5].

Исходя из общей цели обучения, заключающейся в выработке у выпускника умений установить контакт и достичь высокого уровня взаимопонимания с носителем языка, преподаватель должен, расширив рамки образовательного процесса, уделять внимание как социолингвистическим, так и экстралингвистическим особенностям речи японцев.

При коммуникативно-когнитивном подходе к изучению японского языка [6; 8] экстралингвистические особенности общения следует выделить в качестве особой категории «межличностных способов взаимодействия, сложившихся в данной общности в ходе культурно-исторического развития» [10, 3].

С точки зрения результативности устанавливаемых деловых контактов с представителями японского бизнеса выработка умений, относящихся к речевому этикету, и невербальных умений, тесно связанных с традиционным менталитетом и установленными в обществе правилами поведения, имеют не менее важное значение, нежели собственно речевых (начало беседы, переспрос, нормы языка). Для ориентировочного этапа речевой деятельности первостепенное значение имеет «задача адекватного определения, «опознания» коммуникантом социальных отношений между ним и реципиентом» [10, 9], то есть учёт социальных и коррелированных с ними характеристик собеседника.

В Японии традиции и культура сформировали специфический образ мышления, проявляющийся, несмотря на внешнюю «европеизацию» общества, и в этикете общения, и в построении фраз, и в восприятии собеседника. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо учитывать то, как мыслят

и подходят к решению деловых вопросов в Японии. Человека в процессе общения характеризуют манеры и соблюдение традиционных норм поведения, и если при безупречном владении японским языком не соблюдать общепринятых правил, все дальнейшие усилия по установлению отношений партнёрства могут оказаться нерезультативными.

Наряду с изучением собственно языкового аспекта будущий специалист должен ознакомиться и с национально-культурными особенностями ведения деловых переговоров с представителями Японии, что будет способствовать выбору адекватной тактики речевого поведения в последующей практической деятельности. Основываясь на материале японских учебных текстов и опыте переводческой практики, попробуем выделить наиболее важные с точки зрения их влияния на создание деловой атмосферы и результативности общения представителей двух разных культур. Эти особенности можно подразделить на две основные группы: связанные непосредственно с обычаями и этикетом и коррелируемые с менталитетом бизнес-сообщества. Первая группа определяет ход общения на начальном этапе коммуникации, вторая – влияет на результаты конечного этапа.

К первой группе можно отнести укоренившийся в Японии европейский обычай обмена визитными карточками с указанными именами, фамилиями, названиями фирм или учреждений, должности собеседника, что помогает японцам определить социальный статус потенциального партнёра. И именно поэтому отсутствие визитки во время деловых встреч воспринимается как проявление невежливости и неуважения и может создать негативную атмосферу ещё до начала переговоров. Однако при непредвиденных знакомствах можно сгладить неловкую ситуацию извинением: すみません、今、ちょっと名刺を切らしておりまして…(*Извините, у меня на данный момент закончились визитки…*) [12, 3].

Знание японского этикета, по которому первым передаёт свою визитную карточку посетитель, может, наоборот, создать благоприятную атмосферу. В случае нахождения вместе с вышестоящим начальником, следует вручать свою карточку только после своего представления. Передавать её следует, повернув буквами к собеседнику, чтобы было удобно прочесть написанное, причём сделать это только одной рукой, что является выра-

жением личной скромности. Сопровождать процесс передачи визитной карточки принято соответствующими моменту фразами с использованием вежливых форм речи:

宜しくお願いいたします *Прошу любить и жаловать* お近付きになれて嬉しく思います *Рад с Вами познакомиться и т.д.*

При получении визитной карточки собеседника брать её нужно обязательно двумя руками, и, чуть подняв вверх, взглянуть на неё, что является выражением особого уважения к собеседнику. Иностранцы часто не придают значения подобным мелочам, но для японцев этот важный ритуал закладывает основу последующей коммуникации.

При вступлении в контакт с японцами необходимо учитывать и глубину поклонов, которыми обмениваются при встрече. Поклон свидетельствует о степени уважения к партнёру и уровню установившихся межличностных отношений. Лёгкий кивок головой может означать неуважение и затруднить коммуникацию, а слишком низкий поклон, подчёркнуто демонстрирующий почтительное отношение, в случае несоответствия реальному статусу партнёра может быть воспринят как насмешка.

Вторая группа особенностей, которую следует учитывать при общении с японцами, часто не только определяет ход самого общения, но и влияет на его результативность (выполнение поставленной задачи) на завершающем этапе.

Японцы обращают внимание на то, чтобы при ведении деловых переговоров с обеих сторон было равное число участников одного ранга. В случае присутствия лиц, не обладающих соответствующими полномочиями, об этом заранее извещают противоположную сторону с тем, чтобы состав партнёров был адекватным. Считается, что количество участников переговоров свидетельствует об уважении к партнёру и отражает глубину интереса к сотрудничеству [11, 131-134].

Официальными способами установления деловых связей считается непосредственная встреча и письменная переписка. Переговоры по телефону, которых порой бывает достаточно в странах Западной Европы, не расцениваются японцами в качестве основополагающих при установлении серьёзных деловых контактов. Разговор по телефону допустим накануне встречи, во время которого следует принести извинения за беспокойство, назвать свою фирму и имя, сообщить, каким образом обраща-

ющийся знаком с тем, кто представляет его интересы. Чтобы заинтересовать собеседника в контакте, кратко информируют о деятельности фирмы, производимой продукции и обращаются с просьбой о личной встрече. При определении места и времени встречи ориентируются на условия принимающей стороны, при этом не следует переносить её на более поздние сроки. Перед завершением разговора следует ещё раз подтвердить место и время проведения встречи. Принимающей стороной положительно воспринимается осведомлённость посетителя о месте нахождения фирмы или организации, по телефону не принято спрашивать подробный адрес, считается тактичным только небольшое уточнение.

О деловых встречах с японцами следует договариваться заранее, поскольку при незапланированных посещениях, так называемых 飛び込み «тобикоми» (*внезапно ворваться*), нельзя рассчитывать на то, что к визиту отнесутся благосклонно и уделят достаточно времени. В случае если деловой визит наносится в Японию, при первом посещении следует сообщить время и цель визита в страну, состояние деловой активности представляемой фирмы. При встрече со знакомыми обычно благодарят за оказанное внимание во время предыдущей встречи, а расспрашивать о семье или сообщать об изменениях в своей частной жизни рекомендуется только при встрече с близкими друзьями. К ведению беседы можно подготовиться заранее, так как темами разговора часто становятся бытовые вопросы проживания в Японии, например, место нахождения, площадь и стоимость аренды жилья, продолжительность времени проезда до работы и т.д.

Следует помнить, что в отличие от европейцев, японцы, признавая важность первой встречи с партнёром, отводят ей чисто формальную роль. С точки зрения менталитета японца, задача первой встречи состоит в том, чтобы установить новый контакт. Напористость в решении какого-либо вопроса с самого начала может отрицательно сказаться на ходе переговоров и привести к противоположному эффекту. Во время первой встречи важно найти общую тему и установить межличностные отношения, в этом случае она может быть расценена как результативная. В Японии принято судить о позиции партнёра по его расположенности к дальнейшим контактам.

Межличностные отношения в Японии строятся на принципах так называемой культуры «омоияри», то есть предупредительной заботы о партнёре, что, как часть межличностного общения, отсутствует в Америке и Европе. Она заключается в предупредительности к пожеланиям собеседника без вербальной коммуникации или при её минимуме. В этой особого рода предупредительности находит отражение практика «домысливания» пожеланий партнёра, недостающей части произнесённого им предложения или целой фразы. Японцы считают, что сказать всё − означает вести себя невежливо по отношению к собеседнику, недооценивая его способности. На такие психологические тонкости европейцы обычно не обращают внимания, но их необходимо учитывать в процессе коммуникации с представителями данной культуры.

При ведении переговоров японцы стараются соблюдать этический принцип коммуникации по-японски, а именно: избегать ставить партнёра в неудобное положение. С этой целью используются как вербальные, так и невербальные средства. Так, при отказе не принято говорить «нет», в этом случае употребляют фразы 考えておきます *Мы подумаем или* その次にお願いいたします *В следующий раз.*

Отсутствие намерения японской стороны идти на дальнейшие контакты, как правило, означает отрицательный ответ, но при прямом вопросе вновь будет получен, с точки зрения европейцев, неясный ответ типа «Мы подумаем…», сопровождаемый любезной улыбкой. Подобный способ отказа связан с традициями японского этикета, согласно которому считается верхом неприличия прямым отказом поставить собеседника в неудобное положение, вынудив при этом «потерять лицо».

При вступлении в контакт с представителями японской нации немаловажно обращать внимание на создание атмосферы «общности» среди участников.

Как отмечает в своем исследовании Хорикава Наоёси [9, 144-148], при коммуникации с деловым партнёром следует учитывать следующие вербальные и невербальные факторы, способствующие появлению 共感 КЁ:КАН (*чувства общности взглядов*), что означает отказ от употребления резких, категоричных фраз, демонстрации своего превосходства в одежде и поведении.

Первым шагом к созданию коммуникативной интенции является общая тема разговора, как правило, предшествующая основному обсуждению какого-либо вопроса, для создания дружеской, ненапряжённой атмосферы. Такими общими темами могут быть обсуждение погоды, времени года, климатических изменений, спорта и т.д. С целью смягчения напряжённости, возникающей при первой встрече потенциальных партнёров, и создания благоприятной атмосферы для ведения переговоров положительно высказываются об интерьере офиса, ассортименте выпускаемой продукции и т.д. Поэтому при первом посещении фирмы-партнёра после обмена визитными карточками обычно не переходят сразу к делу, а несколько минут уделяют так называемому «разговору на бытовые темы», избегая при этом касаться политической или религиозной тематик, которые могут вызвать неадекватную реакцию у собеседника. Таким образом, можно найти те точки соприкосновения в интересах или позициях, которые могут помочь в установлении доверительных отношений и продвижении деловых проектов. Однако ведение слишком пространных разговоров во время деловой встречи часто оценивается японцами отрицательно [9, 147].

В японских деловых кругах при каждом новом контакте важную роль играет рекомендация третьей стороны, поскольку в этом случае рекомендующая сторона в определённой мере разделяет ответственность за поступки рекомендуемого. В связи с этим при наличии посредника достаточно легко договориться о личной встрече с интересующим лицом.

В случае необходимости обратиться с просьбой о посредничестве в знакомстве или личной встрече с третьим лицом, заранее сообщают посреднику информацию о сфере деятельности фирмы, интересы которой представляют. Если ранее приходилось встречаться с данным потенциальным партнёром, принято напомнить, где и когда это происходило. В случае отсутствия такой информации посредник может попасть в неудобное положение, способствуя нецелевому контакту, что оценивается японцами крайне отрицательно и может привести к потере доверия коллег.

В то же время при встрече не следует упускать возможности прорекламировать свою фирму, представив её как надёжного партнёра, заслуживающего доверия: в этом случае результатив-

ным будет упоминание о заключённых сделках с рядом крупных компаний и банков. При подготовке информации о свой фирме следует указать местонахождение основного офиса, дату основания, объём продаж, вид продукции, партнёров, банки, с которыми имеются деловые контакты, перспективы дальнейшей деятельности. Дело в том, что японские предприниматели придают большое значение деловому доверию к партнёру и определяют степень надёжности в зависимости от того, с какими фирмами он поддерживает контакты и через какие банки осуществляет сделки. У японцев обычно принято устно излагать самую основную информацию, с деталями же знакомятся при помощи буклетов и информационных материалов, предоставляемых визитёрами. В этот момент очень важно подчеркнуть позитивные стороны деятельности своей фирмы и её объективные преимущества, однако следует избегать критики в адрес конкурентов, что, по мнению японцев, ставит слушающего в неудобное положение и воспринимается крайне отрицательно [9, 146].

Следует знать, что на японских фирмах решение, как правило, принимается на основе консенсуса всех заинтересованных сторон, в связи с чем окончательные выводы не делаются сразу после личной встречи с представителем фирмы, а обычно вопрос решается во время последующих прямых переговоров с доверенными лицами. Бизнес-проекты и условия сделки принято обсуждать коллективно. Этот обычай получил название Ринги сэйдо, что означает обсуждение значимой для компании проблемы всеми сотрудниками фирмы, начиная с рядовых служащих, что создаёт на предприятии атмосферу коллективной ответственности за принимаемое решение, независимо от занимаемой должности. Несмотря на то, что полномочиями на вынесение окончательного решения наделены руководители высшего звена, мнение подчинённых по выносимому на обсуждение вопросу не может быть игнорировано.

В связи с этим непосредственные контакты необходимо поддерживать вплоть до принятия окончательного решения. Даже при срочной необходимости узнать окончательный вывод партнёра по какому-либо вопросу, следует избегать излишнего давления на собеседника, особенно если он занимает невысокую должность. В этом случае чрезвычайно важно, несмотря на должностную субординацию, не выходить из рамок япон-

ского делового этикета. При выяснении окончательной позиции по интересующему вопросу начинают встречу с благодарности партнёрам за участие в переговорах и предоставленную возможность деловой презентации своей фирмы, если таковая имела место. Только после этого будет учтивым поинтересоваться, принято ли руководством какое-либо решение, а в случае отсутствия ответа − причиной отсрочки, ходом обсуждения данной проблемы среди сотрудников фирмы и примерных сроков его принятия. При этом можно использовать такие фразы как: 煩わすのは心苦しいですが *Мне неудобно Вас беспокоить…* 申しにくいですが *Мне неудобно об этом говорить, но…* и т.д.

Обычно даже при завуалированных фразах японец всегда понимает, что интересует партнёра. В этом случае позитивно расценивается просьба дать совет по ускорению принятия положительного решения − японцы называют такого вида активность 根回し «нэмаваси» (*прощупывание почвы*). Положительная реакция на высказанные в качестве пожелания условия партнёра часто сразу приводит к компромиссу сторон.

При заключении деловых контрактов японцы, как правило, рассчитывают на долговременное сотрудничество, в связи с чем большое внимание уделяется не только получению своей прибыли, но и учёту интересов партнёра. Японцы могут пойти на уступки и компромисс, учитывая внутрифирменный рейтинг лиц, ведущих переговоры. Это называют 相手の顔を立てる «*позволить партнёру сохранить своё лицо*» в надежде получить преимущества в будущем 借りを返してもらう «*получить назад то, что одолжил*».

В случае отрицательного ответа среди японцев не принято проявлять негативные эмоции, на любое предложение следует отвечать с любезным выражением лица. Поэтому часто отрицательные ответы сопровождаются такими фразами, как 検討中だが «вопрос находится на рассмотрении», 直ぐには答えが出そうにない «*ответ вряд ли будет скоро*», 社内にも色々な意見の者がいる «*не все сотрудники нашей фирмы придерживаются единого мнения*» и т.д. [12, 51].

По принятому среди японцев деловому этикету, даже при отрицательном ответе на вносимое предложение не следует забывать о том, что в будущем может возникнуть новая возможность установления контакта с несостоявшимся партнёром, в

связи с чем чрезвычайно важно оставить о себе хорошее впечатление.

При удачном завершении сделки в японских деловых кругах принято выражать своё уважение в форме подарка или приглашения, что определяется, как правило, в зависимости от положения дел на данный конкретный момент. Несмотря на то, что объектом благодарности может быть ответственный за проведение сделки, для японцев это всегда равнозначно выражению благодарности одной фирмы другой, и на эти цели выделяется особая статья бюджета. В японских деловых кругах не является обязательным дарить личные подарки представителям фирм-партнёров по поводу дней рождения, Рождества и т.д., однако некоторые компании делают особые подарки дважды в год – летом «тюгэн» и зимой «сэйбо». Среди подарков чаще всего дарят продукты питания особого производства, например, сакэ, причём стараются выбирать продукцию своего региона. Внутри страны, как правило, подарок адресату не доставляется непосредственно, а отправляется через магазин.

Среди японских бизнесменов существует мнение о том, что связи в коллективе углубляются при совместном проведении времени после рабочего дня, поэтому часто практикуется и приглашение партнёра на совместное времяпровождение, получившее название «сэттай». Японцы считают, что при общении с партнёрами в неформальной обстановке бывает проще найти пути решения ряда деловых вопросов, закрепив их затем официально.

Знание такого рода информации и её умелое использование при деловом общении с японцами во многом способствует выбору тактики речевого поведения, наиболее соответствующей сложившейся ситуации, поставленной задаче и условиям общения. Во время переговоров адекватность такой тактики не менее важна, чем грамматически правильно оформленная речь.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)/ М.,ЗАО «Издательство ИКАР», 2009. С.446.

2. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира. Автореф. дис. док. культурол. М., МГИМО (У), 2006. С.45.
3. Корчагина Т.И. Обучение культуре языкового общения с японцами// В сб. Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания – М., ИД «Клюс-С», 2012. СС.69-71.
4. Лихолетова О.Р., Раздорская Н.В. Учебное пособие по японскому языку «Современное японское общество». М., МГИМО(У), 2015. С.316.
5. Нечаева Л.Т. Научно-методические основы структуры и содержания учебников японского языка для русскоговорящих (высшая школа): Дис. докт. пед. наук. ИСАА при МГУ.- М., ИСАА при МГУ, 2000. С.54.
6. Нечаева Л.Т. Учебник японского языка для продолжающих: в 2 т./Л.Т. Нечаева.- ч.1.М., Партнёр К.ЛТД, 1994. С.383; ч.2.М., ИСАА при МГУ «Древо жизни», 1996. С.377.
7. Раздорский А.И. Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге: Дис. канд. филол. наук. М., МГУ, 1981. С.211.
8. Раздорская Н.В. Особенности обучения японскому языку студентов-международников (на основе общественно-политических текстов): Дис. канд. пед. наук. М., РАО, 2007. С.192.
9. Хорикава Н. Ханасиката то кикиката-но ко:сэй (Структура говорения и слушания). Токио: Сибундо:, 1977. С. 530.
10. Школьник Л.С. Некоторые психолингвистические проблемы речевого воздействия: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., Институт языкознания АН, 1976. С.20.
11. Higurashi Y. Advanced Japanese: social and economic issues in Japan and the U.S. Tokyo, 237p.
12. Doi Mami, Kabasawa Yumiko, Maruyama Keisuke, Nonaka Junko, Onuma Masahiro, Yamamoto Kazuo,Yasui Tatsuya/Talking business in Japanese – Tokyo: The Japan Times, 1991, 121p.

Об авторе
Раздорская Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У). Научная специализация: японский язык, методика преподавания. Email: nrazdorskaya@mail.ru.

EXTRALINGUISTIC PECULIARITIES OF BUSINESS COMMUNICATION WITH THE JAPANESE

N.V. Razdorskaya

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Successful intercultural communication with the Japanese needs to consider the mentality and approach of the Japanese to doing business. In the process of communication a business partner is characterized by his manners, and compliance with the generally accepted rules of behaviour, which if not followed will fail any efforts to establish friendly and efficient relations, even if a business partner has a good command of Japanese. Along with the study of the language itself a future specialist should familiarize himself with national and cultural peculiaries of doing business in Japan, and conducting business negotiations in this country, which will facilitate the selection of appropriate tactics of speech behavior in business communication.*

Key Words: ethno-cultural characteristics, communication, tactics of speech behavior, communicative intention, business Japanese firms, professional competence, learning process effectiveness.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. . Novyj slovar' metodicheskih terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam)[New Dictionary of methodological terms and concepts (the theory and practice of language teaching)]. Moscow: ZAO «Izdatel'stvo IKAR», 2009. 446p.
2. Gurevich T.M. Lingvokul'turologicheskij analiz konceptosfery CHELOVEK v japonskoj jazykovoj kartine mira. Avtoref. diss. dokt. kul'turol. nauk [Lingvoculturological analysis of contceptosphere "man" in the Japanese language picture of the world. Dr.culteral.sci.authoref.] Moscow, 2006. 45p.
3. Korchagina T.I. Obuchenie kul'ture jazykovogo obshhenija s japoncami [Learning the culture of language communication with the Japanese]. V sb. Japonskij jazyk v VUZe: aktual'nye problemy prepodavanija [Japanese language at the university: actual problems of teaching]. Moscow: Publishing House "Klyuch-S", 2012. pp.69-71.
4. Liholetova O.R., Razdorskaya N.V. Uchebnoe posobie po japonskomu jazyku «Sovremennoe japonskoe obshhestvo» [Textbook of the Japanese language "Modern Japanese society"]. Moscow: MGIMO (University), 2015. 316p.
5. Nechayeva L.T. Nauchno-metodicheskie osnovy struktury i soderzhanija uchebnikov japonskogo jazyka dlja russkogovorjashhih (vysshaja shkola). Dis. dokt. ped. nauk [Scientific-methodical bases of the structure and content of Japanese language textbooks for Russian speaking (High School)]: Dis. dr. ped. sci. diss). ICAA MSU. Moscow: ISAA Moscow University, 2000. 54p.
6. Nechayeva L.T. Uchebnik japonskogo jazyka dlja prodolzhajushhih [Text and exercise book of Japanese for continuing] 2 ch. / L.T.Nechaeva.-ch.1.M.: Partner K.LTD, 1994, 383p. ch.2. Moscow: ICAA Moscow University "Tree of Life", 1996. 377p.
7. Razdorskiy A.I. Nacional'no-kul'turnye osobennosti kommunikacii v japonskom ustnom dialoge. Dis. kand. filol. nauk [National-cultural fea-

tures of oral communication in Japanese dialogue. Dr. philol. sci. diss]. Moscow, 1981. 211p.
8. Razdorskaya N.V. Osobennosti obuchenija japonskomu jazyku studentov-mezhdunarodnikov (na osnove obshhestvenno-politicheskih tekstov). Dis. kand. ped. nauk [Features of teaching students the Japanese language (based on socio-political texts) Dr. ped. sci. diss]. Moscow, 2007. 192p.
9. Horikawa N. Structure of speaking and listening. Tokyo: Sibundo:, 1977. 530p.
10. Shkolnik L.S. Nekotorye psiholingvisticheskie problemy rechevogo vozdejstvija: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Some psycholinguistic problems of speech influence: Dr. filol.sci. Authoref. dis.]. Moscow, 1976. 20p.
11. Higurashi Y. Advanced Japanese: social and economic issues in Japan and the U.S. Tokyo, 237p.
12. Doi Mami, Kabasawa Yumiko, Maruyama Keisuke, Nonaka Junko, Onuma Masahiro, Yamamoto Kazuo, Yasui Tatsuya/Talking business in Japanese – Tokyo: The Japan Times, 1991, 121p.

About the author

Natalia V. Razdorskaya – Candidate of Pedagogical Sciences (PhD), Associate Professor of the Depart-ment of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages MGIMO (U). Research interests: Japanese language, pedagogy, languages teaching methods. Email: nrazdorskaya@mail.ru.

* * *

Раздел 3.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

С.М. Воронец

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Многие аспекты человеческой жизни (экономические, социальные, политические, культурные) всегда имели непосредственную и первоочередную связь с проблемами питания. Еда и питьё говорят о том, какие приоритеты ставят люди в жизни, ибо место еды определяет и место других ценностей или радостей жизни, демонстрирует их истинную роль в культуре того или иного народа. Гастрономические традиции народа лучше всего свидетельствуют о его национальных склонностях и национальном характере. А гастрономическая система является важным компонентом национальной идентичности. Об этом свидетельствует устойчивость расхожих представлений о национальных кухнях: существуют блюда и особенности приёма пищи, которые в массовом сознании тесно связаны с определённой нацией. Целью представленной статьи является проследить, как исторически складывалась современная итальянская гастрономическая модель и формировались её основные элементы.

Ключевые слова: итальянская кухня, региональная кухня, гастрономическая модель, кулинарная система, история питания, итальянская идентичность.

На первый взгляд гастрономические традиции не относятся ни к культурологии, ни к лингвострановедению. Однако на деле многие аспекты человеческой жизни (экономические, со-

циальные, политические, культурные) всегда имели непосредственную и первоочередную связь с проблемами питания. Еда и питьё говорят о том, какие приоритеты ставят люди в жизни, ибо место еды определяет и место других ценностей или радостей жизни, демонстрирует их истинную роль в культуре того или иного народа.

В целом гастрономические традиции народа лучше всего свидетельствуют о его национальных склонностях и национальном характере. А гастрономическая система является важным компонентом национальной идентичности. Об этом свидетельствует устойчивость расхожих представлений о национальных кухнях: существуют блюда и особенности приёма пищи, которые в массовом сознании тесно связаны с определённой нацией. С этой точки зрения, интересно рассмотреть, как исторически складывалась современная итальянская гастрономическая модель и формировались её основные элементы, актуальные и в наши дни, что и является целью данного исследования.

Прежде чем приступить к исследованию, важно разграничить понятия «итальянская кухня» и «региональная кухня». Понятие «итальянская кухня» относится к последним десятилетиям XIX века и связано с событиями эмиграции итальянцев в поисках работы и еды в такие страны как Америка, Аргентина, Великобритания. Именно с рациона итальянских эмигрантов началось распространение в мире под обобщённым названием «итальянская кухня». Таким образом, определение «итальянский» является показателем стороннего взгляда на итальянскую кухню. Между тем, для кулинарного кода Италии прилагательное «итальянский» совершенно нетипично. Для Италии более приемлемы региональные коннотации: abbachio alla romana (*седло барашка по-римски*), fegato alla veneziana (*печень по-венециански*), bistecca alla fiorentina (*бифштекс по-флорентийски*) и др. В названиях блюд отражено их происхождение, их отличие от других, похожих. Данный парадокс существует и поныне. Итальянская кухня получила признание во всём мире, во многих столицах наблюдается поступательный рост числа итальянских ресторанов, итальянские рецепты популярны среди многих народов. Но это всего лишь усреднённое представление, некая хаотическая выборка из региональных кухонь, которая за

границей представляет собой единое целое, а внутри страны разбросана по разным регионам и даже городам.

Современная гастрономическая система итальянцев прошла долгий исторический процесс формирования, изменяясь под влиянием воздействия других кулинарных традиций и новых продуктов. Гастрономическая модель складывалась постепенно, приобретая с ходом истории свои черты, и тесно связана с процессом изменения рациона. Параллельно со становлением гастрономической системы складывалось отношение к приёму пищи, что вылилось в полноценную систему трапезной этики: сервировка стола, порядок подачи блюд, правила поведения за столом, манеры, застольные развлечения, общение.

Римская культура, как и греческая, не слишком ценила первозданную природу. В системе римских ценностей природа (*natura*) была противоположностью цивилизации (*civitas*), города, то есть некоего искусственного порядка, созданного человеком для того, чтобы выделиться из природы и отдалиться от неё. Аналогичным образом противопоставлялись упорядоченные примыкающие к городу обрабатываемые земли (ager) и первозданная природа, лес (saltus). Лесное хозяйство было, несомненно, развитым, но это был именно побочный, маргинальный промысел. Стержнем продуктовой промышленности римлян было полеводство и садоводство. Триада экономических и культурных ценностей: зерновые, виноград, оливы. **Зерновые (хлеб, паста, тесто), виноград (вино) и оливы (масло) и по сей день являются основными гастрономическими элементами итальянкой кухни.**

Совсем иными были способы производства кельтских и германских народов, которые жили в окружении лесов и предпочитали использовать первозданную природу (*saltus*): охота, рыбная ловля, сбор лесных ягод, свободный выпас скота в лесу. Таким образом, возникает противопоставление: **хлеб – мясо, вино – пиво (или другие напитки на основе брожения), оливковое масло – сливочное масло или сало.**

Интересно, что после падения Римской империи две культуры питания не перемешались, а стали существовать параллельно. Как пишет итальянский историк и культуролог Массимо Монтанари: *«Внутри этой общей культуры не только сохраня-*

лись признаки дихотомии, несводимой к общему знаменателю, но и стали отмечаться важные социальные различия. В центральных и северных областях Европы высшие слои, светские и церковные, восприняли «моду» − иного слова не подберёшь − на хлеб, вино и оливковое масло <…> Наоборот, в областях, только что покорившихся власти и воспринявших культуру германских народов, именно высшие слои восприняли их образ жизни и питания (страсть к охоте, высокий уровень потребления мяса), в то время как простой народ так и не отошёл от традиционной модели: образ «бедняка», питающегося овощами, который появляется в стольких литературных памятниках эпохи, не только продукт идеологической пропаганды».[1]

Ответить на вопрос о том, хорошо ли питались в Средние века, не просто. Люди того времени в повседневной жизни отличались умеренностью в еде: как бедные, так и богатые за столом довольствовались малым. Пиры устраивались только по особым случаям: семейное торжество или общее празднование. Конечно, богачи любили поесть много, но говорить о разнообразии и изысканности средневекового стола не приходится. Застольная роскошь, наряду с одеждой, в средневековом менталитете выражала скорее этику власти и репрезентации, объединяя тем самым аристократию и горожан.[2]

Как утверждают историки, в Средние века в нормальный период достигался пищевой баланс для большинства активного населения с учётом неизбежных различий между отдельными социальными слоями, а внутри одного слоя – между представителями различных профессий.[3] Никто не боялся умереть с голоду, кроме нищих и безработных. Тем не менее, часть населения жила в состоянии неудовлетворительного питания по причине частных в то время неурожаев и гражданских войн, что влекло к экономическому кризису. Хотя состоятельным людям не приходилось опасаться голода, их стол не отличался изысканностью. Иллюстрацией может служить работа римского мастера XIII в. Якобо Торрити (*Jacopo Torriti*) «Брак в Канне Галилейской»,

---

1 Монтанари М. История питания в Европе. – М.:Александрия, 2009. С. 42.

2 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М: Издательская группа Прогресс, 1992. С. 119.

3 Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 48.

находящейся в базилике Сан Франческо в Ассизи. На фреске представлены блюда праздничного стола: хлеб в виде плетёнок, вина, сливы в сосудах, перепела, куропатки. Как видно, особым изобилием стол не отличается.

Первым и единственным на то время свидетельством того, как потребляли и готовили пищу являются пять миниатюр ведущего миниатюриста Ломбардии XII в. Джованнино де Грасси (*Giovannino de' Grassi*). На миниатюрах изображены продукты того времени (мясо, окорок, ветчина, сыр), а также процесс приготовления пасты и даже сбор арбузов.

В Средние века начало распространяться самое известное блюдо Италии – макароны. Хотя паста была известна ещё древним римлянам: они раскатывали тесто с водой, делая из него подобие широкой лапши. Данная традиция – традиция приготовления свежей пасты – сохранилась и в современной Италии. А в Средние века в Италию приходят сухие макаронные изделия, изобретение которых приписывают арабам. Сухая паста появилась на Сицилии, где господствовали арабы. Несмотря на то, что геоклиматические условия региона в целом подходят для эффективного высушивания макарон, – их производство было дорогостоящим. Тем не менее, итальянцы смогли по достоинству оценить преимущества пасты (долгое хранение, прежде всего). Распространению сухих макаронных изделий во многом способствовали приморские города (Неаполя и Генуи), которые могли перенять новшество у сицилийцев и внедрить его в свою практику, тем более что морякам такой сухой продукт с длительным сроком хранения был просто необходим. В XVII веке неаполитанцы даже «отберут» у сицилийцев эпитет «макаронники». Поскольку приморские города жили во многом за счёт торговли, то они смогли сделать ставку на такой коммерчески успешный продукт как сухая паста. Особенно отличилась Генуя: генуэзские купцы были главными распространителями сицилийской пасты в северных регионах Италии, а в следующем веке Генуя упоминается уже как самостоятельный производитель различных типов пасты: в XIV в. некоторые рецепты пасты в кулинарных книгах будут помечены как «генуэзские». Почти сразу же возникает союз пасты и тёртого сыра, особенно рекомендуются пармский сыр. С массовым распространением тестомесильных машин и механических прессов макароны, производство кото-

рых удешевилось, сделались основным блюдом итальянцев. В XIX-XX вв., когда многочисленные региональные кухни вступили в фазу активнейшего взаимообмена, паста стала проникать всё дальше и дальше на север страны и, в конце концов, сделалась своеобразным символом Италии, а эпитет «макаронники» будет характеризовать всю итальянскую нацию.

Средневековая культура овладела также и искусством приготовления пирогов (*tortelli*). *Tortelli* – это пирожки с фаршем внутри, вокруг которого защипывается тонко раскатанное тесто. Далее они варятся в воде или в бульоне (можно жарить в масле) и подаются с сыром или сладкими (с сахаром или медом). Один из героев пародии на рыцарские романы «Морганте» (*Morgante*) итальянского поэта XIV в. Луиджи Пульчи (*Luigi Pulci*)[4] обжора Маргутте восклицает: *«Я верю в пирог и в tortello. Один − родитель, другой − его сынок»*.[5] Старший современник Пульчи Теофило Фоленго (*Teofilo Folengo*) в своей поэме в стихах «Бальдус» (*Baldus*) также создаёт народный образ пирогов и *tortelli*, вставив их, вместе с ньокки (*gnocchi*) и полентой из бобов, в список лакомств, которые покойная жена крестьянина Тоньяццо готовила мужу.[6]

Кулинарное искусство, которое достигло огромных высот в эпоху Императорского Рима, а в Средние века значительно сдало свои позиции, в XIV веке начало возрождаться. Эпоха Возрождения внесла заметные изменения в итальянскую кухню: на смену необузданному обжорству приходит изысканное изобилие. В эпоху Возрождения происходит изменение гастрономических вкусов элиты, а пиры и застолья достигли необычайной роскоши и размаха. Отличительным признаком застолья эпохи Возрождения становится количество, разнообразие и изысканность блюд: обилие мяса и дичи, разнообразие вин, избыток специй и соли.

По-прежнему были велики различия в питании «верхов» и «низов» общества, крестьян и горожан. Простой народ ест два

---

[4] Биография и краткий очерк творчества Л.Пульчи http://www.girodivite. it/antenati/xvisec/_folengo.htm

[5] Лучшее издание «Morgante» вышло под ред. G. Fatini, 3 vv., Torino, 1927; Lettere di Luigi Pulci a Lorenzo il Magnifico e ad altri, a cura di S. Bongi, Lucca, 1886; Strambotti di Luigi Pulci fiorentino, ed. A. Zenatti, Firenze, 1887. Русских переводов Луиджи Пульчи не имеется.

[6] Текст произведения http://www.libromania. it/titolo.asp?autore=Folengo%2C+Teofilo&titolo=Baldus

раза в день: утром (*desinare*) и вечером (*cena*). Пища готовится по утрам, вечером, как правило, доедают оставшееся от завтрака. Еда была довольно однообразной. Рацион составляют овощной суп, варёная говядина или жаренное мясо (телятина, баранина). Посты соблюдаются неукоснительно, следовательно, два раза в неделю едят рыбу с овощами – нутом или цветной капустой. Но основным продуктом питания является хлеб (*pane*), что подтверждается тем, что остальные продукты питания называют *companatico*, т.е. сопутствующими хлебу. Данное слово сохранилось в современном итальянском языке и обозначает продукты, которые подают и едят вместе с хлебом. Однако хлеб бедняков отличался от хлеба богачей. На столе последних присутствовал пшеничный хлеб из просеянной муки. Крестьяне, даже если и выращивали пшеницу, почти не знали вкуса пшеничного хлеба. Их уделом были ржаной хлеб из муки плохого помола, просеянной, с добавлением рисовой муки, которой гнушались состоятельные. Хлеб заменяли лепёшками из муки различных злаков. Важное дополнение к зерну составляли бобовые: бобы, горох, чечевица. С горохом или бобами обычно готовили тушёное мясо.

Слово «хлеб» вошло в обыденное сознание как константа ментальности и языковой картины мира. В итальянском языке мы находим множество подтверждений этому:

buono come il pane (добрый как хлеб),

per un tozzo di pane (досл. за ломоть хлеба − за гроши, очень дёшево),

non è pane per i suoi denti (досл. этот хлеб ему не по зубам – это ему не по силам),

trovar pane per i propri denti (досл. найти хлеб для своих зубов – дать пищу для ума),

perdere il pane (досл. потерять хлеб – остаться без работы),

misurare il pane (досл. взвешивать хлеб – быть жадным).

Нашли отражение в языковом сознании народа и другие продукты питания, являющиеся основным рационом ещё со времен Римской империи:

buon vino fa buon sangue (хорошее вино полезно для здоровья),

dire pane al pane e vino al vino (досл. называть хлеб хлебом и вино вином – называть вещи своими именами),

andare liscio come l'olio (идти как по маслу),

calmo come l'olio (досл. спокойный как масло – говорится о спокойном море),

essere pane e cacio (досл. быть как хлеб и сыр − быть неразлучными друзьями),

il cacio sui maccheroni (досл. сыр на макароны − быть кстати, оказаться под рукой в нужный момент),

essere alto come un soldo di cacio (досл. быть высоким как небольшой кусок сыра – от горшка два вершка).

Трудно переоценить значение рыбы в итальянской гастрономической модели. Благодаря географическому положению Апеннинского полуострова, рыба является богатейшим природным пищевым ресурсом, который начали использовать ещё во времена античности. В языке мы находим множество подтверждений того, насколько рыба укоренилась в языковой картине мира итальянцев:

pesci grossi / piccoli (досл. крупная / мелкая рыба − важный человек / маленький человек),

non sapere che pesci prendere (досл. не знать, какую рыбу ловишь − не знать, как действовать в той или иной ситуации),

fare il pesce in barile (досл. солить рыбу в бочках – проявлять безразличие, притворяться),

buttarsi a pesce su qd (досл. бросаться как рыба на кого-нибудь − проявлять радость, браться за дело с энтузиазмом),

prendere a pesci in faccia (досл. тыкать рыбой в лицо – обращаться грубо, унижать).

Рыба и рыбные блюда (рыбный суп) составляли на протяжении веков основу питания прибрежного населения, состоящего из бедняков. Рыба считалась лёгким для пищеварения и полезным для организма продуктом: в итальянском языке существует даже выражение *essere sano come un pesce* (быть здоровым как рыба). Свежая, а также солёная, копчёная, сушёная рыба заметно дополняла и разнообразила стол в первую очередь в дни многочисленных долгих постов. Рыба стала пищей монастырей, она означала покаяние, была символом лёгкости как пищеварительной, так и духовной. Морская рыба была доступна всем слоям населения, следовательно, она не являлась предметом чревоугоднических помыслов. Поэтому ещё со времён Древнего Рима ценной и изысканной считается речная, а не морская рыба. Про-

исходит своеобразная инверсия престижа. Данная тенденция сохраняется в Италии и по сей день: в меню ресторанов (если только он находится не на побережье) присутствует большой ассортимент речной рыбы. Морская рыба ловится в море, омывающем достаточно большую территорию с несколькими областями, в то время как речная рыба является аутентичным свидетельством местной кулинарной самобытности, являющейся неотъемлемой частью общей национальной культуры.

Об овощном рационе людей в эпоху Возрождения можно судить по художественным работам многих мастеров[7], которые дают представление об обычном ассортименте овощного рынка того времени: пшеница, морковь, редька, виноград различных сортов, тыквы, огурцы, фенхель, гранаты, яблоки. Видно, что ассортимент овощей и фруктов у итальянцев, по сравнению с римской эпохой, существенно не изменился.

Примером пищевого рациона того времени могут быть записки Леонардо да Винчи, который отличался некоторой педантичностью и записывал в дневник свои доходы и расходы, в том числе и на еду. Так, на службе при дворе Миланского герцога Леонардо закупал следующие продукты [6, с. 13]: *Воскресенье: мясо, вино, крупа, зелень, сливочный сыр, апельсины, хлеб. Понедельник: вино, крупа, сыр, зелень. Вторник: мясо, вино, хлеб, крупа, зелень. Среда: вино, апельсины, стручки (по-видимому, гороха), крупа, зелень.* Простые продукты питания (бобы, острый перец, вишня) мы видим и в известном карандашном наброске Леонардо да Винчи.

Сохранился художественный список покупок Микеланджело, который, вероятно, был сделан для безграмотного слуги. Чтобы слуга ничего не перепутал, Микеланджело нарисовал то, что нужно купить на рынке. Рисунок является своеобразным меню повседневного питания: хлеб, вино, сухое и выдержанное (крепкое), сельдь, пироги (тортелли), шпинат, анчоусы, фенхель.

В отличие от бедняков зажиточные люди Ренессанса питаются три раза в день: к привычному в Средние века двухразово-

---

[7] Натюрморт Винченцо Кампи (Vincenzo Campi, 1536-1591, Кремона). Произведения Антонио Разио (Antonio Rasio, 1677-1695, Ломбардия) и Джузеппе Арчимбольдо (Giuseppe Arcimboldo, 1527-1593, Милан). Роспись плафона лоджии Психеи Виллы Фарнезина в Риме Рафаэля Санти (Raffaello Sanzio, 1483 -1520).

му приёму пиши, утренний завтрак (*desinare*) и вечерний обед (*cena*), добавился полдник (*merenda*). Основное отличие трапезы богачей от трапезы бедняков – почти ежедневное потребление мяса, обилие дичи, добытой в собственных владениях или доставленной крестьянами, отборные и разнообразные вина, иногда привезённые из других областей Италии. Кроме того, богатые люди могли позволить себе специи и соль, на которые распространялась государственная монополия и которые стоили дорого.

В эпоху Возрождения в Италии зарождается особый культурный феномен, который можно назвать становлением высокой кухни. В этот период наблюдается склонность к пирам с избытком мяса и напитков. В праздничных застольях оживёт римская традиция, когда сотрапезники наслаждались отлично приготовленными и красиво поданными блюдами, а также музыкой, беседой и театральными зрелищами. Учёные беседы перемежались с танцами под аккомпанемент лютни, декламацией стихов, чтением новелл, выступлениями артистов, музыкой. С начала XIV века историки стали включать в свои сочинения описания трапез и пиров. В это время публикуется также и первая со времён античности европейская поваренная книга. К сожалению, многие из этих текстов либо утеряны, либо недоступны, и поэтому для изучения истории кулинарии XIV− XV вв. большую роль играют художественные и литературные памятники. Описания подобных застолий встречаются у Боккаччо и Антонио Альберти ещё в XIV в.

Очень часто устроители пышных застолий стремились показать великолепие, богатство семьи, её власть, а провождение времени за трапезой стало обычаем и со временем широко распространилось во всех слоях общества.[8]

Интересно провести сравнение средневекового застолья, в описании которого упор делался на количество съеденного и вы-

[8] В XV в. в Италии появляются таверны (остерии), которые отвлекали посетителей от монотонности домашней жизни. Там можно было приятно провести время: пообщаться с приятелями, послушать новости, сыграть в карты, кости, найти подружку, выпить, вкусно поесть. Во Флоренции посещение мужчинами таверн приобрело такие масштабы, что женщины потребовали от властей принять постановление, запрещающее подавать в тавернах слишком тонкие блюда. (История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения .Под. ред. Брагиной Л.М. - М.:Высш.школа, 1999. С. 198).

питого (например, на свадьбе одного феодала в конце XV в. было съедено 300 бычьих туш, 62 тыс. кур, 5 тыс. гусей, 75 кабаньих туш)[9] и пира в эпоху Ренессанса, когда на смену необузданному обжорству придёт изысканное изобилие при частой перемене блюд. Примером такого застолья послужит меню торжественного обеда, составленное Бартоломео Стефани (*Bartolomeo Stefani*), поваром герцога Мантуанского. Данное меню Стефани приводит в своей кулинарной книге «Похвальная профессия повара и искусство хорошо готовить и составлять изысканные меню» *(L'arte di ben cucinare et istruire i men periti in questa lodevole professione di Bartolomeo Stefani cuoco di Sua Altezza Serenissima il Duca di Mantova)*, вышедшей в свет в 1662 г.[10]

Первая перемена холодных блюд (буфет): *Клубника с сахаром в белом вине. Суп из голубей в молоке и мальвазии. Паштет из фазана в собственном соку. Колбасная нарезка в корзинке, сплетённой из цветов. Филе индейки на вертеле. Голова кабана на вертеле, нашпигованная ветчиной. Торт из марципанов с фруктами. Сладкие лимоны и китайские апельсины в желе.*

Первая перемена горячих блюд: *Густой молочный суп из грудок фазана с фисташками. Овощное рагу. Каплуны, выдержанные в молоке и варёные в белом вине. Свиная нога, сваренная в бульоне. Паштет из грудок куропаток. Начинённые цыплята, тушёные в мальвазии.*

Вторая перемена горячих блюд: *Фазаны на вертеле. Перепёлки на вертеле, приготовленные на сильном огне с гранатовым соусом.*

Третья перемена горячих блюд: *Бедро лани, жаренное с каперсами. Рябчики на вертеле, приготовленные на медленном огне с королевским соусом. Жареные перепелки с кислым соусом и цветками жасмина. Жареная крольчатина с королевским соусом. Жареные голуби, покрытые сахаром и корицей.*

Вторая перемена холодных блюд (буфет): *Цветная капуста с трюфелями, устрицы, фенхель, спаржа, артишок, оливки, свежий виноград, мёд, груши.*

---

[9] Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Александрия, 2009.

[10] Ссылка на электронную версию книги «L'arte di ben cucinare et istruire i men periti in questa lodevole professione di Bartolomeo Stefani cuoco di Sua Altezza Serenissima il Duca di Mantova» - http://www.saperesapori.eu/articles.asp?id=38.

Третья перемена холодных блюд (буфет). *Со стола убираются фрукты и стелется чистая скатерть. Стол украшает сахарная фигура в виде кипариса и четыре сахарные вазы с букетами роз по краям стола. Гостям подаются различные варенья и засахаренные фрукты.*

Пристальное внимание к культуре питания в XIV—XV вв. историки объясняют целым рядом причин. Например, застолье являлось своеобразной психологической компенсацией, освобождением от гнетущего страха голода, вполне оправданного в Средние века. Голод был таким же неотъемлемым атрибутом средневекового мира, случался так же часто и разил так же безжалостно, как страшные эпидемии и непрерывные войны, внутренние и внешние. Историки подсчитали, что голод повторялся раз в четыре или пять лет: с 1276 по 1348 год шестнадцать раз.[11]

В качестве ещё одной причины расцвета кулинарного искусства в эпоху Возрождения, можно назвать укрепление роли городов и подъём экономики: люди избавляются от голода и становятся более избирательными в своих гастрономических предпочтениях.

XV−XVII вв. стали периодом Великих географических открытий: проложен путь в Индийский океан вокруг Африки, открыты Центральная, Южная и Северная Америки, совершено кругосветное путешествие Магеллана и открыты Филиппины, Большие Зондские и Молуккские острова и многие другие, ранее не известные европейцам, земли. Великие географические открытия познакомили итальянцев с новыми продуктами (помидоры, картофель, кукуруза, фасоль и др.).

Интересно, что помидоры − неотъемлемый ингредиент итальянской кулинарии − появляется в кулинарных книгах только в XVII в. благодаря книге неаполитанца Антонио Латини (*Antonio Latini*) «Современный дворецкий» (*«Lo Scalco alla Moderna»*, 1694 г., Неаполь). Знаменитый неаполитанский повар опубликовал рецепт соуса из помидоров в «испанском стиле».[12] До этого

---

[11] Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 47.

[12] Рецепт соуса популярен и в наши дни: помидоры, мелко нарезанный лук, чеснок, соль, перец, оливковое масло, уксус (вино). (Latini A. Lo scalco alla moderna, I. Napoli, 1692-1694. / Biblioteca gastronomica digitale / www.academiabarilla.it).

помидоры были известны в Италии только в качестве элемента для украшения и назывались «волчьи персики» (*pesca del lupo*). Своё современное название *pomo d'oro* (золотой плод) этот овощ получил в XVI в. благодаря итальянскому ботанику и врачу, уроженцу г. Сиена Пьеру Андреа Маттиоли (*Pier Andrea Mattioli*).[13] Действительно, привозимые в Италию помидоры были жёлтого цвета, а не красного. В 1778 г. ещё один известный неаполитанский ботаник и гастроном Винченцо Коррадо (*Vicenzo Corrado*) в своей книге «Искусный повар» (*Il cuoco galante*) опубликует рецепт соуса из помидоров с пастой. Так постепенно начинают завоёвывать свои позиции макароны с соусом – блюдо, которое является кулинарным символом Италии. Помидоры же так плотно вошли в сознание итальянцев как неотъемлемый атрибут итальянской жизни, что нашли даже своё отражение в языке в выражении *rosso come un pomodoro* (*красный как помидор*).

Благодаря великим географическим открытиям, возрос приток восточных и заокеанских пряностей, а цены на них снизились. В Средние века пряности были известны в Италии и использовались в качестве лекарственных средств, но стоили так дорого, что были недоступными для подавляющего большинства населения.[14] Вследствие своей высокой цены, пряности нередко заменяли собой золото в штрафах, контрибуциях и других платежах. Генуэзцы в XII в. платили в качестве жалования солдатам 48 золотых монет и 2 фунта перца.[15] Право торговли пряностями в то время было поделено между Венецией, Пизой и Генуей до тех пор, пока в XIV в. Венеция не стала единоличным монополистом по торговле пряностями с Востоком, вследствие чего и без того высокие цены на них возросли ещё больше.

---

[13] Другой известный итальянский ботаник и гастроном неаполитанец Винченцо Коррадо (Vincenzo Corrado) также описал помидоры как плод «цвета шафрана» (frutto color zafferano).

[14] Наладить торговлю пряностями в Европе было нелегко, т.к. старая посредница в восточной торговле Византия всё больше дряхлела, а церковь запрещала западным купцам торговать с «неверными» мусульманами, угрожая отлучением. Только в XIII в. Венеция уговорила папу Иннокентия III дать ей в виде исключения разрешение на ведение торговлю пряностями. Похлебкин В.В. Поваренное искусство и поварские приклады. М.: Центр-полиграф. 2008. С. 343.

[15] Похлебкин В.В. Поваренное искусство и поварские приклады. М.: Центр-полиграф. 2008. С. 344.

В 1408 г. португалец Васко да Гамма впервые, минуя посредников в торговле − Венецию и арабов − привёз на своих кораблях пряности. А через три года организовал грандиозную экспедицию по доставке свыше двух тысяч тонн пряностей, что вызвало сенсацию в торговых кругах Европы: монополия Венеции на завоз и продажу пряностей рухнула.

Пряности и приправы (чёрный перец, лавровый лист, мускатный орех, корица, имбирь, гвоздика, перец, шафран и др.) стали использоваться при приготовлении пищи, но их широкое употребление в Италии объясняется скорее гастрономическими вкусами эпохи, модным поветрием, чем пристрастием итальянцев к пряностям и специям. К XVII в. наметилась тенденция постепенного угасания интереса итальянцев к пряностям. Знаменитый в своё время повар мессер Мартино да Комо (*Martino da Como*) при приготовлении блюд отказался от ввозимых в Италию специй, хотя именно изобилие специй символизировало в Средневековье богатство владельца дома. Мессер Мартино предлагал использовать местные ароматические травы: мяту, майоран, петрушку, чеснок, розмарин, фенхель, лавр, шалфей. Отличительной особенностью его рекомендаций являлось восстановление оригинального вкуса продуктов. В сборнике рецептов Мартино да Комо *«Книга по кулинарному искусству» (De arte coquinaria)* нашли своё отражение гастрономические вкусы и предпочтения ренессансного общества. Книга была написана предположительно между 1460-м и 1465-м годами и представляла собой первую в истории Европы кулинарную книгу, в которой приводились подробные рецепты как известных из других манускриптов блюд, так и фирменные рецепты самого Мартино да Комо. Данный труд стал известен в Италии стараниями гуманиста Бартоломео Платина (*Bartolomeo Platina*), который собрал все рукописные записи Мартино и издал печатный вариант этой поваренной книги.

Из напитков первое место традиционно занимало виноградное вино. Интересно отметить, что шоколад, появившийся в начале XVII в. во Франции и в Испании, стал очень популярен в высшем обществе. В Италии же шоколад не нашёл приверженцев. Зато стал очень популярным кофе. Кофе был завезён в Италию венецианскими купцами, но сначала продавался в аптеках как арабское лекарственное средство. В начале XVII в.

в Венеции была открыта первая кофейня (*bottega del caffè*). Кофейни становятся местом посиделок, литературных встреч, оживлённых дискуссий. В начале XX в. была изобретена кофеварка для эспрессо. Кофейни переквалифицируются в бары, смысл которых в том, чтобы зайти, быстро выпить кофе за стойкой и отправиться дальше по своим делам. Остаются лишь некоторые исторические кофейни, хранящие традиции прошлых веков. В современном итальянском языке эти два заведения так и различаются по названию: *bar* и *caffè*.

К концу XIX века итальянцы начинают осознавать себя как единая нация и начинают собирать гастрономические традиции: блюда всех регионов перечисляются вместе при сохранении всех достижений локальных и региональных традиций.[16] В это время выходит в свет знаменитая кулинарная книга писателя и эрудита Пеллегрино Артузи (*Pellegrino Artusi*) «Наука о питании и искусство приготовления хорошей еды» (*La scienza in cucina e l'arte di mangiar bene*). В этом сборнике рецептов автор объединил типичные блюда региональной кухни, снабдил их своими комментариями, рассуждениями и интересными историями из жизни. Поваренную книгу Артузи на рубеже XIX–XX вв. читали все итальянские семьи, и она сделала для объединения страны больше, чем роман «Обручённые» (*I promessi sposi*) Алессандро Мандзони (*Alessandro Manzoni*) − первый современный исторический итальянский роман, написанный без языковой напыщенности и пуризма, простым, понятным, но в тоже время богатым и гибким языком, послужившим примером итальянского литературного языка.

Успех книги Пеллегрино Артузи, возможно, объясняется тем, что для автора еда и процесс её приготовления были синонимичны стилю жизни и культуре быта. А сама книга не является простым сборником рецептов. Это сборник философских эссе и размышлений о жизни и обществе. Автор с ренессансной убедительностью утверждает естественную природу человека,

[16] Первый гастрономический справочник был издан в 1548 году в Милане Ортенсио Ландо. В путеводителе точно описываются города и местности всей страны, включая даже территории на Севере, сейчас уже относящиеся к швейцарскому кантону Тичино, но входящие в географическое понятие Италии. Изучая этот текст, можно представить себе какой была гастрономия, экономика, социальные контакты по всей стране в XVI веке.

которая нуждается в хорошей пище, может и должна получать от неё удовольствие. *«Почему в иерархии чувств необходимое для жизни и её продолжения считается самым низменным? Почему то, что удовлетворяет другие чувства – живопись, музыка и прочее называется искусством, считается благородным, а то, что удовлетворяет вкус, считается низким? Почему полагают, что человек, наслаждающийся прекрасной картиной или музыкальной симфонией, более возвышен, нежели тот, кто наслаждается превосходным блюдом?»*.[17] В конце предисловия Артузи призывает к здоровому образу жизни, который является залогом здорового аппетита. Здоровый аппетит, по мнению автора, нужен для того, чтобы получать удовольствие от еды, наслаждаться ею. Таким образом, постепенно и благодаря обмену рецептами между регионами и даже городами, рацион итальянцев расширялся и обогащался оригинальными кулинарными идеями.

Анализ того, как исторически складывалась итальянская гастрономическая модель и формировались её основные элементы, помогает понять основные постулаты итальянской кухни. Прежде всего, это сложившийся исторически баланс между едой как ежедневным поддержанием жизни, т.е. первейшей и неизбежнейшей из человеческих потребностей, и едой как наслаждением. Итальянцам свойственна сильная фиксированность на еде, причём, как на блюдах, так и на ритуале потребления пищи, настоящий «культ еды». Эта тенденция объясняется долгой экономической отсталостью страны, когда присутствовала постоянная угроза голода и недоедания, а отвлечение от страха перед голодом находили не только в постоянном эксперименте с самыми разными, зачастую малосъедобными продуктами (мука из каштанов), но и в постоянных разговорах о еде.

Ещё одной характеристикой итальянской кухни можно назвать немыслимое разнообразие региональных продуктов, что также имеет своё историческое объяснение. Продвижение региональной кухни является своеобразным противовесом усреднённой и обезличенной итальянской кухни «на экспорт», которая распространяется по всему миру. В современной Италии популярны регионально маркированные продукты, кото-

[17] Артузи П. Наука о питании и искусство приготовления вкусной еды (пер. И. Алекберова). Издательство «ITA Casa Editrice», 2011. - 112 с.

рые циркулируют по всему полуострову. Данный процесс был подкреплён как коммерческой выгодой, так и большим спросом. В итоге зародился новый вид туризма – агротуризм (винно-гастрономический туризм). Ещё во времена Древнего Рима, несмотря на наличие единого государства, наблюдалось большое разнообразие продуктов и гастрономических традиций различных областей Апеннинского полуострова. После падения Римской империи и вплоть до XIX в. единое централизованное государство отсутствовало: Италия была расчленена на множество государств. Данный факт только способствовал формированию и укреплению в сознании итальянцев региональной кухни.

Рим, будучи когда-то центром огромной империи, центром потребления и наслаждения жизнью, только способствовал усилению самобытности провинций, поскольку придавал региональную маркированность и культурную значимость производимым там продуктам. В основе региональных гастрономических традиций лежит принцип отбора продуктов питания по месту, где они произрастают при оптимальных геоклиматических условиях. Отсюда вытекает ещё один постулат итальянской кулинарной системы − естественность (*naturalezza*), понимаемое как доверие природе.

Естественность проявляется как определённый, ясно различимый вкус. Как видно из исторического обзора, изысканность пиров знати не вошла в кулинарные традиции Италии. Простоте и естественности итальянской системы питания противопоставляется искусный процесс приготовления. С одной стороны, нужно сохранить естественность и простоту пищи, ибо именно такова исконная гастрономическая традиция Италии, с другой – пища нуждается в искусном приготовлении. Данный парадокс − баланс между естеством (ингредиентами) и культурой (процессом приготовления и употребления) – характеризует итальянскую кулинарную традицию.

Список литературы

1. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. − 287 с.
2. Артузи П. Наука о питании и искусство приготовления вкусной еды (пер. И.Алекберова). Издательство «ITA Casa Editrice», 2011. − 112 с.

3. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996. − 390 с.
4. Виоле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997. − 375 с.
5. Гак В.Г. Семантические основы сопоставления двух культур // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 2.
6. Гуковский М.А. К вопросу о положении народных масс в Италии XV в. // Итальянское Возрождение. Л.: ЛГУ, 1966. −141 с.
7. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения (Под. ред. Брагиной Л.М.), М.: Высшая школа, 1999. − 479 с.
8. Каппати А., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. М.: НЛО, 2006. −480 с.
9. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Александрия, 2009. – 286 с.
10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. − 376 с.
11. Похлебкин В.В. Поваренное искусство и поварские приклады. М.: Центрополиграф, 2008. −571 с.
12. Ребора Дж. Происхождение вилки. История правильной еды. М.: Колибри, 2007. − 231 с.
13. Средневковый быт / Сб. статей под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Л.: Издательство «Время», 1925. −279 с.
14. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII в. М., 1978. − 176 с.
15. Artusi P. La scienza in cucina e l'arte del mangier bene. Torino: Einaudi, 1970. (В статье использованы материалы с официального сайта книги http://www.artusi.net/la-famiglia/storia-della-famiglia-artusi/pellegrino-artusi.html).
16. Bocca G. Italiani strana gente. Milano: Mondadori, 1997.
17. Capatti A., Montanari M. La Cucina italiana. Storia di una cultura. Roma: Laterza, 1999.
18. La Cecla F. La pasta e la pizza. Bologna: Il Mulino, 1998.
19. Lupton D. L'anima nel Piatto. Bologna: Il Mulino, 1999.
20. Montanari M. Il cibo come cultura. Roma: Laterza, 2004.
21. Montanari M. La fame e l'abbondanza. Storia dell'alimentazione in Europa. Roma-Bari: Laterza, 1993.
22. Teti V. Il colore del cielo. Geografia, mito e realtà dell'alimentazione mediterranea. Roma: Meltreni, 1999
23. Biblioteca gastronomica digitale: www.academiabarilla.it.
24. www.saperesapori.it

Об авторе

Воронец Светлана Михайловна –кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков имени Т.З. Черданцевой МГИМО. Email: svetlanissima@gmail.com.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF ITALIAN GASTRONOMIC MODELS

S.M. Voronetz

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Gastronomic system is an important component of national identity. This is evidenced by the stability of ordinary representation of ethnic cuisines: there are culinary specialties and especially the food, which in the mass consciousness is closely connected to a specific nation. The article examines the historically evolved modern Italian gastronomic model and the formation of its basic elements relevant in our days.*

Key Words: Italian Cuisine, regional cuisine, gastronomic model, cooking system, food history, Italian identity.

References

1. Antonetti, P. Povsednevnaia zhizn' Florentsii vo vremena Dante [The daily life of Florence in the time of Dante], Moskow: Molodaia gvardiia, 2004.
2. Artuzi, P. Nauka o pitanii i iskusstvo prigotovleniia vkusnoi edy [Nutritional science and the art of cooking delicious food], ITA Casa Editrice, 2011.
3. Burkkhardt, Ia. Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniia [Culture of Italy during the Renaissance], Moskow, 1996.
4. Viole-le-Diuk, E.E. Zhizn' i razvlecheniia v srednie veka [The life and activities in the Middle Ages], St. Petersburg, 1997.
5. Gak, V.G. Semanticheskie osnovy sopostavleniia dvukh kul'tur [Semiotic basis of a comparison between the two cultures], Vestnik Moskovskogo universiteta № 2. [Journal of the Moscow University № 2.], Moskow, 1998.
6. Gukovskij, M.A. K voprosu o polozhenii narodnykh mass v Italii XV v. [To the question of the situation of the masses in XV century Italy], Ital'ianskoe Vozrozhdenie [The Italian Renaissance], Leningrad, 1996.
7. Istoriia kul'tury stran Zapadnoi Evropy v epokhu Vozrozhdeniia [Cultural History of Western Europe during the Renaissance], Moskow, 1999.
8. Kappati, A. Montanari, M. Ital'ianskaia kukhnia. Istoriia odnoi kul'tury [Italian Cuisine. The story of one culture], Moskow, 2006.
9. Montanari, M. Golod i izobilie. Istoriia pitaniia v Evrope [Hunger and abundance. The history of food in Europe], St. Petersburg, 2009.
10. Le Goff , Zh. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [The civilization of the medieval West], Moskow, 1992.
11. Pokhlebkin, V.V. Povarennoe iskusstvo i povarskie priklady [Cookbooks Art and Cooking butts], Moskow, 2008.

12. Rebora, Dzh. Proiskhozhdenie vilki. Istoriia pravil'noi edy [The origin of the fork. History of proper food], Moskow, 2007.
13. Srednevkovyi byt [Medieval life], Sbornik statei pod redaktsiei Dobiash-Rozhdestvenskoi O.A. [a collection of articles edited by Dobiash-Rozhdestvenskaja O.A.], Leningrad, 1925.
14. Iastrebitskaia, A.L. Zapadnaia Evropa. [Western Europe in XI-XIII century], Moskow, 1978.
15. Artusi P. La scienza in cucina e l'arte del mangiar bene. Torino: Einaudi, 1970.
16. Bocca G. Italiani strana gente. Milano: Mondadori, 1997.
17. Capatti A., Montanari M. La Cucina italiana. Storia di una cultura. Roma: Laterza, 1999.
18. La Cecla F. La pasta e la pizza. Bologna: Il Mulino, 1998.
19. Lupton D. L'anima nel Piatto. Bologna: Il Mulino, 1999.
20. Montanari M. Il cibo come cultura. Roma: Laterza, 2004.
21. Montanari M. La fame e l'abbondanza. Storia dell'alimentazione in Europa. Roma-Bari: Laterza, 1993.
22. Teti V. Il colore del cielo. Geografia, mito e realtà dell'alimentazione mediterranea. Roma: Meltreni, 1999
23. Biblioteca gastronomica digitale: www.academiabarilla.it.
24. www.saperesapori.it

About the author

Svetlana M. Voronets – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Tamara Z. Cherdantseva Roman Languages (Italian, Portuguese and Latin) Department, MGIMO (University). Email: svetlanissima@gmail.com.

* * *

БАЛТИЙСКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОСЛОВИЦ В ЛАТЫШСКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

М.А. Бредис

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Данная статья представляет собой краткий обзор научной традиции в балтийской паремиологии и подходов к изучению пословиц в латышском и литовском языке. Параллельно рассматриваются некоторые определения пословицы, разработанные латышскими и литовскими учёными. Проблема определения пословицы остаётся актуальной в лингвистике, несмотря на то, что наука собирает и исследует пословицы уже в течение многих столетий. Пословица столь многогранна, что дать для неё короткое и полное определение чрезвычайно трудно.

У истоков изучения латышских и литовских паремий стояли немецкие священники XVII-XVIII вв., в частности прусские и курляндские, которые писали филологические работы, составляли словари, включая в них пословицы и фразеологизмы (Георг Манцель (1593-1654), Филипп Руиг (1675 – 1749)). В XIX в. в латышском и литовском обществе пробудился большой интерес к народным пословицам, активно собирался материал для их последующего изучения. Начало сравнительному изучению паремий латышского и литовского языков положил Я. Лаутенбах (1847 – 1928) в работе «Очерки из литовско-латышского народного творчества. Опыт сравнительного изучения» (1915).

В 1920-х – 1930-х гг. в Латвии и Литве шло создание архивов фольклора (в том числе паремий), большое внимание уделялось его изучению. В послевоенные годы изучение балтийских пословиц продолжилось, в числе основоположников современной паремиологии – латвийская исследовательница Э. Кокаре (1920-2003) и литовский учёный К. Григас (1924-2002). С их именами связана разработка сопоставительного направления в фольклористике и паремиологии, а также изучение соотношения национальных и интернациональных элементов в пословицах. В настоящее время в Латвии и Литве па-

ремиологическая традиция продолжается, выпускаются статьи, созданы и пополняются электронные базы данных для латышских и литовских пословиц.

Ключевые слова: паремиология, паремия, пословица, Латвия, Литва, сравнительное изучение, определения пословицы, фольклор, лингвокультурология, балтийские языки.

Проблема определения пословицы остается актуальной в лингвистике, несмотря на то, что наука собирает и исследует пословицы уже в течение многих столетий. Пословица столь многогранна, что дать для неё короткое и полное определение чрезвычайно трудно. В противном случае, это будет скорее пространное описание. Это тем более любопытно, что большинство обычных людей не сомневаются в том, что точно знают, что такое пословица. Ведь любой человек в речи часто употребляет пословицы. Их существование во всех языках мира связано с общими принципами человеческого мышления. Лингвисты рассматривают пословицы как единицы языка, изучая их грамматическую структуру, лексический состав и речевое употребление. Каждый исследователь стремится в определении подчеркнуть наиболее важные, по его мнению, стороны пословицы, или использовать собственные подходы. Это обусловливает существование обширного перечня определений пословицы, бытующих в лингвистической науке.

Далее мы сделаем беглый обзор паремиологической традиции и подходов к изучению пословицы в латышском и литовском языках и рассмотрим лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее важные и интересные, из большого множества определений пословицы.

В латышском языке пословица обозначается термином *sakāmvārds* (букв. «говоримое слово»). В способе образования этого термина прослеживается связь с немецким словом *Sprichwort*, буквально означающим то же самое. Это объясняется многовековым влиянием немецкой культуры и языка на латышский язык. Исторически Латвия всегда отличалась много-

язычием, что представляет особый интерес для компаративной лингвистики.

Исследователи впервые стали записывать и изучать латышские пословицы в середине XVII столетия. В основном это были немецкие священнослужители – составители словарей и авторы филологических работ. В подобных изданиях авторы стремились дать описание и эквиваленты немецких фразеологизмов в латышском языке. В 1638 г. в Риге вышла в свет книга курляндского теолога, пастора Георга Манцеля (1593-1654) *Phraseologia Lettica, Das ist täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache (Латышская фразеология. Повседневное использование латышского языка)*. На титульном листе написано: «Подготовлено Георгом Манцелиусом, земгалом, Св. Писания лиценциатом». В главе VII *Von der Thieren Namen. Ka ickkattru Lohpu jeb Swähru ssautß (О названиях зверей)* Манцель приводит немецкую пословицу *Je meer Dienstboten je weniger Aufsicht (Чем больше слуг, тем меньше присмотра)* и её латышский эквивалент *Jo dauds Sunnu jo mas Sähtusarrgha* (совр. написание *Jo daudz suņu, jo maz sētas sargu – Чем больше собак, тем меньше охрана двора*). Примечательно, что автор под этой записью сделал специальную пометку proverb (пословица) [23, с. 274]. В других местах книги таких пометок нет. Известная латвийская исследовательница Эльза Кокаре (1920-2003) отмечала глубокое знание Г. Манцелем латышского фольклора, о котором свидетельствуют его комментарии и пометки к латышским выражениям [13, с. 7]. Так, в главе VI, названной *Von den vierfüssigen Thieren. No teem, katreems tschettras Kahjas gir (О четвероногих животных)*, автор приводит немецкую пословицу *Wer frühe auffstehet/ der isset früh (Кто рано встаёт, тот рано ест)*. Рядом с латышским эквивалентом *Kurrsch puttnis aggre zellahß / aggre slauka dägunting* (совр. написание *Kurš putniņš agri ceļas, agri slauka deguntiņu – Которая птичка рано встаёт, рано чистит клювик*) Г. Манцель указал: «Это пословицеобразная песня у крестьян»[1] [23, с. 267].

Эльза Кокаре отмечает: «Эта традиция сохранилась и в дальнейших источниках, так как у них всех была одна задача – помочь немецким пасторам и светским чиновникам лучше ов-

[1] Здесь и далее перевод мой – М.Б.

ладеть языком местных жителей, понять их характер, образ мыслей. Об этом очень откровенно высказался Каспар Эльверс на титульной странице своего словаря (Liber memorialis letticus,1748), с самого начала указав, что данная работа предназначена для всех тех, кто хочет в этом краю наилучшим образом служить богу и ближним в церкви или в школе, либо по-другому, заниматься торговлей или ремеслом» [13, с. 7]. Лютеранский пастор Готтхард-Фридрих Штендер (1714-1796) (нем. Gotthard Friedrich Stender, в Латвии называемый Vecais Štenders) включил в свою грамматику (Lettische Grammatik, 1783) список латышских пословиц и поговорок, указав, что они находятся там только для того, чтобы дать читателям возможность понимать латышей [Там же]. По свидетельству Эльзы Кокаре, к началу XIX столетия было зафиксировано более тысячи паремий, собранных преимущественно на территории исторических областей Видземе и Курземе [13, с. 6].

Основной фонд латышский паремий собирался в течение XIX-XX вв. и насчитывал к концу 1985 г., по данным Э. Кокаре, 308092 единицы [13, с. 9]. Большой вклад в формирование этого фонда внёс П. Биркертс (1881 – 1956), собравший 160 000 пословиц, поговорок и других кратких изречений (как латышских, так и латгальских) [17, с. 5].

Российский и латвийский филолог-востоковед Пётр Шмит (Pēteris Šmits) (1869 − 1938), благодаря обширным знаниям многих языков (известно, что исследователь побывал у многих тунгусо-манчжурских племён, изучая их языки), пришёл к пониманию того, что пословицы – явление общечеловеческое. Согласно его определению, в основу которого положен структурно-культурный принцип, «пословицы – это остроумные, выраженные одним предложением поучения, встречающиеся у всех народов, на всех ступенях культуры» [см. 26, с. 146-152].

В конце 1920-х гг. в получившей государственную независимость Латвийской Республике возник закономерный интерес к изучению латышских паремий. В 1927 году Петерис и Мария Биркерты издали в Риге книгу *Latviešu sakāmvārdi un parunas («Латышские пословицы и поговорки»)*. В ней авторы дают следующее определение пословицы: «Пословица является одновременно научно и художественно тщательно выкованным и отшлифованным высказыванием (изречением), в котором народ

выразил определённую житейскую мудрость или философскую мысль» [17, с. 10]. Использованные авторами по отношению к пословице метафоры *izkalts (выкованный)* и s*līpēts (отшлифованный)* создают образ металлического изделия, прочного и изящного, созданного на века.

В вышедшем в 1939 г. девятнадцатом томе первой латышской энциклопедии *Latviešu Konvērsācijas vārdnīca* приводится следующее определение: «Пословицы – формулы народной мудрости, отличающиеся от поговорок, главным образом, своей литературной формой и дидактической тенденцией. Чтобы какое-либо мудрое изречение (афоризм) стало пословицей, необходимо, чтобы оно содержало простые, понятные народу и подобно выраженные мысли в связной языковой форме, которая легко остаётся в памяти» [16, Sl. 37218].

Большой вклад в латвийскую паремиологию внесла Эльза Кокаре, которая выпустила ряд работ, посвященных сопоставительному исследованию паремий. Она отмечала: «Паремии являются одним из тех жанров фольклора, для которых характерен очень высокий удельный вес интернациональных элементов. Изучать паремии каждого народа изолированно, не принимая во внимание параллели в фольклоре других народов, означало бы описывать только поверхностную сторону этих специфических явлений культуры, не затрагивая их сущности» [4, с. 6]. Э. Кокаре даёт следующее определение пословиц: это «распространённые в народе краткие, ёмкие, как правило, понимаемые в переносном смысле высказывания, которые заключают в себе сформированные столетиями опыта обобщённые суждения о жизни человека, о труде, классовых отношениях, этических и бытовых нормах» [11, с. 270].

Для сопоставления Э. Кокаре использовала паремии балтийских, славянских и германских народов. Объясняя свой выбор языков для сравнения, она пишет: «Во-первых, названные народы имеют различную степень родства, что могло определить разнообразие характера параллелей. Во-вторых, исторические судьбы этих родственных народов весьма различны. В-третьих, между всеми перечисленными народами в различные периоды существовали разного рода связи – политические, экономические, бытовые, что, в свою очередь, обусловило разный удельный вес контактных параллелей среди паремий каждого народа» [4, с. 8].

С точки зрения компаративной лингвистики особенный интерес связан с условиями жизни и уклада латышского народа. Одна из самых значительных особенностей – двуязычие и даже триязычие в землях, населённых латышами. Известно, что до октябрьской революции 1917 г. многие государственные служащие в Лифляндии должны были знать три языка – русский, немецкий и латышский. Таковы исторические условия, в которых развивался латышский язык и комплекс его паремий. В такой ситуации нередко происходит миграция паремий. Э. Кокаре указывает, что условия двуязычия зачастую отражаются в паремиях, в которых наряду со словами основного языка появляются лексемы, заимствованные из языка соседнего народа. В латышских паремиях это чаще всего русизмы, реже литуанизмы. Так, например, только в Латгалии записана в трёх различных вариантах пословица *Durakus ni sej, ni laista – viņi poshi aug (Дураков не сеют, не жнут – они сами растут)* [4, с. 39]. В этой латгальской пословице прослеживается явная связь с русской пословицей *Дураков не орут, не сеют, а сами родятся*.

Необходимо отметить, что не исключается и полигенез пословиц у народов, живущих примерно в одинаковых условиях, на что указывал еще Я. Лаутенбах (1847 – 1928), филолог, историк литературы, фольклорист, писатель (псевдоним Jēkabs Jūsmiņš), положивший начало сравнительному изучению паремий латышского языка: «Так как те же самые факторы производят те же самые продукты, то одна и та же мысль может у различных народов по тому же поводу выражаться пословицею, причём, конечно, оболочка, в которую она облечена, имеет особый интерес» [5, с. 228].

В современном словаре латышского языка Дориса Шне даёт краткое определение пословицы: «Пословица – широко используемое в народе образное высказывание, которое содержит определённое поучение или вывод» [27, с. 940].

Отметим, как изучаются латгальские паремии в латвийской паремиологии. Латышские и латгальские пословицы традиционно рассматриваются совместно, хотя речь идёт о двух очень близких балтийских языках. По данным А.В. Андронова, предварительные подсчёты по стословному списку базовой лексики в соответствии с методом лексикостатистической глоттохронологии показали 5% различий между латгальским и латышским

языками: *solts : auksts, atīt : nākt, nūsist : nuogalināt, maut : peldēt, itys: šis* (аналогичное отношение характерно, например, для немецкого и голландского языков). Исследователь отмечает, что из 100 корней, выбранных по тексту рассказа В. Целейтане «Литания», встретился один, не имеющий близких соответствий в латышском: *buod-* (*atbuost* ‘надоесть’) (такое же отношение характеризует, например, белорусский и украинский языки) [1, с. 3]. 1 сентября 2000 г. в Латвийской Республике вступил в силу «Закон о государственном языке», в четвёртом пункте статьи 3 которого говорится: «Государство гарантирует сохранение, защиту и развитие латгальского письменного языка как исторического подвида латышского языка» [20, с. 2]. Таким образом, латвийское государство определяет латгальский язык как язык, который необходимо сохранять. Латгальский термин *пословица – sokomvōrds* – по способу образования сходен с латышским – *говоримое слово*. Одна из первых попыток собирания латгальских пословиц была предпринята в работах Стефании Уляновской по этнографии латгалов под названием «Латыши польской Лифляндии», публиковавшиеся в антропологических сборниках Краковского университета в 90-е гг. XIX в. (1891, 1892, 1895). В 2011 г. эти работы были переизданы в издательстве Латвийского университета в Риге и снабжены предисловием на латгальском языке [25]. Во второй части этого издания опубликованы 474 латгальские пословицы и поговорки. Значительный вклад в изучение латгальских паремий внесла Бернадета Опинцане (1926-2004), выпустив в 2000 г. в издательстве Латгальского культурного центра в Резекне словарь латгальских поговорок и пословиц *Latgaļu parunas un sokomvōrdi* [15]. Кроме того, латгальские пословицы включены также в Электронный ресурс Института литературы, фольклора и искусства Латвийского университета, посвященный латышскому фольклору [18].

Литовский термин для пословицы – *patarlė* – имеет общий корень со словом *tarti (произносить, сказать), patarti (посоветовать)*. Словарь литовского языка определяет patarlė как краткое выражение, которое в сжатой форме выражает какую-нибудь житейскую мудрость [21]. Говоря об истоках литовской паремиологии, следует вспомнить работы восточно-прусского лютеранского священника, философа, филолога, фольклориста, специалиста по литовскому языку Филиппа Руига (нем. Philipp

Ruhig; лит. Pilypas Ruigys; лат. Philippus Ruhigius) (1675 – 1749). В 1745 г. в Кёнигсберге вышел в свет его труд *Betrachtung der littauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften (Исследование литовского языка, его происхождения, бытования и свойств)*, в котором была предпринята первая попытка сравнительного рассмотрения литовских пословиц. Одна из глав книги носит название *Von der Littauischen Sprache Zierlichkeit und Annehmlichkeit (Об изяществе и приятности литовского языка)* [24, с. 74]. В ней автор отмечает широкое использование литовцами уменьшительных имён, доказывает приятность языка текстами народных песен (dainos). Пословицы и загадки Руиг приводит в доказательство богатства и совершенства литовского языка. В книге приводится список из 14 литовских пословиц с их немецкими семантическими эквивалентами без дословного перевода [24, с. 71]. Например, пословица №9 о благополучии и нищете: *Kruwino alwiens baidos, Peningas kiekwiens laiža (букв. Крови всякий боится, молоко всякий лижет)*. Немецкий эквивалент: *Die Menschen gehen lieber mit glücklichen Leuten um, als mit Elenden (Люди охотнее общаются со счастливыми людьми, чем с нищими)* [24, с. 72]. В приложении к книге было опубликовано сто литовских фразеологизмов, включая пословицы. В пятой главе под названием *Von der Littauischen Sprache Großmutter, daß solche die Griechische sey (О бабушке литовского языка, которой является греческий язык)*, посвящённой связям литовского и греческого языков, Ф. Руиг нашёл соответствие литовской пословицы *Diews dawe Dantis, Diews dus ir Dunos* (современное написание *Dievas davė dantis, Dievas duos duonos*; букв. *Бог дал зубы, бог даст и хлеб*) греческому варианту Θεος δέδοκε οδοντας, Θεος δwσει καi αρτον. При этом автор отмечает, что литовец вполне мог бы говорить с греком, и приводит ещё ряд разрозненных греческих и литовских фраз [24, с. 19]. По мнению Казиса Григаса (1924-2002), пример с этой пословицей можно считать попыткой сравнительного исследования литовских паремий, поскольку Руига интересует лексика, сочетания звуков и смыслов, а также рассуждения о родстве греческого и литовского языка [8, с. 26].

Старинные литовские пословицы, поговорки и загадки XVII – XVIII вв. были собраны историком литовской литературы профессором Юргисом Лебедисом (1913 – 1970) в книге *Smulkioji*

lietuvių tautosaka XVII – XVIII a.: priezodziai, patarlės, mislės (Малый литовский фольклор XVII – XVIII в.: поговорки, пословицы, загадки), которая увидела свет в 1956 г. Эта работа интересна тем, что в ней опубликованы пословицы из различных источников до XIX в. с комментариями, как литовскими, так и немецкими [19].

XIX в. – время национального романтизма, подъёма национального самосознания – стал временем повышенного интереса литовского общества к народному творчеству, в том числе и к паремиям. Именно тогда литовские и зарубежные исследователи начали серьёзный сбор и изучение образцов фольклора.

По замечанию Д. Зайкаускене, говоря о начале серьёзного сравнительного изучения литовских паремий, необходимо отметить работу латышского фольклориста и писателя Я. Лаутенбаха «Очерки из литовско-латышского народного творчества. Опыт сравнительного изучения», в которой автор собрал и проанализировал немало литовских и латышских пословиц и поговорок [28, с. 69].

В качестве первой значительной теоретической работы в области литовской паремиологии Д. Зайкаускене называет *Жизнь пословиц и поговорок* (“Patarlės ir priežodžio gyvenimas”), написанную филологом и педагогом Пятрасом Бутенасом (1896–1980) и опубликованную в 1930 г. В ней сделана попытка описания основных свойств пословиц и поговорок, принципов их различения: основными признаками пословицы являются присущая ей краткость, простота формы и предписывающий характер, выражающий некую истину. Для поговорок характерен ритмический характер и отсутствие какой-либо поучительной истины. П. Бутенас отмечал, что и пословицам, и поговоркам свойственна афористичность [28, с. 69].

«С 1935 года по примеру Латвии, Эстонии, Финляндии начато создание архива литовского фольклора. Руководитель проекта Й. Балис начинает издательство журнала «Труды по фольклору». За первую половину XX века собрано около полумиллиона фольклорных произведений, большая часть которых записана с помощью фонографа. Наиболее значительные паремиологические сборники XX века: Винцас Креве-Мицкявичюс «Пословицы и поговорки» (1934−37, в трёх томах); «Литовский фольклор XVII и XVIII веков» (1956), «Пословицы и поговорки» (1958), «Литовский фольклор» (1968, т. 5)» [2, с. 16].

Сравнительное изучение литовских паремий связано также с именем латвийской исследовательницы Э. Кокаре, опубликовавшей большой труд о латышских и литовских пословичных параллелях [12]. Э. Кокаре подчёркивала сложность паремий, которые, с одной стороны, являются фразеологизмами, составными частями национальных языков со своей синтаксической структурой, основанной на грамматических особенностях каждого языка, а с другой стороны, им свойственны общие суждения, основанные на законах логики. Исследовательница подчёркивала: «С этой точки зрения, родственными являются пословицы всех народов, поскольку логические законы человеческого мышления одинаковы» [12, с. 5]. Для сравнения с латышскими пословицами Э. Кокаре использовала примерно 30000 литовских паремий из разных опубликованных источников. Для проведения сопоставительного исследования использовалась функционально-тематическая классификация. В этой работе латвийская исследовательница отмечала известную семантическую неопределённость паремий, что делает паремию лаконичным высказыванием, которое позволяет по-разному переводить метафоры в прямом и переносном значении, и подчёркивала, что пословиц, которые в речи используются в прямом значении, очень немного [12, с.16].

Основоположником современной литовской паремиологии можно назвать К. Григаса, который широко разрабатывал сопоставительное направление в фольклористике. По инициативе исследователя в 1970 г. в тогдашнем Институте литовского языка и литературы начала создаваться картотека литовских пословиц и поговорок, которая стала трамплином для дальнейших значительных работ в области паремиологии и паремиографии. На её основе в 1990 г. началась работа над капитальным научным изданием *Lietuvių patarlės ir priežodžiai («Литовские пословицы и поговорки»)* (T. I: A–D, 2000, T. II: E–J, 2008) [28, с. 70].

По мнению К. Григаса, «пословицы и поговорки бытуют в естественном своём состоянии как элементы живых языков. Это в основном сочетания слов, не превышающие объём одного предложения и выполняющие семантическую и стилистическую функции». [3, с. 8]. Исследователь подчёркивал разнообразие и красочность формы пословиц. «В пословицах каждого народа наилучшим образом уживаются общие идеи и темы с де-

талями мышления и духовной деятельности, присущими лишь небольшим регионам» [Там же].

К. Григас ставил перед собой задачу комплексного рассмотрения пословиц, принимая во внимание как образы и мотивы, носящие интернациональный характер, так и исключительно литовские признаки содержания и формы. При этом исследователь понимал всю сложность задачи: «Совокупность пословиц каждого народа крайне сложна и пестра, многое в ней зашифровано и с трудом поддаётся разгадке. Что пословица, то особая проблема, иная история происхождения и развития, во многих случаях допускающая возможность лишь гипотетического объяснения» [3, с. 9]. Учёный сознавал чрезвычайную сложность анализа пословиц, считая его более сложным, чем анализ литературы и вообще авторского искусства. «Не представляется возможной точная периодизация речений, много веков бытовавших единственно в традиционном устном исполнении и записанных лишь в последние столетия, нельзя узнать все обстоятельства их распространения и все случаи трансформации» [3, с. 11].

В 1970-74 гг. К. Григас опубликовал в международном паремиологическом журнале *Proverbium* исследование о литовских соответствиях романо-германским пословицам. Большое значение К. Григас придавал сравнительному изучению пословиц: «Это изучение обещает значительно обогатить понимание истории культуры соответствующего народа и человечества в целом, расширить имеющиеся сведения по многовековой конвергенции культур и хотя бы приблизительно показать нити, связывающие прошлое с современностью» [3, с. 11]. Создавая собственный метод исследования пословиц, К. Григас опирался на свой опыт, накопленный в деле систематизации рукописного фонда и печатных текстов литовских пословиц. Литовские тексты сопоставлялись с текстами паремий других народов. В своей известной работе *Литовские пословицы. Сравнительное исследование* К. Григас подразумевал под термином пословица все паремии («всё жанровое многообразие пословиц и поговорок»), но когда речь шла о конкретных текстах, пословицы и поговорки дифференцировались так, как это принято в фольклористике [3, с. 15].

Особое внимание по сравнению с другими фольклорными жанрами пословицам и поговоркам уделил Донатас Саука (1929 – 2015) в монографиях *Tautosakos savitumas ir vertė (Своеобразие*

и ценность фольклора) (1970) и *Lietuvių tautosaka (Литовский фольклор)* (1982). Оценивая пословицы и поговорки, прежде всего, с эстетической точки зрения, Д. Саука подчёркивал их своеобразие, призывал рассматривать пословицы и поговорки как совершенно отдельный, сформированный особым путём тип образного художественного мышления, «который можно оценивать только по ему одному присущим нормам» [28, с. 71].

С 1998 г. в Литве началось создание электронной базы данных пословиц и поговорок [22]. Электронный ресурс «задуман как электронная картотека, в настоящий момент она охватывает более 60 тысяч пословиц, более 100 тысяч вариантов пословиц из почти 200 тысяч пословиц и поговорок картотеки Института литовской литературы и народного творчества. В картотеке указываются сведения о месте и времени записи пословицы, даётся комментарий к каждой пословице и контекст употребления, пословицы распределены по типам, к каждому типу подобраны варианты и переводы на русский и немецкий языки, указаны синонимичные пословицы в других языках» [2, с.18].

В предисловии этого электронного справочника даны краткие определения и представлены отличительные черты пословиц и поговорок: «Пословицей традиционно считается используемое в обществе выражение (часто образное, с переносным смыслом), в котором кто-то высказывает совет (рекомендацию, побуждение, запрет, предупреждение) или делает обобщение, например: *Kalk geležį, kol karšta (Куй железо, пока горячо)* <…> *Поговорка* – это фраза, которая применима к конкретному случаю, факту и в которой говорящий выражает оценку (часто насмешливую, недоброжелательную). Пословица, как правило, бывает законченным предложением, поговорка же может иметь более краткую синтаксическую структуру» [22].

По замечанию Д. Зайкаускене, в Литве немного исследователей литовских пословиц, но они эффективно развивают начатое К. Григасом направление сравнительного паремиологического исследования, в своих работах иллюстрируя удобство использования сопоставительного метода в изучении семантики литовских пословиц, их художественной образности, в поисках знаков мифопоэтики, заключённых в пословицах и поговорках [28, с. 72]. Так, работы Лилии Кудиркене интересны своими идеями относительно пословичной семантики. Сравнивая ста-

ринные литовские пословицы, записанные и снабжённые комментариями на немецком и латышском языке и сохранившиеся до наших дней, исследовательница показывает, как с течением времени изменяется семантика этих пословиц. Обращается внимание на то, что интерпретация тех или иных пословиц и поговорок определяется существующей традицией, а не логикой их текста, и наблюдается сужение значения, связанное с процессом деметафоризации паремий [14]. Л. Кудиркене отмечает наличие «двойной жизни» пословиц, в живой речи и в книгах. Записанные из живой речи пословицы когда-то попали в сборник (необязательно печатный), затем в другой и кочуют со временем из сборника в сборник, учебник, словарь и т.п. И жизненные, и книжные пословицы живут абсолютно автономно, удаляясь друг от друга. Причём такой разрыв между фигурирующими в сборниках и использующимися в речевой практике пословицами наблюдается не только в литовском, но и в других европейских языках и культурах [14, с. 21].

Гедре Буфене занимается изучением художественных образов пословиц, принципов их построения, связи с формой, а также пытается определить особенности художественного мировоззрения пословиц, их бытовые черты, фрагментарность и идейные противоречия [6; 7]. Предметом исследования в работах Бируте Ясюнайте является этнолингвистика, в них кроме традиционных фразеологизмов рассматриваются также пословицы и поговорки [9; 10].

Говоря о перспективах литовской паремиологии, Д. Зайкаускене отмечает, что литовские паремиологи продолжают социологические исследования паремий. Предстоят новые исследования относительно того, «каково место, значение пословиц и поговорок в современном обществе в различных социальных группах, и того, в каком контексте и с какой целью современный человек использует традиционную паремию, и почему её пародирует, каково отношение общества, отдельных его слоёв и социальных групп к тому, что всё ещё повторяются жемчужины языка, проповедующие мудрость столетий и универсальные истины» [28, с. 74].

Список литературы

1. Андронов А. В. Латгальский литературный язык в свете лексикостатистики //Латгальской грамматике Антона Скрынды 100. 1-ая международная конференция по латгалистике (СПб., 19–20 сентября 2008 г.). Тезисы докладов / Ред. коллегия: А. В. Андронов, Л. Лейкума, И. Шуплинска. — Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. — 44 с.
2. Голембовская Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях / Дис. на соис. уч. ст. к. филол. н. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2014. — 209 с. [http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/avtoreferat_golembovskoy_n.g..pdf]
3. Григас К. Литовские пословицы: сравнительное исследование / Казис Григас; перевёл с литовского автор; Академия наук Литовской ССР. Институт литовского языка и литературы. – Вильнюс: Вага, 1987. 334 р.
4. Кокаре Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. – Рига, Зинатне, 1978.
5. Лаутенбах Я. И. Очерки из литовско-латышского народного творчества. Опыт сравнительного изучения. Юрьев. 1915. XVII + 415 с.
6. Bufienė, Giedrė. Patarlių vaizdų savitumas, Tautosakos darbai, [t.] VIII (XV), 1998, p. 141–148.
7. Bufienė, Giedrė. Patarlių pasaulėvaizdžio bruožai, Tautosakos darbai, [t.] XII (XIX), 2000, p. 173–178.
8. Grigas K. Nuo pirmųjų įrašų iki sisteminio leidinio, kn.: Lietuvių patarlės ir priežodžiai, t. I: A–D, parengė Kazys Grigas [ir kt.], Vilnius, p. 25–42.
9. Jasiūnaitė, Birutė. „Dievas kojas aunas“ (Mitologinių personažų daiktai frazeologijoje: apdaras ir apavas), Baltistica, 2007, [t.] XLII (3), p. 437–456.
10. Jasiūnaitė, Birutė. „Raganos šluota“ (Mitologinių personažų įrankiai frazeologijoje), Baltistica, 2008, [t.] XLIII (2), p. 245–261.
11. Kokare, E. Sakāmvārds// Latvijas Mazā enciklopēdija, Rīga, Zinātne, 1970. 3.sējums.
12. Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles. – Rīga: Zinātne, 1980. – 397 lpp.
13. Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. – Rīga: Zinātne, 1988. – 309 lpp. Teksts latv. un vācu val.
14. Kudirkienė, Lilija. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. Tautosakos darbai, [t.] XXXIII, 2007, p. 13–26.
15. Latgaļu parunas un sokomvōrdi / sak. B. Opincāne. – Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000. – 86 lpp.
16. Latviešu konversācijas vārdnīca, 19. Sējums: Rīga, 1939. Sl. 37218
17. Latviešu sakāmvārdi un parunas / Savākuši un apkopojuši P. un M. Birkerti. – 2 izd. – Rīgā: Zinātne, 1997. – 174 lpp.
18. Latvijas Universitātes Literatūras, folkloras un mākslas institūta Latviešu folkloras krātuves interneta vietne [http://valoda.ailab.lv/folklora/sakamvardi/].

19. Lebedys J. Smulkioji lietuvių tautosaka XVII – XVIII a. priezodziai, patarlės, mislės. – Vilnius: Valstybine Grozinės Literatūros Leidykla, 1956. – 634 psl.
20. Leikuma L. Latgalīšu volūda 1: Intensīvā mācību kursa materiāli. [Л. Лейкума. Латгальский язык 1: Материалы интенсивного учебного курса.] — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 40 с.
21. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / redaktorių kolegija: Gertrūda Naktinienė (vyr. redaktorė), Jonas Paulauskas, Ritutė Petrokienė, Vytautas Vitkauskas, Jolanta Zabarskaitė. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008) [www.lkz.lt].
22. Lietuvių patarlės ir priežodžiai. Elektroninis sąvadas www.aruodai.lt/patarles/
23. Mancelius, Georg. Phraseologia Lettica, Das ist täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache. – Riga, G. Schröder, 1638 (Fax). [http://www.korpuss.lv/senie/faksimili/17gs/Manc1638_PhL/].
24. Ruhig Philipp. Betrachtung der littauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften. – Königsberg, 1745; Hrsg. Friedrich Scholz, Hamburg (Fax.), 1981.
25. Uļanovska Stefaneja. Pūļu Inflantejis latvīši, i seviški Rēzeknis apriņka Viļānu pogosta: Etnografisys tāluojums / atb. red. A. Andronovs, L. Leikuma. Reiga: LU, 2011. – VI + 502 pl. – [Latgalistikys biblioteka, 2.] – Teksts latgalīšu, pūļu vol.
26. Šmits P. Sakāmi vārdi. – Grām.: Etnogrāfisku rakstu krājums, III. Rīga, 1923.
27. Šnē, D. Latviešu valodas vārdnīca. Rīga: Avots, 2006, 1216 lpp.
28. Zaikauskienė, D. Išbandytos ir neišbandytos lietuvių patarlių tyrimo strategijos / Tautosakos darbai. 2009, 38. p. 63-79.

Об авторе
Бредис Михаил Алексеевич – преподаватель кафедры скандинавских, финского, нидерландского и греческого языков факультета Международных отношений МГИМО (Университет). Научная специализация – компаративная паремиология. E-mail: briedis@yandex.ru.

BALTIC PAREMIOLOGY FROM ITS ORIGINS TO MODERN TIMES: APPROCHES TO THE STUDY AND DEFINITION OF PROVERBS IN LATVIAN AND LITHUANIAN LANGUADES

M.A. Bredis

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This article presents a brief review of the scientific tradition in the Baltic paremiology and approaches to the study of proverbs in the Latvian*

and Lithuanian languages. At the same time, some definitions of proverbs proposed by Latvian and Lithuanian scientists are considered. The problem of the proverb definition remains essential in linguistics, despite the fact that science has been gathered and examined proverbs for many centuries.

German priests stood at the origins of the study of Latvian and Lithuanian proverbs in the XV11− XV111 centuries. They wrote philological works, compiled dictionaries, covering Baltic proverbs and idioms (George Mancel (1593−1654), Philipp Ruhig (1675−1749)).

In the XIX century Latvian and Lithuanian society's interest was sparked in folk proverbs, they actively collected material for further study. J. Lautenbach (1847 – 1928) laid the foundation of comparative studies of Latvian and Lithuanian proverbs in his work "Sketches from the Lithuanian-Latvian folklore. An essay of comparative study" (1915).

In the 1920s − 1930s Latvia and Lithuania passed the stage of creating the folklore archives (including proverbs) and much attention was paid to its study. The study of the Baltic proverbs continued in the postwar years. Latvian scholar E. Kokare (1920−2003) and Lithuanian scientist K. Grigas (1924−2002) were among the founders of modern paremiology. Their names are linked to the development of comparative studies in paremiology and the study of the national and international elements in proverbs. Currently, electronic databases for the Latvian and Lithuanian proverbs are created and replenished.

Key Words: paremiology, paremia, proverb, Latvia, Lihuania, comparative studies, proverb definitions, folklore, cultural linguistics, Baltic languages.

References

1. Andronov A. V. Latgal'skij literaturnyj jazyk v svete leksikostatistiki [Latgalian literature language]//Latgal'skoj grammatike Antona Skryndy 100. 1-aja mezhdunarodnaja konferencija po latgalistike (SPb., 19–20 sentjabrja 2008 g.). Tezisy dokladov / Red. kollegija: A. V. Andronov, L. Lejkuma, I. Shuplinska [100 years of Latgalian grammar by O. Skrynda. 1st International Conference on Latgalian Studies (from September 19th-20th, 2008 in Saint-Petersburg)] — Sankt-Peterburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. — 44 s.
2. Golembovskaja N. G. Lingvokul'turnye antinomii v russkih i litovskih paremijah / Diss. kand. filolog. nauk [Lingustic-cultural antinomies in Russian and Lithuanian paremias. Cand. Philolog. Sci. Diss.].Volgograd, 2014. — 209 s.
3. Grigas Kazys. Lietuvių patarlės: Lyginamasis tyrinėjimas, Vilnius, 1976. (Russ. ed.: Grigas K. Litovskie poslovicy: sravnitel'noe issledovanie / Kazis Grigas; perevel s litovskogo avtor; Akademija nauk Litovskoj SSR. Institut litovskogo jazyka i literatury. – Vilnius: Vaga, 1987. 334 p.).
4. Kokare E. J. Internacional'noe i nacional'noe v latyshskih poslovicah i pogovorkah [International and national elements in Latvian proverbs and sayings]. – Riga, Zinatne, 1978.

5. Lautenbah J.I. Ocherki iz litovsko-latyshskogo narodnogo tvorchestva. Opyt sravnitel'nogo izuchenija [Sketches from the Lithuanian-Latvian folklore. An essay of comparative study]. Jur'ev, 1915. XVII + 415 p.
6. Bufienė, Giedrė. Patarlių vaizdų savitumas, Tautosakos darbai, [t.] VIII (XV), 1998, p. 141–148.
7. Bufienė, Giedrė. Patarlių pasaulėvaizdžio bruožai, Tautosakos darbai, [t.] XII (XIX), 2000, p. 173–178.
8. Grigas K. Nuo pirmųjų įrašų iki sisteminio leidinio, kn.: Lietuvių patarlės ir priežodžiai, t. I: A–D, parengė Kazys Grigas [ir kt.], Vilnius, p. 25–42.
9. Jasiūnaitė, Birutė. „Dievas kojas aunas" (Mitologinių personažų daiktai frazeologijoje: apdaras ir apavas), Baltistica, 2007, [t.] XLII (3), p. 437–456.
10. Jasiūnaitė, Birutė. „Raganos šluota" (Mitologinių personažų įrankiai frazeologijoje), Baltistica, 2008, [t.] XLIII (2), p. 245–261.
11. Kokare, E. Sakāmvārds// Latvijas Mazā enciklopēdija, Rīga, Zinātne, 1970. 3.sējums.
12. Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles. – Rīga: Zinātne, 1980. – 397 lpp.
13. Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. – Rīga: Zinātne, 1988. – 309 lpp. Teksts latv. un vācu val.
14. Kudirkienė, Lilija. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. Tautosakos darbai, [t.] XXXIII, 2007, p. 13–26.
15. Latgaļu parunas un sokomvōrdi / sak. B. Opincāne. – Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000. – 86 lpp.
16. Latviešu konversācijas vārdnīca, 19. Sējums: Rīga, 1939. Sl. 37218
17. Latviešu sakāmvārdi un parunas / Savākuši un apkopojuši P. un M. Birkerti. – 2 izd. – Rīgā: Zinātne, 1997. – 174 lpp.
18. Latvijas Universitātes Literatūras, folkloras un mākslas institūta Latviešu folkloras krātuves interneta vietne. Available at: http://valoda.ailab.lv/folklora/sakamvardi/ (accessed 25. October 2015).
19. Lebedys J. Smulkioji lietuvių tautosaka XVII – XVIII a. priezodziai, patarlės, mislės. – Vilnius: Valstybine Grozinės Literatūros Leidykla, 1956. – 634 psl.
20. Leikuma L. Latgalīšu volūda 1: Intensīvā mācību kursa materiāli. [L. Lejkuma. Latgal'skij jazyk 1: Materialy intensivnogo uchebnogo kursa] Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003. — 40 c.
21. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / redaktorių kolegija: Gertrūda Naktinienė (vyr. redaktorė), Jonas Paulauskas, Ritutė Petrokienė, Vytautas Vitkauskas, Jolanta Zabarskaitė. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008). Available at: www.lkz.lt (accessed 25. October 2015).
22. Lietuvių patarlės ir priežodžiai. Elektroninis sąvadas. Available at: www.aruodai.lt/patarles/ (accessed 25. October 2015).
23. Mancelius, Georg. Phraseologia Lettica, Das ist täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache. – Riga, G. Schröder, 1638 (Fax). Available at: http://www.korpuss.lv/senie/faksimili/17gs/Manc1638_PhL/ (accessed 25. October 2015).

24. Ruhig Philipp. Betrachtung der littauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften. – Königsberg, 1745; Hrsg. Friedrich Scholz, Hamburg (Fax.), 1981.
25. Uļanovska Stefaneja. Pūļu Inflantejis latvīši, i seviški Rēzeknis apriņka Viļānu pogosta: Etnografisys tāluojums / atb. red. A. Andronovs, L. Leikuma. Reiga: LU, 2011. – VI + 502 pl. – [Latgalistikys biblioteka, 2.] – Teksts latgalīšu, pūļu vol.
26. Šmits P. Sakāmi vārdi. – Grām.: Etnogrāfisku rakstu krājums, III. Rīga, 1923.
27. Šnē, D. Latviešu valodas vārdnīca. Rīga: Avots, 2006, 1216 lpp.
28. Zaikauskienė, D. Išbandytos ir neišbandytos lietuvių patarlių tyrimo strategijos / Tautosakos darbai. 2009, 38. p. 63-79.

About the author

Mikhail Bredis – Professor of Department of the Scandinavian, Finnish, Dutch and Greek language (Faculty of International Relations). Scientific specialization – comparative paremiology. E-mail: briedis@yandex.ru.

* * *

ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В РАССКАЗАХ ВУДИ АЛЛЕНА

Е.М. Караваева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье осуществляется попытка обозначить, каким образом культурное наследие еврейского воспитания Вуди Аллена повлияло на литературный стиль автора. Творческий путь Вуди Аллена – это попытки примириться с национальной традицией и создать собственную модель художественного образа, сочетающего в себе ключевые характеристики американских евреев. Ещё в ранних рассказах Аллен вводит тему, которая станет основной в его последующих произведениях – ассимиляция евреев, трудности, с которыми сталкивается «маленький» еврей, пытаясь влиться в нееврейское общество. Помимо этого, он использует национальный аспект как источник юмора – трамплин, с которого открывается уникальный ироничный взгляд на мир. Этническая составляющая в произведениях Аллена представляет собой неотъемлемую часть личного опыта.

Ключевые слова: американская еврейская литература, Вуди Аллен, еврейские стереотипы, юмор, пародия, нравственность и религия.

Вуди Аллен – легендарный американский кинорежиссёр, писатель, сценарист и продюсер. Писать юмористические пьесы и рассказы Аллен начал ещё подростком. В одном интервью он признался: «Я всегда говорю, что я стал писать раньше, чем научился читать». В 17 лет он уже сотрудничал с такими жур-

налами, как «Нью-Йоркер», «Плейбой», «Эвергрин», писал сценарии для популярных телевизионных программ «Шоу Эда Салливана», «Вечернее шоу», «Час Сизара», сочинял скетчи и пьесы для бродвейских театров, а в 1961 году впервые выступил как актёр-комик в клубе «Дуплекс» в районе Гринвич Вилледж. Тогда же он начал писать для телешоу «Скрытая камера» и появился в нескольких эпизодах программы. Параллельно Аллен писал рассказы для различных изданий. За свою литературную карьеру Вуди Аллен выпустил четыре сборника рассказов и пьес.

Ранее мы уже исследовали, какие факторы оказали существенное влияние на становление творческого пути Вуди Аллена – литератора [3]. В данной статье мы рассмотрим, каким образом культурное наследие еврейского воспитания Вуди Аллена повлияло на литературный стиль автора.

Как представитель американо-еврейской культуры, Вуди Аллен испытывает сильные влияния с обеих сторон. Принадлежность к еврейскому народу у Аллена выражена, прежде всего, на уровне культуры. С одной стороны, Вуди Аллен отвергает любые этнические лейблы, и его вряд ли можно назвать «классическим» еврейским писателем. Аллену крайне неуютно в роли еврейского кинорежиссёра и прозаика, да и вообще человека еврейского происхождения, имеющего влияние в современном мире. С другой стороны, большинство рассказов, написанных им для журнала «Нью-Йоркер», были созданы под влиянием еврейской культуры и отражают двойственный характер натуры автора. Наряду с другими американскими писателями еврейского происхождения, Аллен затрагивает темы идентичности, национального самосознания, веры, религии и нравственности.

Творческий путь Вуди Аллена – это попытки примириться с национальной традицией и создать собственную модель художественного образа, сочетающего в себе ключевые характеристики американских евреев. Его фильмы и рассказы во многом опираются на классический еврейский юмор и направлены на известные аспекты популярной культуры.

Исследование основных тем в прозе Аллена неразрывно связано с изучением национального культурного наследия автора. Большинство персонажей его произведений основаны на еврейских стереотипах. Образ маленького человека в рассказах

Аллена во многом обязан собирательному образу «шлемиля». Маленький человек в состоянии конфликта с окружением – излюбленная метафора выражения еврейского опыта в истории, при этом часто используемая как комедийный приём. Обращаясь к истории данного образа, следует отметить, что Шлемиль, пожалуй, является самым невезучим персонажем в восточно-европейском фольклоре. Существует легенда, что ещё в раннем средневековье слово «шлемиль» было синонимом крайней невезучести. Точное происхождение слова «шлемиль» не известно. Одна из теорий гласит, что понятие происходит от имени полководца Selumiel (Исход 2:12), который был предводителем племени Шимона и проиграл все сражения. В современной англоязычной культуре слово «шлемиль» употребляется для обозначения простака, наивного, неуклюжего человека, у которого всё валится из рук, неудачника. Сочетание национальных аспектов «шлемиля» с физиологическими характеристиками немых клоунов в произведениях Аллена представляет образ человека, отважно барахтающегося в агрессивной или равнодушной повседневности.

Незадачливого еврея-интеллектуала, постоянного героя фильмов и рассказов Аллена часто сравнивают с Бродягой, основным персонажем кинолент Чарли Чаплина. С этим трудно согласиться, ибо «маленький человек» в исполнении Чаплина часто злобен, мстителен, ставит подножки всем, подвернувшимся под руку. Персонаж же Вуди Аллена, что бы он ни совершал, делает, в конечном итоге, только во вред себе. Его самоирония существенно отличается от достаточно злобных шуток Чаплина, направленных вовне, на окружающих.

В ранних рассказах Аллен вводит тему, которая станет основной в его последующих произведениях – ассимиляция евреев, трудности, с которыми сталкивается «маленький» еврей, пытаясь влиться в нееврейское общество. Помимо этого, он использует национальный аспект как источник юмора – трамплин, с которого открывается уникальный ироничный взгляд на мир. Герой Аллена всегда наделён двумя основными чертами. Во-первых, это закомплексованный городской невротик из еврейского квартала, классический «шлемиль», неудачник на работе и в отношениях с женщинами. Во-вторых, он совершает опасные и глупые поступки именно для того, чтобы покорить женщин.

Интеллектуальный и интеллигентный персонаж Вуди Аллена постоянно оказывается в диссонансе с обществом массовой культуры. Отдавая свои культурные предпочтения тому, что слишком далеко от примитивных интересов общества попкультуры, герой Аллена остаётся в коммуникационной изоляции, поэтому общий сюжет книг и фильмов американского литератора и режиссёра в целом сводится к поискам собеседника для одинокого «маленького человека» невзрачной наружности. Однако всякий раз эти поиски терпят фиаско, и главный герой вынужден возвращаться в свой закрытый мир. Герой Аллена испытывает дискомфорт при общении с другими людьми. Он жаждет общения, так как очень одинок, но при этом всё время вынужден сталкиваться с чужими мирами – другими людьми. Таким образом, его собственный внутренний мир оказывается в опасности из-за возможного вторжения или влияния на него чуждых элементов. И герой Аллена ретируется, часто уже почти добравшись до цели. Найдя человека, Аллен боится признаться в этом себе самому и продолжает бесплодные поиски, которые и стали постоянной сюжетной линией его рассказов.

Способность задаваться наименее практически значимыми из существующих проблем мироздания приводит к следующему: человек, регулярно интересующийся тем, что в принципе ответа и решения не имеет, становится невротиком, так как его мироздание всегда остаётся незавершённым, недостроенным. Аллен охотно иронизирует на эту тему, превращая «вечные» вопросы интеллигенции в пародию на них. Такая интеллектуальная жвачка присуща людям мысли, но не поступка, теории, но не практики. Именно поэтому персонаж Аллена, находящийся в перманентном дисбалансе, является неудачником в обыденном смысле слова с точки зрения среднего американца: он ничего не делает, только думает и разговаривает.

Начиная с первых скетчей для «Нью-Йоркера» в 1966 году, Аллен великолепно имитирует серьёзные литературные формы, такие как научная биография или философский трактат, но наполняет их ненадлежащим содержанием: из очевидного конфликта между формой и содержанием рождается эффект комического.

В рассказе «Да, но может ли паровая машина делать это?» Аллен воссоздает карьеру графа Сэндвича, достижения ко-

торого приравнивает к достижениям Да Винчи, Аристотеля и Шекспира. «Мистер Совершенство» – пародия на детективный рассказ, в котором частный детектив разыскивает по улицам Бога. Жанр пародии сопровождается национальным юмористическим колоритом. Аллен часто применяет свою излюбленную стратегию – соединять несовместимое, например, понятия «святое» и «пошлое» по отношению именно к еврейским мотивам, как в «Хасидских притчах, с руководством по их толкованию, составленному выдающимся талмудистом». Метафизика противопоставляется безнадёжно обыденному: философ Метерлинг доказывает, что «Кант не только ошибался в отношении вселенной, но ещё и чек не забрал», а «Вечное Ничто – штука неплохая, нужно только успеть одеться соответственно» [1, с.5].

Скетчи для журнала «Нью-Йоркер» ярко отражают то внутреннее напряжение, которое структурирует всю творческую жизнь Аллена: его способность соединять несовместимое в угоду собственным целям.

И, наконец, рассказы Аллена, как в дальнейшем его фильмы, сталкивают еврейство и иудаизм. Широко известная «ссора» Вуди Аллена с Богом, его отказ от признанных религий, важность нравственности носят ярко выраженный этнический характер. Посредством юмора рассказы Аллена отражают достаточно непочтительное, если не сказать враждебное, отношение автора к религии. Главный герой ещё не разобрался с самим собой и многое не понял; он занят поисками Бога, которые, впрочем, поверхностны и мимолётно ироничны. Герой боится допустить в свой мир даже Бога, приравнивая Его, видимо, к таким же обременительным и опасным контактам, как и общение с людьми, чреватое утратой собственного «я». Отсюда ирония, порождающая дальнейшее неприятие, так как несерьёзное восприятие снижает актуальность и ценность любой идеи. Бог для Вуди Аллена – повод слегка поиронизировать ещё и на эту тему: «Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил? Ну и вообще, что слышно?» [1, с. 12]

Аллен охотно использует еврейскую символику, вводит темы воздаяния, искупления, осваивает поэтику аллегории, включает в повествование проповеди, видения. В «Хасидских притчах» героиня спрашивает у известного раввина, почему евреям не разрешено есть свинину, и получает следующий ответ:

«Нельзя? Ах-ах-ах!» [1, с.6] В «Скрежалях» Аллен пересказывает библейскую притчу об Аврааме и его сыне Исааке. Бог говорит Аврааму, что пошутил, когда приказал убить сына, и упрекает праотца за доверчивость: «Некоторые готовы выполнить любой, даже самый глупый приказ, если его произносят хорошо поставленным голосом» [1, с. 16]. Всё это переплетается с мифом, философской мыслью прошлого и настоящего, с многочисленными литературными аллюзиями и реминисценциями.

Стоит отметить, что в прозе Аллена этническая принадлежность вовсе не служит поводом к отчуждению. Поиски традиции для Аллена включают знакомство и сближение с другими культурами.

В отличие от других американских писателей еврейского происхождения, он не делает акцент ни на социальных и культурных отличиях, ни на маргинальном положении двойственных культур. Этническая составляющая в его произведениях представляет собой неотъемлемую часть личного опыта. Тем не менее, такое отношение лишь сближает Аллена со многими другими писателями еврейского происхождения, которых объединяет стремление разрушить этнические границы.

В творчестве Аллена синтезируются два крупнейших культурных фактора, ключевых для определения американской культуры XX века: литературный постмодернизм и этническая литература. С уверенностью можно говорить, что именно этническая составляющая сумела обогатить американскую литературу и культуру в целом. Влияние еврейского культурного наследия не ограничивается рамками определённого национального сообщества. В контексте «американского калейдоскопа» этническая принадлежность только способствует культурному обогащению. Еврейская литература преодолела свой маргинальный статус благодаря творческому вкладу влиятельных писателей и художников, сумевших отвоевать место для этнических литератур в культуре мейнстрима. В целом можно утверждать, что литературное творчество Вуди Аллена воплощает и преобразует в своей уникальной манере важнейшие тенденции, сформировавшие современную американскую культуру.

Список литературы

1. Аллен В. Шутки Господа // Сборник – М.: Иностранка, 2005 – 352 с.
2. Аллен В. Сводя счеты // Сборник – М.: АСТ, 2014 – 224с.
3. Караваева Е.М. Постмодернистские тенденции в творчестве Вуди Аллена // Филологические науки в МГИМО. №54(69) 2014, С. 162 – 169
4. Нан А.Д. Основные влияния в малой прозе Вуди Аллена. – Дисс. Магистр. Степени, Клуж-Напока, 2013. – 245с.
5. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. – 400с.
6. Якушев И. Вуди Аллен – русский интеллигент. – Медицинская газета. – 2011 - №48 – С. 10-11.
7. http://www.mislynet.ru/biografii/allen-vudi.html (accessed 16 August 2015)
8. http://www.gidspb.com (accessed 16 August 2015)

Об авторе

Караваева Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки), доцент кафедры английского языка №2, МГИМО (У). Email: gazoprovod-24@yandex.ru.

JEWISH EXPERIENCE IN WOODY ALLEN'S SHORT FICTION

E.M. Karavaeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Woody Allen is one of the most prolific artists of the twentieth century, remarkable for creating an easily identifiable style, which never fails to provoke laughter and which distinguishes his work from that of other artists. Woody Allen's short fiction responds to and mirrors the cultural heritage of the author's Jewish upbringing. The article explores the ways in which Allen draws on his Jewish experience in his short stories.*

Key Words: American literature, Woody Allen, short fiction, American humor, parody, ethnicity, Jewish-American literature, Jewish stereotypes, morality, religion.

References

1. Allen W. Shutki Gospoda [Selected Stories]. – M.: Inostranka, 2005 – 352p.
2. Allen W. Svodya schyoty [Getting even]. – M.: AST, 2014 – 224p.

3. Karavaeva E.M. Postmodernistskie tendentsii v tvorchestve Woody Allena [Postmodernist influences in Woody Allen's short fiction]. − Philologicheskie nauki v MGIMO – Philology in MGIMO. №54 (69) 2014, P. 162 – 169.
4. Nan Amelia Diana. Major influences in Woody Allen's short fiction. Cluj-Napoca, 2013 – 245p.
5. Tlostanova M. V. Problema multikulturalisma i literature Ameriki kontsa XX veka [Multiculturalism and American literature at the end of the XXth century]. – M.: IMLI RAN «Nasledie», 2000. – 400p.
6. Yakushev I. Woody Allen – Russkiy intelligent [Woody Allen – Russian intelligent]. – Meditsinskaya gazeta. – 2011. - №48 – p. 10-11.
7. http://www.mislynet.ru/biografii/allen-vudi.html (accessed 16 August 2015)
8. http://www.gidspb.com (accessed 16 August 2015)

About the author

Karavaeva Ekaterina Mikhailovna – Master of Arts (Literature of foreign countries), Assistant Professor, MGIMO University.
Email: gazoprovod-24@yandex.ru.

* * *

КРИЗИС КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ МОХСИНА ХАМИДА “THE RELUCTANT FUNDAMENTALIST”

И.Н. Кошелева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

С момента обретения Пакистаном независимости от Великобритании в 1947 году, жители этой страны, как, впрочем, и других, входящих в категорию “развивающихся”, живут в тени американского неоколониализма. Последний факт оказывает прямое влияние на людей, их культуру и культурную идентичность. В статье рассматривается проблема культурного единства на примере романа автора пакистанского происхождения Мохсина Хамида “The Reluctant Fundamentalist”. Писатель изображает взаимодействие культур – американской и пакистанской. Статья раскрывает содержание таких понятий, как глобализация, глобальное гражданство, культурная идентичность и её составляющие. В качестве базы используется теория гибридности американского специалиста в области постколониальных исследований Хоми Бхабха. Немаловажным фактором, оказывающим влияние на ощущение принадлежности протагониста к пакистанской культуре послужили события 11 сентября 2001 года, разделившие жизнь главного героя Чингиза на до и после. В соответствии с теорией Бхабхи, идентичность персонажа проходит три стадии: мимикрию, гибридность и стадию противодействия американским ценностям. Кроме того, обосновывается мысль о том, что изображённая писателем культура США порождает чувство превосходства среди американцев. Их надменное отношение к некоренным жителям, населяющим страну, оскорбляет и разжигает гнев среди иммигрантов. На основе изучения культурной идентичности молодого пакистанца можно проследить черты расовой дискриминации, которой подвергаются приезжие американской культурой и обществом. Таким образом, писатель говорит о том, что коренное население сверхдержавы далеко от совершенства, и что оно относится с предубеждением к расовым и культурным различиям в особенности после событий 11 сентября 2001 года. В

заключение можно констатировать, что культурная гибридность всё же неизбежна в условиях глобализации и культурного взаимодействия, и только политика взаимного уважения к другим нациям может установить и поддержать диалог культур.

Ключевые слова: постколониальные исследования, культура, культурная идентичность, глобализация, мимикрия, гибридность, стадия сопротивления, Пакистан, Америка, неоколониализм, инаковость.

Однако события 11 сентября 2001 года дали трещину в интерпретации понятия “глобализация”. Они подтвердили разделение “глобального” и “национального”, что заставило людей переосмыслить себя в системе принадлежности к определённой расе, языку и культуре. В таком контексте постколониальные исследования дают возможность рассмотреть феномен глобализации в другом ракурсе. Роман Мохсина Хамида “The Reluctant Fundamentalist” [2], написанный в 2007 году – одно из произведений, отражающих напряжение между доминирующими силами и этническими меньшинствами в условиях глобализации [6, с. 52].

Анализ культурной идентичности в этом произведении выполнен в рамках постколониальных исследований, то есть налицо столкновение восточной и западной идентичностей. Основой для теоретической части статьи послужили изыскания американского исследователя в этой области Хоми Бхабхи. В своих эссе “Of Mimicry and Man,” [1, с. 85-92] and “Signs Taken For Wonders: Questions of Ambivalence and Authority Under a Tree Outside Delhi, May 1817” [1, с. 102-122] он обращается к таким терминам, как *мимикрия* и *гибридность*. Так, автор рассматривает мимикрию в постколониальной литературе как явление, когда члены колонизированного общества (например, индийцы или африканцы) имитируют язык, одежду, политические взгляды, отношение к культуре их колонизаторов (например, британцев или французов). При колониализме и в условиях иммиграции мимикрия считается поведением приспособленческого типа: человек имитирует влиятельных людей, потому что он сам

надеется стать таковым. Предположительно, копируя управляющих колонией, человеку приходится сознательно подавлять свою собственную культурную идентичность.

Далее, в “Signs Taken For Wonders” Бхабха переходит к понятию гибридности и отмечает, что существуют разные уровни этого явления – от лёгкого смешения до очень агрессивного столкновения культур. Гибридность следует понимать как смешение культур Востока и Запада. Она включает в себя несколько подкатегорий: 1) расовую, 2) лингвистическую, 3) литературную, 4) культурную, 5) религиозную. Основными принято считать лингвистическую, литературную и культурную подкатегории. Остановимся подробнее на культурной гибридности при неоколониализме. Человеку азиатского происхождения (будь то пакистанец или индиец), подчинённому американскому правлению (в условиях иммиграции), очень трудно перенимать манеры или культурные ценности Штатов без подавления в какой-то мере своего собственного “я”. Он находится под сильным давлением для быстрой аккомодации к нормам того места, куда человек иммигрировал. Это иногда влечёт за собой трудности в перенимании акцента, привычек или изменения стиля одежды. Роман “The Reluctant Fundamentalist” затрагивает проблемы аккультурации, касается тонкой грани между адаптацией иммигранта к новой культурной среде и радикальной трансформацией, из-за которой человек рискует потерять основную часть своей индивидуальности. Культурная гибридность в крупных городах, как на Западе, так и на Востоке или в Африке становится чем-то больше, чем нейтральной, возможно, созидательным способом выражения космополитизма или эклектизма.

Цель работы – показать эволюцию культурной идентичности главного героя, а также чего человеку стоит “строительство империи” в условиях глобализации. Более того, появляется необходимость обсудить, как люди, находящиеся в абсолютно чужой культуре, сталкиваются с различными затруднениями, дилеммами, а также противоречиями, угрожающими их идентичности. Наряду с этими вопросами, в романе отражаются сожаления автора о том, что мусульманам приписывается отношение к терроризму, особенно после событий 11 сентября 2001 года, что в условиях глобализации поддерживается гегемонией США.

Вначале рассмотрим понятие *культурной идентичности* и выделим её основные типы. *Культурная идентичность* – это самоощущение человека внутри данной конкретной культуры. Так, Бонни Нортон определяет данное понятие как отношения между индивидами и членами какой-либо группы, которые имеют общую историю, язык и разделяют взгляды относительно устройства мира [7, с. 420]. В свою очередь, культура представлена отношением к разным аспектам жизни и практикам, взглядами, которые считаются нормой для представителя той или иной культуры. Каждая культура вносит вклад в культурное многообразие, тем самым создавая "плавильный котёл". Культурная идентичность также состоит из расовой, религиозной, классовой, родовой и семейной идентичностей. Кроме того, национальная, социальная и личная идентичности также влияют на культурное отождествление человека, так как они определяют человеческую личность [9].

Чтобы понять культурную идентичность главного героя "The Reluctant Fundamentalist" на разных этапах его жизни, обратимся к краткому содержанию романа. События в произведении излагаются от первого лица, самого протагониста Чингиза, который повествует о своём пребывании в Америке в течение четырех с половиной лет. Молодой пакистанец делится своей историей с американским гостем в Лахоре, крупном городе Пакистана (читатель может только предполагать, что собеседник – турист, разведчик или просто случайный прохожий). Удачная карьера молодого пакистанца начинается с учёбы в престижном университете Принстон, после окончания которого он устраивается финансовым аналитиком в прибыльную оценочную компанию "Underwood Samson". Параллельно автор вводит любовную линию в роман – Чингиз влюбляется в состоятельную, привлекательную американку Эрику, имеющую опыт несчастной любви, (её молодой человек умер от рака), что осложняет и препятствует её отношениям с Чингизом. Однако после атаки на Всемирный торговый центр в главном герое происходит сильная перемена в отношении к США и их политике. С уходом Эрики из жизни Чингиза (предположительно она заканчивает жизнь самоубийством из-за невозможности преодоления ностальгии по своему прошлому и своему возлюбленному Крису), главный герой покидает свою должность в "Underwood Samson", проща-

ется с Америкой и возвращается в свой родной Лахор. Главные смыслообразующие вопросы в тексте можно сформулировать следующим образом – почему Эрика отвергает любовь Чингиза, и что заставляет его уволиться с перспективной работы и уехать в Пакистан?

Разрушение Всемирного торгового центра составляет центральную часть романа, который разделяет его на сценарий до этого события и после него. Четыре с половиной года пребывания в США делают Чингиза свидетелем и заставляют испытать на себе доминирующее и скрытое влияние глобализации. Можно предположить, что культурная идентичность протагониста проходит три стадии: *мимикрию, гибридность* и *стадию противодействия*. Обратимся к каждой из них.

Мохсин Хамид в своём произведении показывает, что США приобрели статус неоколониальной державы и ведут себя как метрополия. Люди из развивающихся стран имитируют и принимают американскую культуру, дабы заслужить признание, особенно это касается тех, кто живёт на территории Штатов. Как себя определяет Чингиз и каково его поведение по приезде в Америку? Родившись и воспитавшись в Пакистане, главный герой поступает в Принстон, где и проходят годы его становления как личности. За это время он адаптируется к определённому образу жизни этой западной меритократической страны. Он был очарован внушительным видом университета. Не это ли олицетворение американской мечты? У Чингиза было ощущение, что его жизнь похожа на фильм, где он был звездой, и всё ему было по силам − *“I have access to this beautiful campus, I thought, to professors who are titans in their fields and fellow students who are philosopher-kings in the making”* [2, с. 3]. Будучи студентом, протагонист испытал на себе силу системы, прагматической и эффективной, как и всё остальное в Америке. Так, интернациональные студенты проходят жёсткий отбор, подразумевающий собеседования, написание эссе, рекомендации. Успех имеют только самые умные, старательные и харизматичные. Главный герой играл в футбол за университетскую команду, проявляя упорство и воспитывая в себе лидерские качества, то есть с течением времени он влился в ряды меритократии. Но, в свою очередь, от Чингиза ждали, что он дарует свои таланты американскому обществу, в которое он вошёл. И, без сомнения, такая

перспектива делала его счастливым до определённого времени [2, с. 5].

Кроме того, предприимчивый молодой человек воспринимал Нью-Йорк как дом: на урду говорят водители такси, заведение Pak-Punjab Deli, где подают самсу и чанну (блюдо из нута) находится недалеко от его дома, на улицах играет знакомая музыка. В метро цвет его кожи попадал в середину цветового спектра. Туристы спрашивали у него дорогу, и за все четыре с половиной года в Америке он никогда не чувствовал себя американцем, а сразу же ньюйоркцем. Есть все основания полагать, что большая часть положительных эмоций, радости, связанных с Нью-Йорком, основана на воодушевлении и подъёме от работы в "Underwood Samson". Чингиз был поражён видом из окна офиса, находившегося на 41 и 42 этажах здания в центре города. Это был другой мир, отличный от его родного Пакистана − *"... supporting my feet were the achievements of the most technologically advanced civilization our species had ever known"* [2, с. 38].

Впрочем, очень часто сравнения своей родины и города, давшего главному герою великолепные перспективы, обижали его, поскольку ещё четыре тысячи лет тому назад люди, проживавшие в бассейне реки Инд, строили города, отличавшиеся системой канализации. В то время как предки людей, завоевавших и колонизировавших Америку, были безграмотными варварами. Однако успешное начало карьеры в рентабельной американской компании застилало глаза главного героя на многие обидные моменты по отношению к его стране. В те времена он не отождествлял себя с пакистанцем, его культурную идентичность в большей степени определяла его социальная идентичность, связанная с положением стажёра в "Underwood Samson". Протагонист гордился своей работой. Стоит отметить, что согласно теории социальной идентичности присвоение себе той или иной идентичности предполагает, что действия человека определяются нормами, ценностями и убеждениями, которые определяют соответствующую идентичность [8]. Молодой человек чувствовал себя наделённым особыми полномочиями, кроме того, новые возможности открывались перед ним. Для него были откровением представительские расходы, то есть возможность расплачиваться в ресторанах кредитной картой за счёт компании, если мероприятие связано с делами по работе. Благодаря

своим знаниям, профессионализму, упорству, рвению, огромному желанию служить компании "Underwood Samson", Чингизу доверяют вести проект по оцениванию музыкального бизнеса на Филиппинах. Мохсин Хамид так описывает радость молодого пакистанца: *"I felt bathed in a warm sense of accomplishment. Nothing troubled me; I was a young New Yorker with the city at my feet"* [2, с. 51].

По приезде в Манилу Чингиз пытался действовать и говорить, как американец. *"The Filipinos we worked with seemed to look up to my American colleagues, accepting them almost instinctively as members of the officer class of global business – and I wanted my share of that respect as well"* [2, с. 74]. Он научился говорить исполняющим лицам, годившимся ему в отцы, *"I need it now"*, и на вопросы, откуда он, отвечать, что он из Нью-Йорка [там же]. В глубине души Чингизу было стыдно за такое поведение, но он старался не показывать свои истинные чувства. Заглушить эти переживания помогала работоспособность и восхваляющие отзывы о его работе, за которые главный герой был очень горд.

Несмотря на все усилия пакистанца-иммигранта казаться американцем, его настрой, личная идентичность даёт о себе знать: где-то под несколькими наносными слоями американизма скрываются черты истинного пакистанца. Так, находясь в Маниле, Чингиз со своими коллегами ехал в лимузине и, попав в пробку, высунулся в окно, где поймал на себе взгляд водителя такси, в котором сквозила нескрываемая враждебность. Главный герой был озадачен, поскольку он не встречал этого человека ранее и не сделал ему ничего плохого. Впоследствии, пытаясь понять реакцию незнакомого человека, протагонист находит оправдание его недоброму взгляду. Возможно, этот водитель испытывает негодование и обиду за привилегии и более высокое положение Чингиза в обществе, что видно по дорогому костюму и машине. Именно с этого момента в главном герое развивается особое чувство людей из Третьего мира [2, с. 77].

Уже не в первый раз молодой человек отмечает разительное различие между людьми своей национальности и американцами, что вызывает его негодование, а порой и гнев. Так, на отдыхе в Греции со своими друзьями-выпускниками Принстона главный герой чувствовал раздражение от поведения молодых богатых представителей супердержавы. Он недоумевал от того,

с какой лёгкостью они расставались со своими деньгами, платя за обед 50 долларов, или же от их надменности в общении с греками. Многим из них не хватало утончённых манер и почтительного отношения к старшим.

Не менее важным в этом отношении может быть и ужин у родителей Эрики, на который она пригласила пакистанца после непродолжительного знакомства. На радушном приёме Чингизу довелось испытать раздражение и возмущение от снисходительного тона отца Эрики, свойственного многим американцам. Он указал на то, что экономика Пакистана разваливается, страну разъедает коррупция, диктатура, богатые живут как принцы, в то время как все остальные страдают. По его словам, элита развратила страну, и самая большая проблема – фундаментализм, широко распространённый в США и Британии термин для обозначения всякого движения в поддержку строгого следования учению Корана и законам шариата (исламского права). Такую информацию предоставляли средства массовой информации, например, *The Wall Street Journal*, что говорит о предубеждениях, создаваемых в обществе.

Проанализировав первую стадию культурной идентичности главного героя, можно сделать вывод о том, что неоколониалистская политика порождает новую культуру, а эпоха глобализации дарует мечту о единой идентичности. В этой новой культуре, контролируемой капиталистическими силами, индивиду в независимости от своего класса, касты, расы и даже нации обещают получение единой идентичности глобального гражданства. Но подобная идея в своей основе требует подавления индивидуальности. В результате, в крупных космополитичных городах национальная, культурная идентичность едва ли имеет важное значение, и человеку приходится ассимилироваться в новом мировом порядке. Поэтому читатель наблюдает сложность глобализированной идентичности Чингиза, которая в реальности является продуктом глобализации и неоколонизации. Однако то, что главный герой приписывает себе идентичность американского жителя, оказывается всего лишь имитационной стадией познания своего "Я", что он осознаёт намного позже. И под этой маской скрывается его истинная идентичность пакистанца.

Атака на Всемирный торговый центр – разрушительный момент в истории США. Но самый досадный факт, что эти со-

бытия разоблачили истинную сущность "американской мечты". Дэвид Мендель в книге *"Obama: A promise of change" цитирует речь Обамы, в которой он представился нации в 2004 году – "There's not a Liberal America and a Conservative America – there is the United States of America. There is not a black America and a white America and Latino America and Asian America – there's the United States of America… We are one people …"* [5, с. 3]. Последствия теракта разоблачают американский прагматизм империализма. Первое осознание своей имитационной идентичности приходит к Чингизу по его возвращении из Манилы сразу же после 11 сентября. В аэропорту его задержали, так как он вызвал подозрения о причастности к террористам, и в унизительной форме обыскан. *"I flew to New York uncomfortable in my own face: I was aware of being under suspicion; I felt guilty; … this naturally led to my becoming stiff and self-conscious"* [2, с. 85]. По прилёте в Америку, в миграционном контроле аэропорта главного героя выделяют среди американцев и грубо спрашивают о цели прибытия в США, причём опрос устроила женщина, чьё владение английским языком оставляло желать лучшего. Позже Чингиза отправили на повторный досмотр, где он сидел рядом с человеком с татуировками и в наручниках. Проявляя экономическое превосходство, так называемая супердержава выстраивает свою идеологию долга и чести и создаёт стереотипную идентичность этнических меньшинств, считающихся дикими, жестокими варварами и, в свою очередь, провозглашает войну против терроризма. Таким образом, читатель может наблюдать, как Чингиз оказался жертвой этого нового мирового порядка. Даже в своей компании "Underwood Samson" он не может избежать растущей значимости принадлежности к американской нации и противопоставления американцев другим меньшинствам, населяющим Штаты. Так, на парковке возле здания компании главный герой подвергается расистским оскорблениям, его передразнивает человек и называет *"fucking Arab"*. В изменившемся мире ранее успешный пакистанец осознаёт, что постоянно вызывает подозрения, и это начинает отравлять ему жизнь. Глобальный космополитизм отказывает Чингизу в праве на различие в единообразии. В сложившихся обстоятельствах героя настигает откровение о том, что глобальное гражданство всего лишь миф. Эта единообразная идентичность, создаваемая

капиталистическими силами и факторами глобализации, не позволяет иммигрантам, отличающимся воспитанием, хорошими манерами, знанием английского языка ассимилироваться в доминантной культуре. История показывает, что они так и остаются "аутсайдерами". Человек, подражающий другой культуре, может приспосабливаться к новому режиму до тех пор, пока подавляет свою истинную идентичность и помогает воплощать "их" мечту экономического превосходства. Атака на Всемирный торговый центр разрушает эту идею о глобальном гражданстве. Внезапно возникает понятие "другой" в этой культуре. Вместо отношения американцев к Чингизу как к глобальному гражданину, его "возвращают" к своей расовой, этнической и культурной идентичности.

Читатель видит, что сложившиеся обстоятельства меняют взгляды молодого пакистанца на самого себя. Так, стремясь быть глобальным гражданином, Чингиз становится обладателем "гибридной" идентичности. Его неудача в попытках ассимилироваться полностью в американском обществе при резком изменении внешней политики США и невозможность вернуться к исконной идентичности становятся признаками "гибридности". В подтверждение этого факта, Мохсин Хамид усложняет взаимоотношения Чингиза и Эрики – хотя девушка и любит его, она бережно хранит память об умершем друге Крисе. Мгновенное счастье проглядывается в отношениях молодой пары, когда Чингиз убеждает Эрику принять мысль о том, что он Крис. Соответственно, такая "маска" заставляет главного героя занять место "другого". Такая инаковость раскрывает не только внутренние механизмы колониальной власти − в ней усматривается и динамика сопротивления. На этой стадии развития культурной идентичности протагонист разделяет амбивалентность, где на одном уровне ему близка глобальная идентичность, а на другом – неохотно (вынужденно) вырисовывается его этническая идентичность. *"When the time came for me to return to New York I told my parents I wanted to stay longer, but they would not hear of it. Perhaps they sensed that I was myself divided, that something called me back to America…"* [2, с. 146]. Так, возвращаясь в Нью-Йорк из Лахора после Рождественских каникул, мать Чингиза обеспокоенная реакцией жителей Нового Света на отросшую бороду сына, просит его побриться [там же]. Однако, зная о трудностях,

с которыми он столкнётся на иммиграционном контроле, Чингиз не сбривает бороду. *“It was, perhaps, a form of protest on my part, a symbol of my identity, or perhaps I sought to remind myself of the reality I had just left behind…”* [2, с. 148]. Всё это служит подтверждением того, что на данном этапе Чингиз ещё находится в противоречивых отношениях с самим собой. Его друг в “Underwood Samson”, который также не является коренным американцем, обеспокоен новой идентичностью своего коллеги и советует быть осторожным. Даже Джим, наставник успешного пакистанца, насторожен переменами своего подопечного и его новым взглядом на мир. Такие моменты в жизни главного героя развивают динамику сопротивления. Пройдя стадии “имитации” и “гибридизации”, Чингиз приходит к выражению протеста и сопротивления. Такое откровение снисходит на него в Чили, куда он отправляется оценивать издательский бизнес перед тем, как уволиться с работы, утвердив свою культурную идентичность, и вернуться на свою родину.

В Чили главный герой встречает Хуан-Батисту, много лет управляющего издательским домом, но не являющегося собственником компании. Он очень расстроен решением владельца продать бизнес. Его вовлечённость в дела фирмы позволяет ему взглянуть на “Underwood Samson” объективно, без пристрастия. Хотя руководство компании утверждает, что они занимаются только оцениванием активов и ликвидных обязательств, Хуан-Батиста видит конечную цель “Underwood Samson” в использовании компании и установлении нового порядка. Диалог между Чингизом и Хуан-Батистой вполне естественен, потому что “обманутый” человек может легко найти общий язык с другим “обманутым”. Протагонист на тот момент всё еще сохраняет “гибридную” идентичность и обеспокоен волнениями в Пакистане из-за введения военных сил в Афганистан, а также воинственными действиями против Исламабада. В этом момент рассуждения Хуан-Батисты о янычарах закладывают мощную основу сопротивления в главном герое против жестокого механизма глобализации. *“They were Christian boys,” he explained, “captured by the Ottomans and trained to be soldiers in a Muslim army, at that time the greatest army in the world. They were ferocious and utterly loyal: they had fought to erase their own civilizations, so they had nothing else to turn to”* [2, с. 172]. Упоминание о яныча-

рах помогает Чингизу понять, что он один из многих, нанятых по контракту. Он смог добиться временного признания в мультикультурном обществе, приверженном идее "культурного многообразия" только потому, что был представителем образованных трудовых мигрантов. Но сила приобщения к этническому меньшинству оказывается большей по сравнению с идентичностью образованных экономических мигрантов. Прочувствовав и осознав это, Чингиз, находящийся на пороге больших перемен, решает покинуть свою должность финансового аналитика в "Underwood Samson", уехать из Америки и вернуться в Лахор. Там он начинает читать лекции в университете и применять политику противодействия в борьбе с империализмом нового мирового порядка.

В университете Чингиз "сеет" антиамериканские настроения и видит свою миссию в том, чтобы пропагандировать "освобождение" своей страны от влияния США. Он обнаруживает, что молодёжь нетрудно убедить в том, чтобы они принимали участие в демонстрациях в защиту большей независимости Пакистана во внутренней и внешней политике. Однако автор посредством главного героя также хочет показать, что гибридность культур и идентичности неизбежна в обстоятельствах глобального взаимодействия людей и культур. Так, Чингиз чувствует, что он перенёс частичку Эрики (Америки) в родной Лахор *"… I had returned to Pakistan, but my inhabitation of your country had not entirely ceased. I remained emotionally entwined with Erica, and I brought something of her with me to Lahore…"* [2, с. 195]. Он ощущает остаточное влияние американской культуры, а его увлечение американской девушкой навсегда останется частью его идентичности.

В заключение стоит отметить, что в неоколониальную эпоху сообщества людей, находящихся под влиянием более сильной державы (в данном случае США), подвержены мимикрии образа жизни и культуры колониалистов. Но вскоре они понимают, что, пройдя стадию гибридной идентичности и несмотря на все попытки имитировать чуждые им манеры, на них всё равно смотрят как на "других". В качестве ответной реакции представители развивающихся стран (в данном случае Пакистана) возвращаются к своим корням, культуре и исконной идентичности. На примере главного героя Чингиза Мохсин Хамид описывает

путь иммигранта в поисках своего места в глобализированном мире. Более того, в романе раскрываются черты "более продвинутой и развитой" американской культуры, и как она влияет на иммигрантов. Вследствие проводимой США неоколониальной политики по миру распространяется ненависть и злоба против представителей стран Третьего мира, что является оскорбительным и нарушает интересы всего мирового сообщества. Только политика взаимного уважения к другим нациям может установить и поддержать диалог культур.

Список литературы

1. Bhabha, Homi K. The Location of Culture. – London: Routledge, 1994. – 444 p.
2. Hamid, Mohsin The reluctant fundamentalist. – London: Penguin, 2007. – 209 p.
3. Hayati, Daryoosh East meets West: a study of dual identity in Mohsin Hamid's "The reluctant fundamendalist" // Journal of subcontinent researches/ - 2011. – Vol.3, №7. – P. 31-52.
4. Lagos, Taso G. Global Citizenship – Towards a Definition. Available at: http://depts.washington.edu/gcp/pdf/globalcitizenship.pdf (accessed 17 October, 2015)
5. Mendell, David Obama: A promise of change. – NY: Collins, 2008. – 182 p.
6. Nitin, Jarandikar and Shubhangi Jarandikar Mohsin Hamid's Reluctant fundamentalist: A critique of the grand narrative of globalization // Labyrinth. – 2014. - №2. – P. 52-57.
7. Norton B. Language, identity, and the ownership of English // Tesol quarterly. – 1997. - №3. – P. 409-429.
8. Reicher, Stephen The context of Social Identity: Domination, Resistance, and Change // Political Psychology. – 2004. – Vol.25. №6. – P. 921-945.
9. Serai, Yuurei What is culture identity? Available at: http://www.ehow.com/info_7826546_culture-identity.html (accessed 17 October, 2015)

Об авторе

Кошелева Инна Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №4 МГИМО (У). Научная специализация - Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Email: ipozdnysheva@yandex.ru.

CULTURAL IDENTITY CRISIS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION IN MOHSIN HAMID'S NOVEL "THE RELUCTANT FUNDAMENTALIST"

I.N. Kosheleva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Since Pakistan gained independence from Great Britain in 1947, its people like other residents of so-called "developing countries" have been living in the shadow of American neo-colonialism. This fact has a direct impact on people, their culture and their cultural identity. The article tackles the problem of cultural unity as exemplified by the novel written by the author of Pakistani origin Mohsin Hamid "The Reluctant fundamentalist". The writer depicts the interaction of cultures – American and Pakistani. The article reveals such notions as globalization, global citizenship, cultural identity and its constituents. The basis for the research is the theory of hybridity of Homi K. Bhabha, the American postcolonial theorist. It is important to note that the events of 9/11, 2001 had an impact on the protagonist's sense of belonging to Pakistani culture, which split his life into "before" and "after". According to Bhabha's theory, Changez's cultural identity goes through three stages: mimicry, hybridity, and stage of resistance to American values. In line with the author's idea the US culture breeds a sense of superiority among the Americans. Their arrogant attitude to the nonresidents of their country insults and infuriates immigrants. Studying the cultural identity of the young Pakistani, it is possible to trace the traits of racial discrimination to which entrants to the US are subjected by the American culture and society. Consequently, the writer says that indigenous population of the superpower isn't perfect and it is prejudiced against racial and cultural differences, particularly after the September 11 attacks. As the research showed, the cultural hybridity is unavoidable in the context of globalization and cultural interaction. Only a policy of mutual respect for other nations can open and keep a dialogue of cultures.*

Key Words: postcolonial studies, culture, cultural identity, globalization, mimicry, hybridity, stage of resistance, Pakistan, America, neocolonialism, otherness.

References

1. Bhabha, Homi K. The Location of Culture. – London: Routledge, 1994. – 444 p.
2. Hamid, Mohsin The reluctant fundamentalist. – London: Penguin, 2007. – 209 p.

3. Hayati, Daryoosh East meets West: a study of dual identity in Mohsin Hamid's "The reluctant fundamendalist" // Journal of subcontinent researches/ - 2011. – Vol.3, №7. – P. 31-52.
4. Lagos, Taso G. Global Citizenship – Towards a Definition. Available at: http://depts.washington.edu/gcp/pdf/globalcitizenship.pdf (accessed 17 October, 2015)
5. Mendell, David Obama: A promise of change. – NY: Collins, 2008. – 182 p.
6. Nitin, Jarandikar and Shubhangi Jarandikar Mohsin Hamid's Reluctant fundamentalist: A critique of the grand narrative of globalization // Labyrinth. – 2014. - №2. – P. 52-57.
7. Norton B. Language, identity, and the ownership of English // Tesol quarterly. – 1997. - №3. – P. 409-429.
8. Reicher, Stephen The context of Social Identity: Domination, Resistance, and Change // Political Psychology. – 2004. – Vol.25. №6. – P. 921-945.
9. Serai, Yuurei What is culture identity? Available at: http://www.ehow.com/info_7826546_culture-identity.html (accessed 17 October, 2015)

About the author

Inna Nikolaevna Kosheleva – PHD in philology, assistant professor of English language Department №4, MGIMO (U). Research interests: comparative and typological linguistics. Email: ipozdnysheva@yandex.ru.

* * *

КОЛИЗЕЙ КАК ПАРАДИГМА ИСТОРИИ ИТАЛИИ

А.Н. Павлова, С.А. Сиднева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Ломоносовский проспект, 31/1.

Статья посвящена Колизею – одному из известнейших памятников Рима, ставшему негласным символом города и выбранным в качестве репрезентативного образа на реверсе итальянской монеты достоинством пять евроцентов. Колизей является не только свидетельством инженерно-архитектурной мысли Древнего Рима, но и может служить в своём роде парадигмой всей истории страны и её культуры, если рассмотреть историю амфитеатра от времён его сооружения до современности. К тому же этот памятник до сих пор является предметом дискуссий и домыслов, как обоснованных, так и необоснованных и обретает своеобразную интерпретацию в массовой культуре, как итальянской, так и международной.

Ключевые слова: Колизей, история Италии, памятники истории и культуры.

Колизей − один из самых известных и самых парадоксальных памятников Рима, который можно было назвать воспроизведением истории Вечного города или даже всей Италии в миниатюре. О нём написано большое количество работ историков, искусствоведов, он упомянут в описаниях путешественников от

древности до нашего времени, в путеводителях, художественных произведениях. Существует множество изображений амфитеатра на картинах, эстампах, зарисовках. Но, несмотря на обилие фактологического материала, этот памятник по-прежнему остаётся интересным для исследований.

В данной статье мы рассмотрим трансформацию его истории вместе с историей народа, создавшего это удивительное архитектурное сооружение. Источниками работы является исследования историков, литература, путеводители, изображения, кинематограф.

Итак, амфитеатр – одна из основных черт «типичного» римского города, наряду с храмом покровителей города, фонтанами, термами. Эта модель неоднократно воспроизводилась как в самой Италии, так и за её пределами, куда распространялась власть Римской империи. Достаточно вспомнить планы таких городов, как Ним и Арль во Франции, Эл Джем в Тунисе, Пула в Хорватии, в которых до наших времён сохранились руины древних амфитеатров, сходных с Колизеем.

Амфитеатр Флавиев, позднее ставший известным как Колизей, строился при императорах Веспасиане и Тите из рода Флавиев. Одно из наиболее ранних литературных упоминаний встречается у Светония, который перечисляет постройки, осуществлённые в Риме императором Веспасианом, по его возвращении с Иудейской войны: «Предпринял он и новые постройки: храм Мира близ форума, храм божественного Клавдия на Целийском холме, начатый еще Агриппиной, но почти до основания разрушенный Нероном, и, наконец, амфитеатр посреди города, задуманный, как он узнал, ещё Августом» [6, с.203]. В жизнеописании Тита Светоний говорит об освящении Колизея при императоре Тите: «Щедростью он, однако, никому не уступал: при освящении амфитеатра и спешно выстроенных поблизости бань он показал гладиаторский бой, на диво богатый и пышный; устроил он и морское сражение на прежнем месте, а затем и там вывел гладиаторов и выпустил в один день пять тысяч разных диких зверей [6, с.210]». Поэт Марциал говорит о Колизее, точнее амфитеатре Флавиев, в своих эпиграммах («Книга зрелищ»).

Время возведения Колизея – максимальный расцвет могущества Римской Империи и эпоха завоеваний. Достаточно

вспомнить успешные походы Веспасиана в Британию, расширение Римской империи за счёт включения в состав её провинций Родоса, Самоса, Ликии, Византия, присоединения царства Ликии. Правление Тита ознаменовалось падением Иудеи. Заказчики нового амфитеатра могли себе позволить сооружение, впечатляющее своими размерами, вместительностью и отделкой. Однако, эпитет «колоссальный» (на латыни Colosseum, на итальянском Collosseo) закрепился за амфитеатром Флавиев только в VIII веке, по одной версии, благодаря колоссальности его размера, по другой − из-за гигантской статуи Нерона из золочёной бронзы, стоявшей поблизости к сооружаемому амфитеатру. По свидетельству Светония, статуя Нерона была переделана по приказу Веспасиана в статую Бога-Солнца (Гелиоса), наподобие Родосского Колосса.

При Флавиях Колизей представлял собой своеобразную модель римского общества имперской эпохи, в которой зрительские места занимались сообразно статусу. Как пишет русский религиозный философ В.В. Розанов, посетивший Колизей в начале XX в., в своих «Впечатлениях об Италии»: «Чем далее шли ярусы кверху, тем понижалось общественное положение зрителей» [4, с.275]. Внизу, ближе к арене, сидел император, вокруг сенаторы, жрицы, затем всадники, выше представители низших классов. Колизей также может быть свидетельством высокого уровня организации зрелищ в античном мире, обеспечиваемого инженерной продуманностью так называемых «спецэффектов». В Колизее устраивались гладиаторские бои и морские сражения «наумахии», как и уже упоминалось выше в цитате из Светония. Меньше чем за день благодаря сложной системе шлюзов и работе рабов арена амфитеатра превращалась в озеро глубиной около двух метров. Однако наумахии проходили до времён Домициана Флавия, который изменил структуру арены, добавив под ней ипогеи и коридоры [9].

Современные археологи до их пор находят кости и черепа не характерных для Италии животных (львов, носорогов, жирафов, страусов, тигров), которых зрители могли увидеть благодаря мировому владычеству Рима. Зверей стравливали на фоне соответствующих декораций, устанавливаемых на арене.

Существует мнение, что в Колизее происходило domnatio ad bestias – осуждение на растерзание животными, когда

осуждённого привязывали к столбу и выпускали против него разъярённое животное или оставляли на арене один на один с диким животным, предоставляя возможность защищаться лёгким копьём или силой мышц. Это послужило одной из причин считать Колизей местом истязания христианских мучеников, в память которых в амфитеатре, по инициативе папы Бенедикта XIV, был воздвигнут крест. Не исключено, что действия папы были продиктованы попыткой остановить систематическое ограбление памятника, которое началось после запрета императора Гонория в 405 году на проведение гладиаторских боёв, а также после прекращения в амфитеатре травли зверей. Однако предположение о том, что на арене Колизея погибли мученики, скорее всего, не является обоснованным. В агиографической литературе, в passiones (описания мученичества святых) или acta martyrun (документы судебных процессов против христиан в Римской империи), нет конкретного упоминания амфитеатра Флавиев. Из христиан, осуждённых на domnatio ad bestias именно в Риме, самыми известными являются святой великомученик Евстафий Плакида [3] и святая великомученица Татьяна [5], при этом обоих звери чудом не тронули. В обоих житиях говорится о том, что святые были брошены на съедение зверям в цирк. Речь, скорее всего, идёт о римском Большом Цирке (Circus Maximus, Circo Massimo), так как Колизей является именно амфитеатром, а не цирком. Тем не менее, представление о мученичестве христиан в стенах Колизея оказалось довольно устойчивым. На стене Троицкой церкви Успенского монастыря в Старице Тверской области можно увидеть роспись «Св. мц. Татиана Римская умиротворяет льва в Колизее». Стоит также упомянуть картину русского исторического живописца Константина Флавицкого «Христианские мученики в Колизее» (закончена в 1862 году, Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге) или картину художника А.Т. Маркова в Третьяковской Галерее «Евстафий Плакида в Колизее» (точная дата написания полотна неизвестна). О мученичестве в Колизее пишет, например, и В.В. Розанов: «Кровь мучеников – ведь она здесь, на этих точках земли, на эту самую гальку и песок и глину лилась…» [4, с.223].

По поводу датировки постройки амфитеатра есть и альтернативная версия, высказанная последователями «новой хронологии» А. Т. Фоменко и Г.В. Носовским [2]. Авторы альтерна-

тивной версии считают, что Римский Колизей – это не древний памятник, а подделка более позднего времени, сооружённая папой римским Бенедиктом XIV, а «настоящий» Колизей находится в Стамбуле. Данная версия основывается на том, что в античных источниках, якобы, нет «никаких данных, позволяющих отождествить амфитеатр Тита именно с Колизеем». Кроме того, Фоменко и Носовский утверждают, что о Колизее не упоминают средневековые источники. Однако описания того же Светония, подтверждающие масштабность амфитеатра, в котором «было убито пять тысяч зверей», данные археологических раскопок и, наконец, римские сестерции, выпущенные при императоре Тита с изображением Колизея, позволяют отождествить упомянутую античным историком постройку с известным римским памятником.

В Средние века Колизей, как и Рим, переживает упадок, но, тем не менее, пилигримы, приходившие поклониться раннехристианским святыням Вечного города, который сохраняет свой авторитет религиозного центра, а также попросить благословения на странствие до Святой Земли, говорили: «Пока Колизей стоит, будет стоять и Рим, исчезни Колизей — исчезнут Рим и вместе с ним весь мир».

В XI –XII вв. Колизей по сути превращается в крепость Франджипани и Аннибальди, которые попеременно владеют величественной руиной. Подобная судьбы памятника довольно хорошо отображает историческую ситуацию в Италии, в которой большую роль играют именно влиятельные семьи. Впоследствии семьи вынуждены были уступить Колизей императору Священной Римской Империи Генриху VII, прославленному в «Божественной комедии» Данте как надежда Италии на разумное правление, потому что первый германский император из люксембургского дома стоял выше различных враждующих между собой итальянских партий. Он, по сути, провёл «национализацию» Колизея, подарив амфитеатр senatus et popolus romanorum, однако истинным владельцем памятника по иронии судьбы впоследствии становятся различные религиозные братства или папы, противником которых выступал император.

Эпоха Ренессанса, ознаменовавшаяся интересом к античной культуре, коллекционированием статуй, живописи и руко-

писей, оказывается на редкость неудачной для архитектурных сооружений античности. Они или полностью разрушаются, или перестраиваются. Иногда фрагменты сооружений интерполируются в другие постройки, что является продолжением традиции, обозначенной ещё во времена легитимизации христианства, когда для сооружения христианских церквей использовались колонны или фундаменты бывших языческих храмов. Сначала внутри самого Колизея сооружаются алтари и часовни, а часть арены используется даже для представлений, но на этот раз религиозного характера – мистерий. С XV века Колизей становится источником стройматериалов для других памятников. Фрагменты Колизея можно обнаружить в Латеранской базилике, соборе св. Петра, палаццо ди Венециа, Канчеллерии и палаццо Фарнезе. Камень из Колизея использовался для замощения площади Капитолия в 1698. Папа Климент XI решил использовать античное здание ещё более «практичным» образом и сделал из него завод по добыванию селитры, сырьём для которых стали отбросы и навоз. Посетивший в 1765 году Рим шотландский писатель Джеймс Босуэлл (1740-1795) поражён кучами навоза и животными у стен древнего амфитеатра. Однако это не мешает ему восхищаться памятником: «трудно сказать, что более восхищает тебя в этом прекрасном здании – потрясающая мощь или безукоризненный вкус» [7, с.270]. Стоит отметить, что утилитарное использование памятников архитектурных памятников не чуждо и современным итальянцам, которые устраивают магазины или таверны внутри дворцов эпохи Возрождения или гостиницы в стенах средневековых монастырей.

В конце XV111 – начале X1X века Колизей привлекает внимание первых «туристов», совершающих гран-тур по Европе с образовательно-воспитательными целями. Для путешественников-иностранцев это прекрасная руина, увитая плющом и символизирующая былое величие и упадок Древнего Рима, и романтическое место для прогулок под луной. О Колизее в своих письмах пишет мадам де Сталь, называя его самой красивой руиной Рима, заключающей в себе всю его историю. Байрон посвящает несколько строф в четвёртой песне «Паломничества Чайльд Гарольда», обозначив современное ему состояние памятника, намекая на его былое великолепие и цитируя средневековых пилигримов [1, с. 143-145]:

В руинах − но каких! Из этих глыб
Воздвиглось не одно сооруженье.
Но издали сказать вы не могли б,
Особенно при лунном освещенье,
Где тут прошли Грабёж и Разрушенье.
Лишь днём, вблизи, становится ясней,
Расчистка то была иль расхищенье,
И чем испорчен больше Колизей:
Воздействием веков иль варварством людей.
Но в звёздный час, когда ложатся тени,
Когда в пространстве тёмно-голубом
Плывет луна, на древние ступени
Бросая свет сквозь арку иль в пролом,
И ветер зыблет медленным крылом
Кудрявый плющ над сумрачной «стеною,
Как лавр над лысым Цезаря челом,
Тогда встают мужи передо мною,
Чей гордый прах дерзнул я попирать пятою.

«Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,
Но рухни Колизей − и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима».
Я повторяю слово пилигрима,
Что древле из Шотландии моей
Пришёл сюда. Столетья мчатся мимо,
Но существуют Рим и Колизей
И Мир − притон воров, клоака жизни сей.

О почерневших сводах и плющах, увивающих своды Колизея, пишет и Эдгар По. Он также видит в Колизее модель истории Рима:

Прообраз Рима древнего! Святыня,
Роскошный знак высоких созерцаний,
Оставленный для Времени веками
Похороненной пышности и власти. [11]

Памятник овеян романтически-упаднических ореолом, который соответствует моде начала-середины Х1Х века. В Ита-

лии и других странах Европы специально строят искусственные руины, псевдоантичные развалины, примером чему может служить «полуразрушенная» арка на римской вилле Шарра. Но именно в Х1Х веке пробуждается национальное сознание итальянцев, с которым связано и более пристальное внимание к памятникам древней культуры. Предпринятые до того времени разрозненные попытки сохранения Колизея и его изучения приобретают более систематический характер. В 1804 году подготовлен доклад о вреде, нанесённом Колизею во время использования руин в качестве селитряного завода. Северо-восточная стена здания в 1805—1807 гг. подпирается контрфорсом во всю её высоту под руководством архитекторов Палацци, Кампорези и Штерна. Начатые с 1790 г. архитектором К. Луканджели раскопки и реставрационные работы продолжают известные археолог Карло Феа и архитектор Джузеппе Валадье. Масштабные работы внутри Колизея совпадают с нарастанием итальянского освободительного движения. В конце 40-х – начале 50-х годов девятнадцатого столетия архитектор Джованни Б.де Росси открывает новые части амфитеатра и выстраивает заново изнутри стены и лестницы третьего и четвертого ярусов и спасает от падения одну из стен здания [9]. В 1871 году Колизей окончательно освобождают от «романтического» плюща, а Рим становится столицей объединённого государства. Памятник обновляется, подобно Молодой Италии. 70-80 годы – это время активных раскопок и новых открытий вокруг амфитеатра Флавиев под руководством археологов П. Розы и Р. Ланчани. В это же время с арены убирают крест и остатки сооружений религиозного культа. В связи с этим стоит вспомнить реформы, производимые в отношении церкви, а именно ликвидацию Папского Государства и лишение Папы светской власти.

В начале ХХ века в Колизее иногда устраиваются народные гуляния и музыкальные представления. Так, Розанов описывает концерт военного итальянского оркестра, исполнявший марши в стенах освещённого электричеством Колизея, и пришедшие послушать музыку итальянские семейства [4, с.222].

Колизей вдохновляет итальянского диктатора Муссолини на постройку здания, которое символизировало бы возрождение «новой Римской империи». Таким образом появляется так называемый «квадратный Колизей», или Дворец итальянской циви-

лизации, спроектированный Марчелло Пьячентини для нового римского квартала Всемирной выставки (ЭУР). Примечательно, что при Муссолини в древний Колизей снова вернули крест в знак примирения церкви и государства.

Интересно отметить, что сейчас существует проект возведения ещё одной «реплики» Колизея – нового стадиона итальянского футбольного клуба «Рома», который должен будет похож на исторический амфитеатр Флавиев, но будет построен из современных материалов.

В наше время Колизей был признан одним из семи Новых чудес света. Ежегодно он посещается большим количеством туристов как охраняемый памятник искусства. Его изображение тиражируется на многочисленных открытках и изготовленных из разных материалов миниатюрных моделях. В массовом сознании он стал негласным символом Рима, подобно Биг-Бену для Лондона или Эйфелевой башне для Парижа. Своеобразное возрождение Колизей переживает и в кинематографе XX века. Достаточно перечислить такие фильмы, как: «Римские каникулы», «Гладиатор», «Жизнь после людей», «Возвращение дракона» («Путь дракона»). Однако Колизей нередко становится местом действия псевдоисторических боевиков, режиссёры которых жертвуют исторической правдой и показывают Колизей, например, при Нероне. Однако об этом анахронизме пишет и Розанов, упоминая ложу Нерона, которую в Колизее показывали не совсем исторически просвещённым туристам. В фильме «Гладиатор» Риддли Скотта герои именуют амфитеатр Флавиев Колизеем, забывая о более позднем происхождении данного эпитета. Подобные анахронизмы остаются незамеченными не только массовым зрителем, но и разбирающимися в истории людьми, так как Колизей уже воспринимается и как некий условный символ античной зрелищной культуры, воплощённой в краткой и ёмкой формуле panem e circenses.

В настоящее время в Колизее, несмотря на высокую посещаемость памятника, продолжаются восстановительные работы и археологические раскопки. С 2014-2015 гг. большая часть стен сооружения была очищена от тёмного налёта. Средства от посещения Колизея частично идут на восстановление и поддержание других памятников Рима.

Подводя итоги, стоит отметить, что уникальность Колизея заключается в том, что он является одним из самых «долгих памятников», связанных с разными эпохами в истории Италии, тогда как часто памятник связан только с определённой эпохой, которая может длиться менее десятилетия. Он принадлежит в полной мере, как Древнему Миру, так и современной Италии.

Список литературы

1. Байрон Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь IV, 143-145.
2. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Тайна Колизея. М.: АСТ, 2011.
3. Мученичество святого Евстафия и кровных его / Жития византийских святых. СПб.: Corvus. Terra Fantastica, 1995. Пер. С. Поляковой.
4. Розанов В.В. Рим / Русские письма о Риме. М.: Аграф, 2007.
5. Ростовский Дмитрий. Жития святых. Барнаул: Издательство прп. Максима Исповедника, 2003-2004.
6. Светоний Гай Транквил Жизнь двенадцати цезарей. Книга VIII. М., 2012.
7. Хибберт К. Рим: Биография города. М.: АСТ, 2014.
8. Хопкинс М. К. Колизей. Пер. с англ. А. Николаева. М.; СПб., 2007.
9. Цирес А.Г. Архитектура Колизея. М.: Издательство Академии Архитектуры СССР, 1940.
10. Meijer Fik Un giorno al Colosseo. Il mondo dei gladiatori. Ed. Laterza, 2006.
11. Эдгар По The Coliseum / Стихотворения. Пер. К.Д. Бальмонта. http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6

Об авторе

Павлова Анна Николаевна – преподаватель кафедры романских языков (итальянского, португальского и латинского) имени Т.З. Черданцевой МГИМО (У). Email: annik.pavlova@yandex.ru.

Сиднева Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры итальянского языка факультета иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова. Email: lucia80@mail.ru.

THE COLISEUM AS A PARADIGM OF THE HISTORY OF ITALY

A.N. Pavlova, S.A. Sidneva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Moscow State University Lomonosov (MSU), Lomonosovskij Prospect 31, Moscow, Russia

Abstract: *The article discusses Colosseum, one of the best known monuments and unofficial symbols of Rome. Its image is portrayed on the reverse side of Italian five eurocent coin. In addition to a brilliant work of art created by Ancient Roman architects and engineers, Colosseum with its history from its early days to the present time, can be seen as a paradigm of history and culture of Italy itself. Alongside with that, this structure still causes discussions and speculations both reasoned and not, and mass culture interpretations in Italy and across the world.*

Key Words: Colosseum, Rome's history, monuments of history and culture.

References

1. Byron Childe Harold's Pilgrimage, Cantos IV, 143-145.
2. The Martyrdom of Saint Eustache and its blood / Lives of the Byzantine saints, SPb, Corvus. Terra Fantastica, 1995, Trans. Polyakova.
3. Rozanov VV, Rim/ Russkie pisma o Rime [Rome / Russian letters of Rome], Moscow: Agraf, 2007.
4. Rostovsky Dmitry, Zhitiia svyatikh [Lives of the Saints], Barnaul:izd. prepd. Maksima Ispovednika, 2003-2004.
5. Suetonius Gaius Tranquillo, Zhizn dvenadzati tsezarei [The Twelve Caesars], Book VIII, Moscow, 2012.
6. Hibbert C., Rim: biografoia goroda [Rome: biography of a city], Moscow, AST, 2014.
7. Hopkins M. K, Kolizei [The Colosseum], Trans. from English by Nikolayev A, SPb, 2007.
8. Tsires A. G, Arhkitektura Kolizaia [The architecture of the Coliseum], Moscow, Izd-vo Akademii arkhitekturi SSSR, 1940.
9. Meijer Fik, Un giorno al Colosseo. Il mondo dei gladiatori, Ed. Laterza, 2006.
10. Edgar Allan Poe, The Coliseum / Poems, Trans. Balmont K. D http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6

About the author

Anna N. Pavlova – Lecturer at Tamara Z. Cherdantseva Roman Languages (Italian, Portuguese and Latin) Department, MGIMO (U).
Email: annik.pavlova@yandex.ru.
Svetlana A. Sidneva – Candidate of philological Sciences, Senior lecturer of Italian Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University. Email :lucia80@mail.ru.

* * *

ИСТОРИЯ ШУТОВСТВА

С.В. Чернова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье раскрывается содержание понятия «шутовство» в его исторической динамике. На протяжении долгого времени пляски, кривляния и комически абсурдные высказывания шутов вызывали улыбку и смех, снимали эмоциональное напряжение и поднимали общественную самооценку. По своей сути шутовство – это «умное дурачество», требующее развитого воображения и способности выходить за рамки стереотипного мышления. Комический эффект шутовских текстов достигается путём смешения различных жанров. Речь шутов пронизывал каламбур, комически переосмысленные фразеологизмы умышленно употреблялись не к месту или совершенно в ином контексте. Обыденное и литературное понимание шутовства различно. В литературных произведениях «шуты» − умнейшие люди, обладающие мудростью, знанием и особой харизмой. Шутовство имеет свою лингвокультурную специфику. К основными качествам русского шута можно отнести не столько их умение балагурить, сколько талант высмеивать «лживое» и «злое». Одной из важнейших социальных функций профессиональных развлекателей была и остается их способность концентрировать вокруг своих выступлений разных людей, тем самым борясь с общественным затворничеством.

Ключевые слова: медиадискурс, развлекательный дискурс, обиходный дискурс, институциональный дискурс, коммуникативные стратегии, профессиональные развлекатели, шут, шутовство, комизм, каламбур, смех.

Кто служит только для того, чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного во время непогоды.
Но шут с тобой — твой верный шут! Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут, дурак, а не мошенник!
У.Шекспир. Король Лир (перевод С.Я.Маршака)

Шут – это один из древнейших комических персонажей. В древнерусском языке слово «шутъ» появилось приблизительно в XI веке и означало «осмеянный». Хотя достаточно сложно установить первоисточник слова, некоторые исследователи предполагают, что «шут» и литовское «siutas» (бешенство, ярость) имеют общие корни. «Шутиха» − производное существительное женского рода к слову «шут». Шуты и шутихи оставались популярной реалией в обществе в плоть до XIX века. В настоящее время на смену им пришли пародисты, юмористы и клоуны.

Перифразом слова «шут» являются такие выражения как «клоун монарха», «балагур под колпаком», «королевский смехач», «королевский правдолюб», «дворцовый острослов» и т.д. В синонимическом ряду слова «шут» встречаются такие понятия как «скоморох», «паяц», «буффон», «клоун», «арлекин» и т.д.

Долгое время шутовство и уродство были неотделимы друг от друга. В Древнем Египте зародился обычай содержать юродивых от рождения карликов и горбунов наряду с домашними животными. Позже данная мода распространилась на Грецию и Рим. В Китае же необычную форму телу придавали тем, что с детства выращивали людей в специальных кувшинах. В России в 1710 году устраивали потешные свадьбы карликов, ставивших своей целью позабавить людей и «развести» породу смешных низкорослых людей. Пляски, кривляния и комически абсурдные высказывания людей с необычной внешностью вызывали улыбку и смех, снимали эмоциональное напряжение и поднимали общественную самооценку.

Постепенно отношение к юродивым трансформировалось. В их словах стали искать тайные смыслы. Желание приблизиться к сверхъестественному и предвидеть будущее привело правителей к юродивым шутам, как считалось тогда «детям богов», выражающим волю всевышнего.

Не только глупые или юродивые становились шутами. Многие умные люди были вынуждены одевать шутовской колпак, чтобы избежать наказания за резкие слова, сказанные о своём государстве или правителе, так как неприкрытая правда могла стоить им жизни. Среди танцоров, акробатов и фокусников шуты всегда были на особом положении, что позволяло им во время пиршества сидеть за столом вместе со всеми приглашёнными, но лишь при условии сохранения исключительно весёлого настроения, даже в случае удара брошенными кубками и чарками. «Шут не шут, а хороший шпынь» часто балансировал на грани, стараясь умело отшутиться от провоцирующих его гостей и не перейти рамки дозволенного.

В устном народном творчестве закрепились пословицы, предостерегающие профессионального шутника: «Шутник — покойник: пошутил, да и умер», «Шутил Купряшка, да попал в тюряшку» или «Шутил Мартын, да и свалился под тын». Исход каждой неудачной шутки – лишение свободы или жизни. Так, например, во времена Ивана Грозного княжеский сын и придворный шут Осип Гвоздь, усомнившийся, в форме шутки, в родстве царя с римскими императорами, сначала был погружён лицом в кипящие щи, а позже, при попытке убежать, лично зарезан самодержцем.

Бывали в истории и случаи, когда шутам предоставлялась личная охрана правителя. Один из китайских императоров по имени Шэно-цзун приставил двух князей к своему любимому шуту Дин Сяньсяня, чтобы спасти того от убийц, которые были подосланы первым министром страны Ван Аньши. Силы министра оказались слабы и не смогли лишить шута головы. Так появилась пословица «Главный министр всё равно на голову ниже шута».

Однако был в истории и день, когда шут имел неограниченную власть и безнаказанность. Во многих католических странах, в частности в странах Европы, в День Дурака (31 декабря) шут занимал трон и имел возможность открыто высмеивать недостатки окружающей действительности. Шут символизировал хаос и мог говорить и делать всё, что ему заблагорассудится.

Шут был одновременно любим как королём, так и простым народом. С одной стороны, он развлекал правителя, снимал его грусть, поднимал настроение, нередко выступал в качестве консультанта, дающего дельные советы по управлению государст-

вом. С другой стороны, шут, будучи иногда выходцем из низшей общественной страты, имел уникальную возможность просить королевской помощи для бедных и притеснённых.

Однако нельзя говорить о том, что шуты пользовались исключительным доверием. Так, например, русская пословица гласит: «Шуту в дружбе не верь» [4]. Шут мог скрывать свою истинную натуру под разными масками, перевоплощаясь в любой персонаж. Шут был многолик. В стандартной колоде карт неслучайно есть джокер (от англ. «шутник»), необычная карта, которая по желанию играющего может заменить в комбинации любую другую.

Шутовство иногда было семейным ремеслом, где накопленные знания и умения передавались по наследству. Знать часто брала новых шутов из семей, отличающихся особой весёлостью и остроумием. Шутовство имело и территориальную привязку. Так, например, Труа был городом, поставляющим французскому королевскому двору новых шутов. К основным профессиональным обязанностям шутов относились музицирование, жонглирование, актёрское мастерство, умение рассказывать анекдоты, загадывать загадки и ребусы, а также исключительно шутить.

Шутовство требовало от профессионального развлекателя ума, таланта и тренировки. Неслучайно У.Шекспир в произведении «Двенадцатая ночь, или что угодно» написал о шуте:

В нём есть мозги, чтоб корчить дурака;
А это дело требует смекалки:
Он должен точно знать, над кем он шутит,
Уметь расценивать людей и время
И, словно дикий сокол, бить с налёта
По всякой встречной птице.
Ремесло не легче, чем занятья здравоумных.
Есть мудрый смысл в дурачестве таком,
А умный часто ходит дураком.

По своей сути шутовство это «умное дурачество», требующее развитого воображения и способности выходить за рамки стереотипного мышления. Многие шуты – это умнейшие люди и гениальные новаторы своего времени. К одному из таких исторических персонажей можно отнести придворного остро-

слова Петра Великого – Яна Лакоста (д'Акоста, 1665–1740). На вопрос придворного, почему шут разыгрывает из себя дурака, тот отвечал: «У нас с вами для этого разные причины: у меня недостаток в деньгах, а у вас − в уме». Ярким примером остроумия может служить ответ шута на вопрос поэта Тредиаковского, обращённый к князю Голицыну: «Какая разница меж тобой и дурачиной?». Присутствующий при разговоре шут ответил, не задумываясь: «Дурак спрашивает, а я отвечаю».

Справедливо сказать, что обыденное и литературное понимание слова «шут» отличаются. В литературных произведениях «шуты» умнейшие люди, обладающие мудростью, знанием и особой харизмой. Поэтому высказывание «Шут, он и в Африке шут, большого ума не надо» не применимо к примерам, взятым из классических произведений. Так, например, в трилогии А.Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять» придворный шут Шико, служивший королю Генриху III, − это умнейший и чрезвычайно благородный персонаж. Кроме того, в произведении Гёте «Фауст», сам Мефистофель скрывался в обличии королевского шута. Хочется особенно отметить стихотворение Фёдора Сологуба «Шут» (1923), в котором главный персонаж вобрал в себя характерные черты для приводимого нами примера «умного шута» – это человек с несуразным внешним видом, выступающий в роли всеобщего посмешища и в то же время глашатай правды без цензуры:

Дивитесь вы моей одежде,
Смеётесь: — Что за пестрота! —
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом обличии шута.

Мне закон ваш — не указка.
Смех мой — правда без границ.
Размалёванная маска
Откровенней ваших лиц.

Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря,
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя…

Традиционно шут изображался в колпаке с серебряными бубенцами. Количество длинных свисающих концов колпака могло отличаться, но чаще всего их было три по аналогии с двумя ослиными ушами и хвостом. Обязательным атрибутом в руках шута ещё со времен Древнего Рима выступала погремушка, сделанная из палочки и бычьего пузыря, наполненного горохом. Своеобразным скипетром шута был «марот» − палка с кукловидной фигурой в качестве набалдашника. Что интересно, отмечается поразительное сходство скульптурной головы на конце трости у фламандского и новгородского марота. Подобная похожесть стилизованных голов-идолов связывается с особым мистицизмом, связи шутов со сверхъестественным, их способностью видеть и общаться с духами.

Внешность русских шутов имела свою специфику. Они обматывались гороховой соломой и одевали маску, которая называлась «харей» (от греческого «харея» − голова). Часто шутов сопровождал медведь или коза. Основными качествами русского шута было не столько умение балагурить, сколько их талант высмеивать «лживое» и «злое».

Зёрна гороха и гороховая солома были незаменимы в профессии шута. Они использовались не только в качестве украшений и наполнителей шутовских атрибутов, но также были незаменимы в пище. «Весёлый» гороховый суп помогал профессиональному развлекателю создавать желаемое акустическое сопровождение своему выступлению, вызывая неудержимый смех публики.

Не стоит забывать, что смех был и остается попыткой искусственного возвышения над другими и действенным механизмом, помогающим потешить свою гордыню. «Удовольствие, доставляемое смехом, – сказал Горей, – представляет одну из существенных потребностей человека...» [3, с.8]. Торжествующие смеются и тем самым превозносят себя над комичными персонажами и житейскими ситуациями. Это помогает справиться со страхом, ведь, как известно, тот, кто смеётся над другими, боится насмешек над собой. Для иллюстрации данного примера отлично подходят строки из стихотворения Инессы Биккуловой «Клоуны»:

Когда выходят клоуны, ко мне приходит грусть.
Уже нестрогий зритель наготове
Смеяться, как один, на каждом слове
И фокусе, знакомом наизусть.

Нас так объединяет, если кто-нибудь другой
Упал, или пропал, или чудачит
Все счастливы, никто не озадачен
Как скрыть колпак свой яркий Шутовской.

Мы все слегка друг другу непонятны и смешны,
И кажутся другие дураками,
Но вот теперь смеются не над нами,
И смотрят не нас со стороны.

Современные врачи могли бы сказать, что шуты помогали населению снимать психологическое напряжение, бороться с негативными эмоциями и стрессами. Ещё одной важной социальной функцией шутов была их способность концентрировать вокруг своих выступлений разных людей, тем самым борясь с общественным затворничеством.

Исследуя лингвистические особенности шутовских текстов, можно утверждать, что комический эффект часто достигался путём смешения различных стилей и жанров. Речь шутов пронизывал каламбур, комически переосмысленные фразеологизмы умышленно употреблялись не к месту или совершенно в ином контексте. Исследуя юмористическое «Сказание о крестьянском сыне», каждое предложение потешного вора представляет собой смешение молитвенного изречения с неожиданным просторечным описанием хода кражи в амбаре богатого селянина: «Одеяся светом, яко ризою, а я одеваюсь крестьянскою новою шубою». «Раб божий Иван в седалия, а я обуваюсь в новые сапоги крестьянские» [1, с. 99]. Сохранившиеся скоморошьи тексты явно пародируют стилевые особенности молитвы, литургии, текстов судопроизводства и имеют своей целью высмеять «формуляры» и принизить их значимость.

Для создания неожиданного комического эффекта часто использовалось сочетание из противоположных по смыслу слов. В «Рукописи о преданном» мы встречаем следующий образец

оксюморона: «Дворовый человек Викула так богат, что не имеет ни пула (денежная единица)» [5, с. 37]. Кроме того, шуты нередко повторяли одни и те же слова и выражения, придавая им особую значимость. Повторение более тридцати раз «очистил мя еси кабаче донага» в произведении демократической смеховой литературы XVII века «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек») создаёт необходимый юмористический эффект. Сценическая речь шута не могла обходиться без пословиц, поговорок и загадок.

Речь потешника не ограничивалась лишь стилистическими средствами. В шутовском представлении, по мнению М.М. Бахтина, был очень важен пластический аспект, а именно физическое изображение слова, то есть использование жестов и сценических движений. Справедливо утверждать, что жест, движение и слово объединялись в неразрывное единство [2, с. 91].

К развлечениям современности относится «историческое шутовство». Профессиональные развлекатели воссоздают достоверные исторические образы известных шутов в своей работе. При данном роде занятий воссоздаются достоверные костюмы и оригинальные реквизиты шутов и исполняются их популярные трюки с учётом исторического контекста. К излюбленным персонажам английского театра Хэмптон Корт относятся Уилл Сомер и Патча, шуты короля Генриха VIII.

Отвечая на вопрос, могла бы должность «шута» существовать при государственной власти в XXI веке, у многих напрашивается отрицательный ответ. Достаточно трудно представить современных политиков, сидящими рядом с шутами, высмеивающими и пародирующими государственные решения. В современном мире профессия шута с трудом соотносится с вопросом политкорректности, несмотря на существующую свободу слова. Однако в 2005 в газете The Times было размещено необычное объявление о придворной вакансии шута на летний период. Пост государственного шута Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии занял «Питеркин Дурачок» (Peterkin the Fool), официально вступивший в должность 23 апреля в День Святого Георга. Выбранный кандидат, имеющий профессиональный диплом богослова, согласно новой занимаемой должности English Heritage National Jester призван шутословить и дурачиться.

Список литературы

1. Владышевская Т.Ф. Изобразительный канон музыкальных инструментов Древней Руси. – Москва: Искусство, 2001.
2. Власова З.И. Скоморохи в памятниках письменности / З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис. – СПб.: Нестор-История, 2007.
3. Газо А. Шуты и скоморохи всех времен и народов. – СПб., 1898. – 322 с.
4. Даль В.И. Смех – Шутка – Веселье. Пословицы русского народа. — М.: Художественная литература, 1989.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – Москва: Наука, 1988.

Об авторе

Чернова Снежана Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО-Университет МИД РФ. Email: Snezhana85@yandex.ru.

THE HISTORY OF BUFFOONERY

S.V. Chernova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article reveals the content of the concept "buffoonery" in its historical dynamics. It is a fact that for many centuries dances, contortions and comically absurd statements of clowns have brought smiles and caused laughter, removed emotional stress and raised self-esteem. "Buffoonery" is essentially considered to be "smart business" that requires a developed imagination and the ability to go beyond stereotypical thinking. The comic effect of humorous texts is mainly achieved by mixing different genres and styles. The jester's speech is full of comically reinterpreted idioms and pun, which are deliberately used out of place or in a completely different context. Everyday and literary understandings of buffoonery differ greatly. In literature "the jester" is the smartest person distinguished from others by exceptional wisdom, special knowledge and charming charisma. "Buffoonery" has its linguocultural specificity. The main quality of the Russian jester was his ability to make fun of "mendacious" and "evil" things. One of the most important social functions of professional entertainers has always been their talent to unite people of different cultural, religious or social backgrounds thereby fighting against social seclusion.*

Key Words: media discourse, entertainment discourse, everyday discourse, institutional discourse, communicative strategy, professional entertainers, buffoon, buffoonery, comedy, pun, laughing.

References

1. Vladyshevskaia, T. F. Izobrazitelny kanon muzikalnyh instrumentov drevnei Rusi [the Canon of Fine musical instruments of Ancient Russia]. – Moscow: Art, 2001.
2. Vlasova, Z.I. Skomorokhi v pamyatnikah pismennosti [Buffoons in the monuments of literature] / Z. I. Vlasova, E. P. Francis. – SPb.: Nestor-History, 2007.
3. Gas, A. Shuti I skomorohi vseh vremyon I narodov [Jesters and clowns of all times and peoples]. – SPb., 1898. – 322 p.
4. Dal, V. I. Smeh − shutka− veselye [The Laugh – Joke – Fun]. Proverbs of the Russian people. — M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1989.
5. Rybakov B. A. Yazichestvo drevney Rusi [Paganism of ancient Russia]. – Moscow: Nauka, 1988.

About the author

Snezhana Valeryevna Chernova – Ph.D in linguistics, senior teacher of English, department of the English language №1, MGIMO-University (Russia). E-mail: Snezhana85@yandex.ru.

* * *

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

Журнал №4

Отв. редактор ***Г.И. Гладков***
Компьютерная верстка ***Д.Е. Волков***

Подписано в печать _____.2015 г.
Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,125.
Тираж 500 экз. Заказ ___

МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76